

НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН

Гуманитарные науки

1'2021

Казань 2021

Научный рецензируемый журнал
Учредитель – ГНБУ "Академия наук Республики Татарстан"

Основан в январе 1995 г.
Выходит четыре раза в год

Журнал ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00(исторические науки), 10.00.00(филологические науки), 22.00.00(социологические науки)

Главный редактор – академик АН РТ **М.Х. Салахов**
Заместитель главного редактора –
директор Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ,
академик АН РТ **И.А. Гилязов**

Редакционная коллегия:

Бальдауф Ингеборг, профессор (Берлин),
Вашари Иштван, профессор (Будапешт),
Девлет Надир, профессор (Стамбул),
Загидуллин И.К., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Загидуллина Д.Ф., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Ильдарханова Ф.А., доктор социологических наук, доцент (Казань)
Кирхнер Марк, профессор (Гиссен)
Миннуллин К.М., доктор филологических наук, профессор (Казань),
Мухаметшин Р.М., доктор политических наук, профессор (Казань),
Ситдииков А.Г., доктор исторических наук, доцент (Казань),
Трепавлов В.В., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Хайрутдинов Р.Р., кандидат исторических наук, доцент (Казань),
Хузин Ф.Ш., доктор исторических наук, профессор (Казань),
Шайдуллин Р.В., доктор исторических наук, профессор (Казань)
Шамильоглу Юлай, профессор (Мэдисон)

Адрес редакции:
420111, Казань, ул. Баумана, 20
Телефоны:
Гл. редактор – 292-40-34
Зам. гл. редактора – 238-35-82
E-mail: info-ite@mail.ru
(для редакции «НТ»)

Подписано в печать 30.04.2021.
Формат 70x108 1/16.
Бумага офсетная.
Печ. л. 7. Усл. печ. л. 9,8.
Тираж 100 экз.

Отпечатано в издательстве «Фэн»
Академии наук РТ.
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20.
Тел.: (843) 292-49-14

Переводчик **И. Шакиров**
Компьютерная верстка **В. Левин**

© Коллектив авторов, 2021
© Академия наук РТ, 2021

ИСТОРИЯ

- 5 **Шайдуллин Р.В.** Народы Татарстана в переписях населения (1897–2010 гг.)
- 29 **Хамидуллин Б.Л.** Алтын Урда һәм аның мирасы
- 39 **Халиуллина Р.И.** Бабаларыбыз солыхнамәсе һәм намус
- 43 **Миниханов Ф.Г.** Вклад городских голов Казани в развитие социальной инфраструктуры города
- 52 **Вагабова Э.** Баку – центр проведения художественных выставок в конце XIX – начале XX вв.
- 61 **Миронова Е.В.** Первая мировая война и Лаишевский уезд
- 69 **Садыкова Р.Б.** Из истории организации библиотечного дела в Казанской губернии (Татарской АССР) в 1918–1920-е гг. (на примере Чистопольского кантона)
- 82 **Рафикова Г.Э., Шакиров И.А.** Кайбицкий район в годы Великой Отечественной войны
- 86 **Насибуллина А.Б.** История человека в истории села
- 90 **Калимуллина Ф.Г.** Вклад академика М.А.Усманова в казанское востоковедение и татарскую энциклопедистику
- 98 **Мустафаев Н.** Жизнь, посвященная науке о живой старине... (памяти академика Мамедага Ширалиева)
- 105 **Мухаметшина Л.Т.** Информационный потенциал энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан»
- 109 **Нигъмәтзянова Л.Т.** Книга «Татарстану – 100 лет: иллюстрированные энциклопедические очерки» как источник изучения физкультурно-спортивного движения в Татарстане

ФИЛОЛОГИЯ

- 114 **Айтпаева Г.А.** Изменение структуры литературного поля в Советской Киргизии периода перестройки

CONTENTS

HISTORY

- 5 **Shaidullin R.V.** Tatarstan peoples in censuses (1897–2010)
- 29 **Khamidullin B.L.** The Golden Horde and its legacy
- 39 **Khaliullina R.I.** Solykhname of ancestors and honor
- 43 **Minikhanov F.G.** The contribution of the mayors of Kazan to the development of the social infrastructure of the city
- 52 **Vagabova E.R.** Baku is the center of art exhibitions in the late 19th – early 20th centuries
- 61 **Mironova E.V.** The First World War and Laishevsky county
- 69 **Sadykova R.B.** From the history of the organization of librarianship in the Kazan province (Tatar ASSR) in the 1918s and 1920s (on the example of the Chistopol canton)
- 82 **Rafikova G.E., Shakirov I.A.** Kaibitsky district during the Great Patriotic War
- 86 **Nasibullina A.B.** The history of man in the history of the village
- 90 **Kalimullina F.G.** Contribution of Academician M.A.Usmanov to Kazan Oriental Studies and Tatar Encyclopedia
- 98 **Mustaev N.** Life dedicated to the science of living antiquity... (in memory of academician Mamedag Shiraliyev)
- 105 **Mukhametshina L.T.** Information potential of the encyclopedia «Settlements of the Republic of Tatarstan»
- 109 **Nigmatzyanova L.T.** The book «Tatarstan is 100 years old: illustrated encyclopedic sketches» as a source for the study of physical culture and sports movement in Tatarstan

PHILOLOGY

- 114 **Aitpaeva G.A.** Changes in the structure of the literary field in Soviet Kyrgyzstan during the perestroika period

НАРОДЫ ТАТАРСТАНА В ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ (1897–2010 ГГ.)

Шайдуллин Р. В., доктор исторических наук

TATARSTAN PEOPLES IN CENSUSES (1897–2010)

Shaidullin R. V.

Демографические переписи населения являются кладезем информационных данных по динамике и состоянию народонаселения России, ее регионов. Определение этнического состава населения страны важно для решения многих социокультурных и этнополитических задач. И эта проблема характерна почти для всех всесоюзных и всероссийских переписей. Всегда очень сложной процедурой является перепись этнического состава населения, особенно такой многонациональной страны, как Россия. И, конечно же, в статистике народонаселения встречаются ошибки – умышленные и неумышленные, номенклатурные и этнополитические предвзятости, связанные с определенной политической конъюнктурой времени или человеческим фактором. Например, во время проведения Всероссийской переписи населения 2010 г. было получено более 1620 различных вариантов ответов населения на вопрос о национальной принадлежности¹. Причем, по официальным данным переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживали представители примерно 193 националь-

ностей. Изменения в численности населения и его составе, а также в тех демографических процессах, которые их обуславливали, являлись отражением сложных, иногда противоречивых, а порой трагических событий в жизни стран и населяющих их народов. Но, несмотря на это, переписи населения – уникальный исторический и социологический источник знаний о многонациональном российском обществе, который позволяет анализировать, делать выводы, строить планы, принимать взвешенные решения и двигаться вперед.

В апреле 2021 г. в новейшей истории Российской Федерации и Республики Татарстан планируется провести третью Всероссийскую перепись населения. Первоначально демографическую перепись населения страны планировалось провести в октябре 2020 г., но вследствие пандемии коронавируса она была перенесена на следующий год. Девизом предстоящей переписи населения стал всенародно объявленный лозунг «Создаем будущее!», что является своеобразным логическим продолжением концептуальной ли-

нии этнодемографической политики российского руководства. Логотипом переписи стал яркий образ, символизирующий устремленность в будущее и новый цифровой формат переписи. Вспомним, в 2002 г. Всероссийская перепись населения проводилась под девизом «Впиши себя в историю России!», в 2010 г. – «России важен каждый!».

История российских переписей восходит к периоду Золотой Орды. В 1255–1257, 1258–1259, 1274–1275 гг. были проведены переписи населения княжеств Восточной Руси, главной целью которых было определение количества потенциальных налогоплательщиков и установление динамики развития рекрутских ресурсов славянских, тюркских и финно-угорских народов. После них на территории Российского государства вплоть до начала XVIII в. не проводились всеобъемлющие и системные подворные переписи населения. Новый этап переписей населения России связан с именем российского царя Петра I: благодаря его начинаниям на протяжении более полутора веков главным основанием исчисления населения в России служили ревизии. Прямая цель ревизий состояла в учете податных сословий населения, которые подлежали налогообложению. Таких ревизий в Российской империи было проведено 10: первая – в 1719 г., последняя – в 1858 г.

Первая и единственная всеобщая перепись населения Российской империи была проведена в феврале 1897 г. Инициатором ее стал выдающийся русский ученый, географ

и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), фактически его идеи были реализованы Н. А. Тройницким (1842–1913), назначенным в 1897 г. председателем Статистического совета при Министерстве внутренних дел России. Он принимал активное участие в подготовке и проведении Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. Под его руководством проводилась разработка итогов переписи, которые были опубликованы в 1897–1905 гг. Материалы переписи представляют собой единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России конца XIX в. По данным Центрального статистического комитета, в Российской империи проживали 124 640 тыс. чел., подавляющее большинство из них, именно 85%, составляли сельские жители. В программе Первой всеобщей переписи населения 1897 г. отсутствовал вопрос о национальности. Его подменял вопрос о родном языке. Это было вызвано не столько путаницей в трактовке понятий «национальность», «народность», сколько имперскими тенденциями, связанными с политикой создания единого российского этноса с общим языком и культурой. Кроме того, для определения этнического самоназвания народов, проживавших на территории Российской империи, помимо родного языка и близкородственных лингвистических наречий, еще использовались такие признаки, как сословная и религиозная принадлежность.

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. пред-

ставляют большой научный и практический интерес для современного поколения исследователей, поскольку являются, по сути, единственным источником данных о том времени. Ведь переписные листы включали вопросы, охватывавшие самые разные сферы жизни и деятельности респондентов, в том числе о родном языке и его наречиях, грамотности, вероисповедании, сословной принадлежности, главном и побочном занятии. Итоги переписи не только позволили получить объективные данные о социально-демографическом, экономическом, этническом и образовательном развитии народов России, но и стали добротной основой для проведения последующих всесоюзных переписей в СССР.

В программах имперской и советских переписей населения стоял вопрос о родном языке. Однако в них в понятие «родной язык» вкладывалось различное содержание. Так, в переписи 1897 г. это язык (наречие), который опрашиваемый считал своим родным языком, в переписи 1920 г. – разговорный язык семьи, в переписи 1926 г. – разговорный язык опрашиваемого. В результате различного содержания, вкладываемого в понятие «родной язык», статистические совокупности, составленные по этому признаку, были не всегда адекватны, поскольку оно подвергалось номенклатурным и политическим изменениям. В ходе ассимиляционных и консолидационных процессов происходила трансформация этнической идентичности, изменялись критерии, согласно которым опрашиваемый

относил себя к той или иной этнической группе. Изменялось и понятие родного языка. Такая подвижность критериев воздействовала на объем статистических совокупностей этнодемографических показателей всероссийской (1897 г.) и всесоюзных переписей (1926, 1939, 1956, 1970, 1979, 1989 гг.). Поэтому иногда по признакам этнической принадлежности и родного языка трудно было объяснить изменения, происходившие в численности народов страны и ее регионов. В какой-то мере эти статистические трансформации можно было объяснить ростом темпов воспроизводства и миграции населения, отчасти и ассимиляцией и этнической консолидацией.

Первая всероссийская перепись населения 1897 г. не собирала данные о национальной принадлежности российских граждан, только выявляла их родной язык (наречие), вероисповедание и уровень грамотности. Причем эти пункты для имперских властей не представляли особого интереса. В списке вопросов переписного листа графа «вероисповедание» была под одиннадцатым номером, графа «родной язык» – под двенадцатым. При этом грамотность на родном языке регистрировалась только в тех случаях, когда опрашиваемый гражданин не умел разговаривать по-русски, поэтому информация о численности умевших читать и писать на родном языке не совсем точна.

Характеризуя этнический состав населения Казанской губернии по данным переписи 1897 г., следует отметить, что отсутствие в ней во-

проса о национальной принадлежности приводит к необходимости выявлять эту информацию, исходя из таких признаков, как родной язык (наречие), вероисповедание, сословность. В связи с компактностью и даже некоторой закрытостью этнических групп населения губернии родной язык по большей части совпадал с национальностью, что дает возможность интерпретировать эти данные как этническую принадлежность, признавая при этом некоторую относительность и условность выводов. К примеру, в переписи населения Казанской губернии в состав великорусов были включены малору-

сы (789 чел.) и белорусы (76 чел.)², поскольку официальная правящая верхушка не рассматривала эти народы как самостоятельные этносы, причисляла их к региональным группам русского социума.

Исходя из данных о родных языках (наречиях) в Казанской губернии перепись населения 1897 г. была проведена примерно по 106 этнонимам. В ходе опроса населения на территории губернии переписчиками было зафиксировано свыше 40 этнических самоназваний, наиболее многочисленными из них являлись русские, татары, чуваша, марийцы (см. таблицу)³.

<i>Народы</i>	<i>Общее количество</i>	<i>В%</i>
<i>Русские</i>	<i>833 340</i>	<i>38,4</i>
<i>Поляки</i>	<i>1700</i>	<i>0,1</i>
<i>Немцы</i>	<i>1155</i>	<i>0,1</i>
<i>Евреи</i>	<i>1381</i>	<i>0,1</i>
<i>Татары</i>	<i>675 419</i>	<i>31,1</i>
<i>Чуваши</i>	<i>502 042</i>	<i>23,1</i>
<i>Вотяки (удмурты)</i>	<i>9679</i>	<i>0,4</i>
<i>Мордва</i>	<i>22 187</i>	<i>1,0</i>
<i>Черемисы (марийцы)</i>	<i>122 717</i>	<i>5,7</i>
<i>Прочие</i>	<i>1045</i>	<i>0,0</i>
<i>Всего</i>	<i>2 170 665</i>	<i>100</i>

Судя по данным таблицы, русские – титульный народ – составляли только 38,4% от общей численности населения Казанской губернии, на долю же тюркских и финно-угорских народов: татар, чувашей, марийцев, мордвы и удмуртов – приходилось 61,3%, или более чем 2/3 всех жителей губернии. Из этого числа, несколько уступая русским, второе место в губернии занимали ранее господствовавшие здесь татары (31,1%) и третьи – родственные им по языку чуваша (23,1%).

При этом следует отметить, что во время переписи населения 1897 г. в Казанской губернии активизировалось протестное движение среди представителей татарского крестьянства, которые чинили различные препятствия переписчикам, направленным в сельскую местность для переписи жителей. Это объяснялось боязнью татар очередной волны русификации и христианизации, закрытия мечетей и мусульманских конфессиональных школ. Для этого были причины, связанные с деятель-

ностью имперских властей в 1870–1890-е гг. по насаждению русских классов в медресе, введению образовательного ценза для мусульманских духовных лиц (экзамена по русскому языку), запрещению религиозной литературы иностранного происхождения. Под воздействием различных слухов о насильственном крещении большинство татарских сельских общин Казанской губернии не допускало в свои населенные пункты переписчиков. Массовым протестным движением было охвачено 10 (из 12) уездов губернии. Недовольство переписью выразило также татарское население Уфимской, Симбирской, Самарской, Вятской и Пермской губерний.

В то же время следует отметить, что Всероссийская перепись населения в 1897 г. проводилась в основном на общественных началах. Из-за низкой грамотности населения большую часть формуляров заполняли счетчики. В переписи участвовало до 150 тыс. счетчиков, которыми было заполнено вручную 30 млн. переписных бланков⁴. В ней было задействовано большое количество местных чиновников, учителей, представителей научных и творческих профессий. В качестве морального поощрения 21 ноября 1896 г. императором Николаем II была учреждена медаль «За труды по первой всеобщей переписи населения», которой удостоивались россияне, внесшие значительный вклад в процесс переписи. Среди награжденных переписчиков был и чувашский просветитель, создатель современного чувашского алфавита И. Я. Яковлев.

Первые две советские переписи населения 1920 и 1926 гг. пришлись на период национально-государственного строительства в СССР, когда в его составе образовывались первые союзные республики, а в них, в свою очередь, создавались различные автономные национально-территориальные субъекты. Именно поэтому при проведении этих переписей большое внимание уделялось национально-территориальной принадлежности населения страны. Результаты этих переписей становились основой не только для размежевания границ национальных образований, но и для реализации масштабной культурной революции с целью создания многонациональной советской общности. Об этом свидетельствуют и изменения в критериях опроса, используемых при выявлении национальной принадлежности населения СССР и его национально-административных субъектов. Переход от вопроса о разговорном языке семьи (перепись 1920 г.) к вопросу о разговорном языке опрашиваемого (перепись 1926 г.) давал властям возможность проследить динамику развития национальной идентичности народонаселения Союзного государства. Известно, что в первом случае национальная принадлежность членов семьи определялась его главой, во втором же – респондентом единолично. При свободном самоопределении этнической и языковой принадлежности часто происходили различные национально-нигилистические трансформации. Особую роль в этом процессе сыграла активно внедряемая в этнические сообщества

советская система национального образования и культуры, основанная на идеологии интернационализма и прозелитизма. Советское руководство, широко используя в национальной школьной системе отдельные миссионерские формы учебно-воспитательной работы, заимствованные из системы Н. И. Ильминского, постепенно создавало необходимые условия для языковой и этнокультурной русификации иноязычных народов страны. Это дало определенные этнолингвистические результаты уже в 1920-е гг., когда некоторая часть этнически нерусского советского электората в графе язык записала «русский». В основе такого «гражданского» волеизлияния лежала, как правило, либо мотивация, связанная с ожиданием карьерного роста, либо специфическая форма национально-нигилистического протеста, имевшая достаточно стихийный и нерелефлексированный (невзвешенный) характер. Возможно, причиной этого стало и значительное увеличение этнических самоназваний народов, к примеру, в переписи населения 1926 г. их число достигло 194.

Девизом Всесоюзной переписи населения СССР 1926 г. был «Рабочий! Крестьянин! Ты строишь жизнь. В этом поможет тебе перепись населения!». Основными переписными формулярами были личный листок и семейная карта (последняя – только в городах). Личный листок респондента содержал почти те же вопросы, какие имелись в счетном листе предыдущей переписи населения. Он включал 14 вопросов (с уточняющими пунктами – около

30), в том числе о половозрастном и брачном состоянии, этнической принадлежности и родном языке, грамотности, месте рождения и продолжительности постоянного проживания, наличии тяжелых увечий и психических заболеваний. Перепись началась 17 декабря 1926 г. и длилась две недели на селе и неделю в городах. Предварительные ее итоги были опубликованы в 1927 г., краткие результаты – в 1927–1929 гг. (в 10 томах), полные – в 1928–1933 гг. (в 56 томах). Несмотря на определенное редактирование статистических данных переписи, отчасти и этнических этнонимов со стороны аппарата ЦК ВКП(б) под руководством И. В. Сталина, перепись 1926 г. отличалась не только продуманной методикой получения сведений, но и богатством собранных данных, особенно о национальном и социальном составе населения. В СССР общая численность населения Союзного государства впервые была определена переписью 1926 г. и составила 147 млн. чел., из них 77,8 млн. – русские, 2,9 – млн. татары, 1,3 млн. – мордва, 1,1 млн. – чуваша, 0,7 млн. – башкиры, 0,5 млн. – удмурты, 0,4 млн. – марийцы⁵.

Одна из главных трудностей при проведении и обработке результатов переписей населения 1920-х гг. была фиксация этнических общностей. Особые сложности эта проблема доставляла организаторам и работникам переписей населения в силу политизации так называемого «национального вопроса», связанного с идеологией создания единого советского социума. Об этом свиде-

тельствует политика постепенного сворачивания программ реализации татарского языка, коренизации государственного аппарата в Татарстане, а также закрытие национальных газет и типографий, сворачивание школьного обучения на языках «нетитульных» народов союзных республик. Таким образом, национальный вопрос политизировался, нетитульные этнические сообщества оказывались под идеологическим прессом государственно-политических и административно-территориальных структур. Государственная политическая система, так называемый «советский федерализм», включавшая национально-территориальные образования различных уровней, в 1930-е гг. начала активно диктовать народам свои правила игры. Она обуславливала признание или непризнание того или иного народа, что зачастую было связано с существовавшей у И. В. Сталина – «отца народов» – идеей «упрощения» этнического состава советского общества. В результате все этнические «коллизии» переписей конца 1930-х гг. сводились, по сути, только к тому, чтобы заранее составить список народов, которые будут присутствовать в итоговых материалах.

В конце 1930-х гг. в СССР были проведены две переписи населения, первая из них состоялась в январе 1937 г. Подготовка и проведение этой переписи пришлось на период сплошной коллективизации единоличных крестьянских хозяйств, форсированной индустриализации промышленного производства, политических и административных ре-

прессий. В результате резкого ухудшения экономических, социальных, продовольственных и санитарно-эпидемиологических условий жизни основной массы населения страны и нещадной физической эксплуатации рабочих и крестьян произошел демографический кризис, связанный с интенсивным ростом смертности и замедлением темпов рождаемости в СССР. В сокращении численности населения страны немалую роль сыграли и сталинские репрессии, преждевременно оборвавшие жизни нескольких миллионов советских граждан.

При проведении Всесоюзной переписи населения 1937 г. первоначально планировалось охватить широкий круг вопросов: пол, возраст, национальность, родной язык, грамотность, образование и др. Причем респонденту планировалось задать следующие вопросы: «На каком языке умеете писать и читать?»; «Умеете ли писать и читать или только читаете?». При этом национальность и родной язык должны были записываться по самоопределению респондента. Больше, чем в ходе других переписей, в ней должно было быть уделено внимания вопросу образования. Было принято специальное Обращение ЦК ВКП(б) и СНК СССР к населению, в котором разъяснялось народно-хозяйственное значение переписи и говорилось, что участие в ней – гражданский долг каждого советского человека. Массовыми тиражами выпускались брошюры, листовки и плакаты, читались лекции, проводились беседы с населением. Однако конечный вариант опросного

листа, отредактированный лично И. В. Сталиным, был существенно обеднен, по сравнению с прежним проектом. В частности, исчезли уточнения в вопросе о грамотности, появились вопросы о религиозной принадлежности, гражданстве. Очевидно, вопрос о гражданстве был введен в связи с принятием второй Конституции СССР в 1936 г.

Однако результаты Всесоюзной переписи 1937 г. (162 млн. чел.) разошлись с публиковавшимися ранее несколько преувеличенными официальными оценками численности населения СССР (170–172 млн. чел.). В 1990-е гг. в российских архивах была обнаружена значительная часть материалов переписи населения 1937 г. Проанализировав эти данные, этнологи и демографы пришли к не-

однозначному выводу, что недоучет населения был незначителен, где-то около 700 тыс. чел. (0,43%). Во многих зарубежных странах недоучет населения при переписи в пределах 5% считается допустимым. Организация переписи сталинским руководством была признана неудовлетворительной, материалы ее – дефектными, в результате данные переписи не были обнародованы. Многие разработчики и организаторы переписи 1937 г., руководители государственной статистики по всей стране были объявлены врагами народа и репрессированы. Интересны предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1937 г. по республикам Поволжья и Приуралья (см. таблицу)⁶.

<i>Наименование субъектов</i>	<i>1926 г.</i>	<i>1937 г.</i>	<i>Динамика роста в%</i>
<i>Башкирская АССР</i>	<i>2 545 165</i>	<i>2 956 778</i>	<i>116,2</i>
<i>Марийская АССР</i>	<i>488 150</i>	<i>562 322</i>	<i>115,2</i>
<i>Мордовская АССР</i>	<i>1 260 073</i>	<i>1 192 012</i>	<i>94,6</i>
<i>Татарская АССР</i>	<i>2 585 036</i>	<i>2 735 685</i>	<i>105,8</i>
<i>Удмуртская АССР</i>	<i>791 530</i>	<i>936 005</i>	<i>118,3</i>
<i>Чувашская АССР</i>	<i>888 960</i>	<i>1 023 958</i>	<i>115,2</i>

Судя по данным переписей 1926 и 1937 гг., во всех республиках Поволжья и Приуралья, кроме Мордовии, наблюдался естественный прирост населения. Если в 4 национально-территориальных образованиях (Башкирская, Марийская, Удмуртская, Чувашская АССР) за 10 лет прирост населения составил в среднем 11,6%, то в Татарстане – всего 5,8%. Причем не совсем понятно, какую роль в процессе роста численности населения сыграли социально-экономические трансфор-

мации и миграции, связанные с «великими стройками», а также новые этнотерриториальные размежевания границ отдельных республик.

В 1939 г. была проведена новая Всесоюзная перепись населения СССР, которая прошла под лозунгом «Любой из заполненных переписных листков будет крепкой и яркой повестью о жизни замечательных советских людей! По-большевистски проведем перепись населения!». В ходе новой переписи национальная идентификация населения произво-

дилась только по лингвистическому признаку, всякие другие национальные особенности игнорировались; народы записывались только в соответствии с заранее составленными 97 этническими самоназваниями. По сравнению с Всесоюзной переписью населения 1926 г., количество самоназваний этносов в переписи 1939 г. сократилось в 2 раза (со 194 до 97). Причем 46 народов СССР на начало 1939 г. имели свои национально-территориальные образования. В результате, в соответствии с новой программой переписи населения, все народности, говорящие на языках, близких к языку крупной этнической общности, записывались без каких-либо различий в ее составе. Таким образом, многие малые народности изначально были лишены возможности заявить о своей особой национальной идентичности. Волевым решением малые народности включались в состав родственного в языковом отношении этноса, поскольку, по мнению советских «вождей народов», их диалекты (наречия) не обладали особыми этническими признаками, позволявшими выделить эти сообщества в отдельный народ. В результате, при проведении последующих советских переписей вопрос о признании отдельных малых народностей суверенной национальностью уже не ставился.

Усилению лингвистического авторитаризма в период проведения переписи населения 1939 г. способствовала и латинизация письменности многих тюркских народов (в том числе татар) в конце 1920-х – 1930-е гг., проводившаяся под лозунгами

«интернационализма» и создания единого советского народа. Замена арабского письма латинским не только разорвала культурные и духовные связи мусульманских тюрко-татарских народов с прошлым многовековым историко-культурным наследием, но и способствовала ликвидации его носителей в лице мусульманского духовенства и «старорежимных» творческих деятелей.

Одновременно с этим постепенно сворачивалась практика мониторинга деятельности системы просвещения, культуры и партийно-государственных структур по этническим индикаторам, дававшим возможность определять уровень задеятельности народов в различных сферах советской повседневности. В результате все этнические «проблемы» послевоенных переписей сводились к итоговой фиксации национальной принадлежности советских граждан по заранее составленным спискам народов. Хотя со временем было признано, что критерием национальной принадлежности может считаться только личное самоопределение граждан, но по-прежнему все виды этнической самоидентификации вписывались в такие списки. При этом задача политтехнологов (демографов) состояла только в том, чтобы составить «научно обоснованный» перечень этнонимов, которые переписчики должны были внести в переписные листы. В 1939 г. перепись населения велась по 97, в 1959 г. – по 126, в 1970 г. – по 122, в 1979 г. – по 123, в 1989 г. – по 128 самоназваниям⁷. Некоторое увеличение самоназваний

народов в переписи 1959 г. (на 29 названий) связано с присоединением к СССР в 1939–1945 гг. новых территорий: Эстонии, Латвии, Литвы, Западной Белоруссии и Украины, Северной Буковины, Бессарабии, части земель Восточной Пруссии и Финляндии, Тувы, Южного Сахалина и Курильских островов.

Всесоюзная перепись населения 1959 г. является первой послевоенной переписью в СССР, и она прошла под лозунгом «Всемерно содействуйте успешному проведению переписи! Всесоюзная перепись населения – всенародное дело!». Вопросы организации переписи и ее программа были широко обсуждены с привлечением научной общественности. Программа переписи населения состояла из 15 вопросов и была близка к переписи 1939 г., но имела и свои особенности. В переписном листе в ответ на вопрос о национальности записывалась национальность, к которой причислял себя сам опрашиваемый, а в ответ на вопрос о родном языке указывался язык, который опрашиваемый называл своим родным языком. Национальность детей указывалась родителями.

Перепись населения 1959 г. дала возможность установить изменения, произошедшие в этническом составе населения и в области применения родных языков советских народов. Эти трансформации объясняются усилением процесса метисации населения, связанной с увеличением межэтнических браков среди народов СССР. Основной причиной интенсивности роста количества смешанных браков являлись всевозрастаю-

щие миграционные процессы среди сельского населения, развивавшиеся в контексте не столько интенсификации урбанизационных процессов в Советском государстве, сколько в результате проведения новых волонтаристических кампаний по модернизации сельскохозяйственного производства, связанных с укрупнением мелких колхозов и борьбой с «неперспективными деревнями». Так, по неполным данным, за небольшой период (15 лет) количество сельских населенных пунктов в Татарстане сократилось в 1,4 раза (с 4634 в 1948 г. до 3217 в 1963 г.), колхозов – в 2,9 раза (с 1946 в 1956 г. до 670 в 1963 г.)⁸. Это в конечном итоге привело к интенсивному размыванию традиционных основ культуры и самобытных обычаев сельских мигрантов и быстрому этнокультурному сближению их с другими народами путем создания смешанных семей и перехода на русский язык в качестве языка общения.

К тому же, в связи с обнаружением И. В. Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) (1939 г.) идеологемы о возможности строительства коммунистического общества в отдельно взятой стране, советское руководство объявило о необходимости создания советского народа с одной культурой и единым языком. Это создавало определенные преференции для наиболее многочисленного этноса страны. В ходе реализации такой грандиозной нациестроительной программы первым делом латинское письмо («алфавит Октября»), использовавшееся мусульманскими

тюркскими народами СССР, безвозвратно было заменено национально-модифицированной русской кириллицей. Русское великодержавие по отношению к советским народам было продиктовано стремлением объединить вокруг титульного этноса разные тюркские, финно-угорские и другие этнические сообщества страны. Эта политика особенно ярко проявлялась в развитии национального письма и родного языка татарского народа. В отличие от периода латинизации татарской письменности, переход на русскую графику осуществлялся по директивному распоряжению сталинского руководства по державным лингвистическим лекалам, лишь в дозволенной мере артикулированным местной, прежде всего партийной властью. Дискуссионным быть не могло, поскольку, когда начался процесс перехода на русскую кириллицу, было уже практически некому активно высказываться против политики русификации, потому что к тому времени сталинский режим сильно окреп и политические репрессии по отношению к национальной интеллигенции, отчасти и национал-коммунистам, сделали свое дело.

Двукратная смена татарского алфавита привела к культурному разобщению татар с другими тюркскими народами. Если раньше у татар не было никаких проблем во взаимодействии с тюркскими народами, поскольку у них было единое арабское этнолингвистическое поле, то с введением латиницы с учетом фонетических особенностей тюркских языков сильно осложнились

культурные связи татар с большинством тюркских народов. Причем тюрко-татарская интеллектуальная элита долго не сдавала свои позиции и пыталась создать унифицированный тюркский алфавит. Однако этому помешал языковой шовинизм сталинского руководства, которое переводом письменностей тюркских народов на русскую кириллицу не только окончательно лишило их возможности этнокультурного единения, взаимодействия с другими родственными культурами из единой языковой семьи, но и консервировало тюркские языки и культуры в рамках советских национально-территориальных образований (резерваций).

Годы сталинской «интернационализации» советских народов и хрущевской утопии строительства «коммунистического общества» негативно отразились на развитии родных языков нерусских этносов. Их родные языки все интенсивнее стали уходить из сферы образования, науки и делового общения, загонялись в житейски-кухонную повседневность. Особенно остро это чувствовалось в городах. К примеру, в Татарстане в общеобразовательных школах был отменен государственный экзамен на аттестат зрелости по татарскому языку и литературе, ликвидированы коренизированные группы в средних профессиональных учебных заведениях. Видя бесперспективность получения полноценного образования на родном языке, все большее число родителей-татар стремилось отдать своего ребенка в русскую школу или

в русский класс. В конце 1950-х гг. в Татарстане среди студентов татары составляли 28%, большинство из них окончили русские школы. Все это усиливало этнический нигилизм среди учащейся молодежи и выбор в качестве языка общения русского языка. Об этом наглядно свидетельствуют статистические данные Всесоюзной переписи на-

селения 1959 г., по которым родным языком русский считали 124,1 млн. чел., из них 113,9 млн. чел. – русские и 10,2 млн. чел. – представители других национальностей⁹. Русификация коснулась многих народов СССР, в том числе башкир, марийцев, мордвы, татар, удмуртов, чувашей (см. таблицу)¹⁰.

<i>Народы</i>	<i>Общее количество, в тыс. чел.</i>	<i>Родным языком считают язык той же национальности, в%</i>
<i>Башкиры</i>	<i>989</i>	<i>61,9</i>
<i>Марийцы</i>	<i>504</i>	<i>95,1</i>
<i>Мордва</i>	<i>1285</i>	<i>78,1</i>
<i>Татары</i>	<i>4968</i>	<i>92,1</i>
<i>Удмурты</i>	<i>625</i>	<i>89,1</i>
<i>Чуваши</i>	<i>1470</i>	<i>90,8</i>

Судя по данным таблицы, самый большой процент не говорящих на родном языке был среди башкир, мордвы и удмуртов, для многих их представителей русский стал родным языком. При этом почти 40% башкир родным языком считали другой язык, думается, что это не только русский язык. Столь высокий процент можно, скорее всего, объяснить политической кампанией по этнической унификации населения Башкирской АССР, в ходе которой башкирское руководство административным путем вынуждало татар записываться в башкиры. Возможно, башкиризованные татары, выражая

таким образом протест, демонстративно записывали своим родным языком татарский. Причем, по признанию многих этнологов, «язык в огромном большинстве случаев является самым важным, ранее всего называемым признаком и определителем этноса»¹¹.

Заметим, что и статистические данные первой послевоенной переписи населения ряда автономных республик Поволжья и Приуралья показывают не столь радужную картину. Рост численности населения во многих из перечисленных республик незначителен (см. таблицу)¹².

<i>Наименования национально-территориальных субъектов</i>	<i>1937 г.</i>	<i>1959 г.</i>	<i>Динамика роста в%</i>
<i>Башкирская АССР</i>	<i>2957</i>	<i>3342</i>	<i>113,0</i>
<i>Марийская АССР</i>	<i>562</i>	<i>648</i>	<i>115,3</i>
<i>Мордовская АССР</i>	<i>1192</i>	<i>1000</i>	<i>83,9</i>
<i>Татарская АССР</i>	<i>2736</i>	<i>2850</i>	<i>104,1</i>
<i>Удмуртская АССР</i>	<i>936</i>	<i>1337</i>	<i>142,8</i>
<i>Чувашская АССР</i>	<i>1024</i>	<i>1098</i>	<i>1,07</i>

Такой незначительный процент прироста населения в первую очередь следует связать с ужасающими социально-демографическими последствиями Великой Отечественной войны, которая значительно истощила людские ресурсы республик Поволжья и Приуралья вследствие большого процента безвозвратных потерь, а также высокой смертности и низкой рождаемости среди населения тыла. Немалую роль в сокращении численности народонаселения республик сыграли и миграционные процессы, связанные с массовыми перемещениями сельского населения, отчасти и городского, уезжавшего на послевоенные «великие стройки» и освоение целинных земель Казахстана. Особенно сильная миграция наблюдалась среди татар. К примеру, только в Среднюю Азию переехало на постоянное жительство более 600 тыс. татар. По данным переписи населения 1959 г., в Узбекистане проживало 445 тыс. татар (5,5% от общей численности населения), в Казахстане – 192 тыс. (2,1%), в Таджикистане – 57 тыс. (2,9%), в Кыргызстане – 56 тыс. (2,7%), в Туркменистане – 30 тыс. (2,0%)¹³. В совокупности в этих республиках проживало свыше 780 тыс. татар. По данным же переписи 1939 г., в них насчитывалось 129 тыс. татар. Возможно, в 1959 г. их было намного больше (до 1 млн. чел.), поскольку не все татары, особенно татарки, смогли свободно заявить о своей национальной принадлежности. Активные миграционные процессы наблюдались и среди мордовского населения. В результате мордва ин-

тенсивно ассимилировалась и русифицировалась.

После Всесоюзной переписи населения 1959 г. в СССР с каждым годом все больше нарастали темпы лингвистической русификации многонационального населения страны. С целью интенсификации этого процесса в 1959 г. в Москве было созвано Всесоюзное совещание по терминологии, во время работы которого языки народов СССР были ранжированы на 3 группы. К первой группе были отнесены языки титульных народов союзных республик (русский, украинский, белорусский, латышский, литовский, эстонский, азербайджанский, армянский, узбекский и др.), широко пользовавшиеся во всех сферах жизнедеятельности этих советских национально-территориальных образований. Ко второй группе – языки, использовавшиеся только в рамках средней общеобразовательной школы: татарский, башкирский, чувашский, марийский, мордовский, удмуртский и др. К третьей группе – языки, использовавшиеся только в рамках 3–4-классных начальных школ: алтайский, тувинский, хакасский и языки народов Севера¹⁴.

Одновременно с русификацией терминологической основы учебников и учебно-методических пособий, предназначенных для национальных общеобразовательных школ национально-территориальных образований РСФСР, начинается массовый перевод учащихся-националов на русскую сетку обучения. Во многих национальных республиках и административных областях РСФСР на-

блюдалось интенсивное вытеснение татарского языка из школьных и дошкольных учреждений. В 1939/40 учебном году в СССР насчитывалось 1732 татарские школы, в которых обучалась 281 тыс. учеников, или 49% от общего количества обучавшихся; в 1959/60—138,5 и 27% соответственно, в 1980/81—104 и 18,6%. Этот процесс остро затронул и татарстанскую систему школьного образования: в 1958—1967 гг. число татарских школ уменьшилось на 7,6% (с 1515 до 1400)¹⁵. В 1960—1970-е гг. Министерство образования Татарстана под предлогом укрупнения («оптимизации») школ ликвидировало почти все малокомплектные школьные учреждения. Только в 1966—1970 гг. в республике было закрыто 446 школ¹⁶.

Причинами этого, с одной стороны, стал насаждаемый сверху в контексте строительства коммунистического общества с единым языком и культурой этнический нигилизм — чувство ложного стыда за использование родного языка, сохранение самобытных традиций и обычаев, с другой — остаточное финансирование национальных школ, ослабление научно-профессиональных требований к изданию школьных учебно-методических программ и учебников, подготовке педагогических кадров и повышению их профессиональной квалификации. В результате у родителей и учащейся молодежи начало формироваться негативное этнонигилистическое представление о родном языке, он стал рассматриваться как фактор, тормозящий образовательный процесс в школах. Многие родители, ревностно заботясь

о будущем своих детей, буквально «в панике» начали переводить их из национальных школ с родным языком обучения в школы с русскоязычной формой обучения. В результате произошло значительное сокращение марийских, мордовских, татарских, удмуртских и чувашских школ, соответственно и количества обучавшихся в них учащихся. Одной из негативных сторон этой политики стало сужение сферы применения родных языков до «кухонного» уровня. В результате, к 1989 г. 27,6% нерусского населения Татарстана считали своим родным языком русский¹⁷. Эта этнокультурная коллизия затронула и татар. В итоге количество татар, считавших татарский язык своим родным языком, в Татарстане постепенно уменьшалось: в 1926 г. — 99%, в 1959 г. — 92%, в 1970 г. — 89%, в 1989 г. — 83%¹⁸. К концу 1960-х гг. в Казани 15,2% городского татарского населения общались только на русском языке¹⁹.

Следующая Всесоюзная перепись населения состоялась в 1970 г., в период так называемого «строительства развитого социализма». Она прошла под девизом «Ни один населенный пункт, ни один жилой дом, ни один человек не должен быть пропущен при переписи!». В организационном и методологическом отношении она соответствовала двум предыдущим (1939 и 1959 гг.), однако данных было получено значительно больше. Переписной лист переписи 1970 г. содержал 18 вопросов, то есть чуть больше, чем при предыдущей переписи 1959 г. В ней своеобразным новшеством

стало добавление вопроса о миграции населения. Впервые в практике советских переписей ради экономии времени и средств часть сведений была получена путем опроса не всех, а только 25% жителей. В этой переписи особое внимание уделялось лингвистическому уровню знания народами русского языка. Несмотря на то что этот вопрос носил некий формальный характер, он предоставлял политтехнологам возможность строить «советскую общность». Об этом свидетельствует третья Конституция СССР 1977 г., в преамбуле которой появилось понятие «советский народ».

Через 9 лет, в 1979 г., состоялась новая перепись населения СССР, проходившая под лозунгом «Материалы переписи являются яркой иллюстрацией достижений нашего народа!». Переписной лист состоял из 16 вопросов (11 – в сплошной части переписи и 5 – в выборочной, 25-процентной). Вопросы сплошной части переписи были в основном те же, что и при предыдущей переписи 1970 г., хотя в некоторые из них были внесены важные редакционные изменения.

Последняя Всесоюзная перепись населения СССР состоялась через 10 лет, в 1989 г., и проходила под лозунгом «Товарищ! Твое участие в переписи – залог точности планов нашей страны!». Она несколько отличалась от предыдущей переписи по своим методологическим качествам. Прежде всего, впервые после переписи 1926 г. было переписано не только народонаселение, но и его жилищные условия. Появление этого

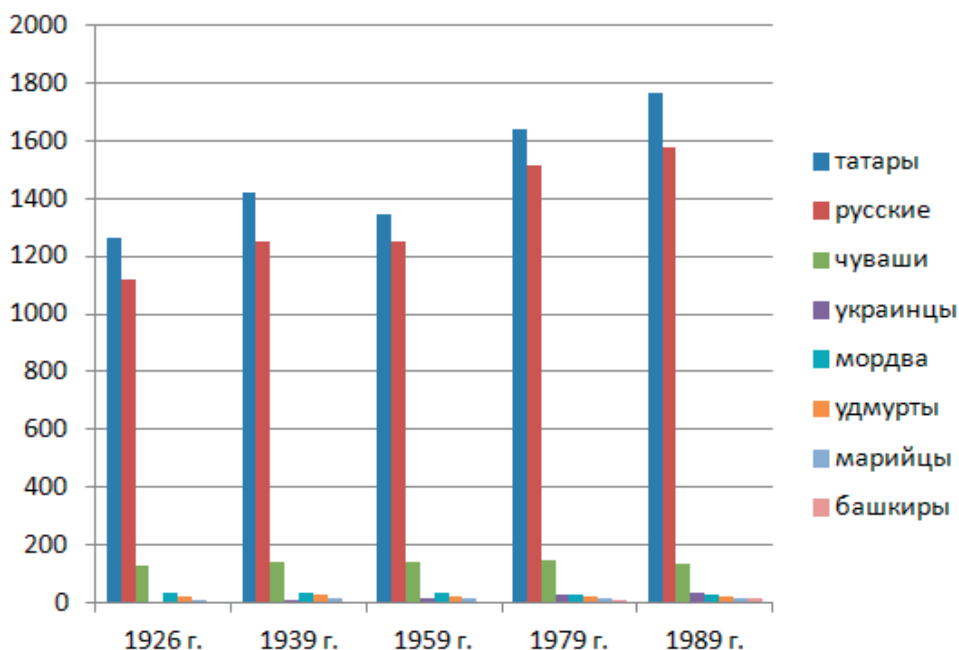
вопроса было связано с принятием в 1977 г. третьей Конституции СССР, в которой впервые появилось правовое положение, а именно статья 44, провозглашавшая, что «Граждане СССР имеют право на жилище»²⁰. Вскоре это конституционное право советских граждан было провозглашено как величайшее завоевание социализма.

Судя по данным советских переписей населения СССР, общая численность населения страны росла год от года: 1926 г. – 147 млн., 1939 г. – 170,6 млн., 1959 г. – 208,8 млн., 1970 г. – 241,7 млн., 1979 г. – 262,4 млн., 1989 г. – 286,7 млн. чел.²¹ Одновременно увеличивалась и численность татарского народа в составе СССР: в 1926 г. – 3369,4 тыс. чел., в 1939 г. – 4314,0, в 1959 г. – 4967,7, в 1970 г. – 5930,7, в 1979 г. – 6317,5, в 1989 г. – 6920,3 тыс. чел.²² Так, за 63 года, прошедшие между Всесоюзными переписями населения 1926 и 1989 гг., численность татар выросла более чем в 2 раза (с 3369,4 тыс. до 6920,3 тыс. чел.). При этом ежегодный естественный прирост татарского населения составлял в среднем 56,4 тыс. чел.

В годы всесоюзных переписей населения СССР отмечена положительная динамика естественного прироста численности народов в Татарстане, наибольший количественный рост среди них приходится на татар, русских и чувашей. Самым многочисленным народом в республике по итогам переписи населения 1989 г. были татары (1765,4 тыс. чел.), затем шли русские (1575,4),

чуваши (134,2). Численность остальных коренных народов, таких как башкиры, марийцы, мордва, удмур-

ты, составляла 0,5–0,8% от общей численности населения Татарстана (см. диаграмму)²³.

В перестроечные годы началось этнополитическое раскрепощение народов СССР, этническая политизация и освобождение их от партийно-бюрократической паутины, построенной на принципах политического статуйирования этносов. В период «парада суверенитетов» в одночасье разрушился достаточно устойчивый идеологический стереотип в «национальном вопросе», что «в СССР нет национального вопроса, есть только национальные отношения», выношенный не одним поколением советских политтехнологов. Не выдержало критики времени и понятие «сближение наций», подразумевавшее стирание национальных и социальных граней в советском обществе, создание общих коммунистических черт культуры, морали

и быта на основе укрепления взаимного доверия и дружбы между народами. В 1990-е гг. с распадом СССР начался лавинообразный процесс так называемого «этнического грондерства», когда стали возникать национальные движения и организации, требовавшие официального признания этнополитического суверенитета народов России, а также отдельных этнических групп населения в качестве самостоятельных этносов. В одних случаях это были «забытые» народы, исчезнувшие из переписей населения, в других – этнические общности, которые никогда прежде не определялись как отдельные народы, да и особо не претендовали на это.

Новое российское руководство, возглавляемое Б. Н. Ельциным, не

смогло остановить «парад суверенитетов» российских народов и в «интересах граждан» в 1997 г. отменило в новых паспортах графу «Национальность». Из многих национально-территориальных образований только в Татарстане в паспортах осталась графа о национальности, записанная на отдельном вкладыше на татарском языке. В 2000-е гг. прекратился учет движения населения по национальностям. В 2008 г. российская государственная статистика перестала разрабатывать сведения о естественном и миграционном движении населения в разрезе национальностей. Но и до того этот учет был не совсем полон и достоверен. С исчезновением записи

о национальности в персональных документах ее перестали обязательно записывать в актах гражданского состояния. Вследствие этого полнота разработки естественного движения по национальности с каждым годом становилась все меньше: к примеру, в 2003–2008 гг. национальность не была указана у 44% родившихся и у 50% умерших российских граждан²⁴.

В то же время в течение последнего двадцатилетия (1989–2010 гг.) наблюдается заметное снижение темпов роста численности ряда финно-угорских и тюркских коренных народов России и Татарстана (см. таблицу, в тыс. чел.)²⁵.

<i>Народы</i>	<i>1989 г.</i>		<i>2002 г.</i>		<i>2010 г.</i>	
	<i>Россия</i>	<i>Татарстан</i>	<i>Россия</i>	<i>Татарстан</i>	<i>Россия</i>	<i>Татарстан</i>
<i>Башкиры</i>	1345,3	19,1	1673,4	14,9	1584,6	13,7
<i>Марийцы</i>	643,7	19,4	604,3	18,8	547,8	18,8
<i>Мордва</i>	1072,8	28,9	843,4	23,7	744,2	19,2
<i>Русские</i>	119866	1575,4	115891	1492,6	111017	1501,4
<i>Татары</i>	5522,1	1765,4	5564,9	2000,1	5310,6	2012,6
<i>Удмурты</i>	714,8	24,8	640	24,2	554,5	23,5
<i>Чуваши</i>	1773,6	134,2	1637,1	126,5	1435,9	116,3
<i>Всего в РФ и РТ:</i>	147022	3641,7	145167	3779,3	142857	3786,5

Судя по данным таблицы, численность мордвы между переписями населения 1989 и 2010 гг. в России уменьшилась на 30,7% (соответственно в Татарстане – на 33,6%), удмуртов – на 22,4% (на 5,2%), чувашей – на 20,1% (на 17,1%), башкир – на 15,1% (на 28,3%), марийцев – на 14,9% (на 3,1%), русских – на 7,4% (на 4,7%), татар – на 3,9% (прирост на 11,4%). При этом, несмотря на значительное сокращение некоторых коренных народов России и Татарстана, общая числен-

ность россиян уменьшилась лишь на 2,9% (с 147022 тыс. в 1989 г. до 142857 тыс. чел. в 2010 г.). В Татарстане произошел прирост населения на 10,4% (с 3641,7 тыс. в 1989 г. до 3786,5 тыс. чел. в 2010 г.). Положительный баланс в народонаселении Татарстана в первую очередь связан со стабильностью социально-экономической ситуации в республике, ее привлекательностью для мигрантов, особенно татар из государств Средней Азии и Кавказа, а также ряда титульных народов из этих националь-

но-территориальных образований (азербайджанцев, армян, казахов, киргизов, таджиков, узбеков и др.).

В современном житейском сознании россиян этническая принадлежность – это неотъемлемый и несменяемый маркер, полученный при рождении. Официальная запись о национальности во многих советских документах отражала это мнение, усиливала и закрепляла его. Даже с исчезновением записи в паспорте о национальной принадлежности российских граждан в 1990-е гг. фактор этнической самоидентификации остается политическим вопросом, большинство населения не затрудняется с определением своей национальности и однозначно отвечает на этот вопрос. Однако это не исключает того, что существуют этнические группы с нечетким, неопределенным национальным самосознанием, и они от переписи к переписи изменяют свой ответ на вопрос о национальной принадлежности. Обычно в таких случаях политтехнологи говорят о смене этнической идентификации и объясняют это интенсивным ростом смешанных браков среди народов России. Сегодня это характерно почти для всех народов Татарстана. Дети из смешанных семей, записанные в ходе одной переписи по национальности матери, в следующей переписи, повзрослев, могут указать национальность отца (и наоборот). В то же время в Татарстане имеются такие этнические группы населения, чье национальное самосознание не укладывается в четкие рамки семейной этики. Ярким примером может служить известное и хорошо описан-

ное явление, когда в чисто татарских семьях в персональных документах одни дети записаны татарами, другие – башкирами. Точно такие же явления наблюдались и в переписных листах. Причем все это происходило при явном информационном и административном давлении.

Этническая картина народонаселения Российской Федерации, отраженная в переписях 2002 и 2010 гг., многообразна, но не статична, и ее динамика обуславливается многими, подчас весьма неожиданными факторами. Согласно их данным, в России проживало около 100 коренных народов, то есть таких, чья основная этническая территория находится в нашей стране. Кроме того, имелись еще более 60 народов и этнических групп, основная масса соплеменников которых проживала за пределами России. Количественный показатель народов страны весьма условный. Это хорошо видно на примере разработки итогов шести всесоюзных переписей населения. Так, при разработке итогов переписи населения 1926 г. было выделено 194, 1939 г. – 97, 1959 г. – 126, 1970 г. – 122, 1979 г. – 123, 1989 г. – 128 народов²⁶.

Перед I Всероссийской переписью населения 2002 г. было принято принципиальное решение – выделять также этнические группы внутри «отдельных» народов, условно названных «включенными». Вследствие такого новшества при переписи населения 2002 г. из 776 этнических самоназваний выделили 182 народа (в том числе 40 как «включенные»), в 2010 г. соответственно из 1620–

193 и 48²⁷. Причем в течение 20 лет число самоназваний этносов в России увеличилось более чем в 2 раза (с 800 в 1989 г. до 1620 в 2010 г.). Столь высокий прирост этнических самоназваний народов между этими переписями был вызван не демографическими причинами, произошед он за счет политизации этнокультурных факторов этнического самоопределения. В то же время существенно увеличилось число лиц, не указавших национальную принадлежность в переписном листе: более чем в 362,8 раза (с 15513 чел. в 1989 г. до 5629429 чел. в 2010 г.)²⁸. Лавинообразный рост численности лиц, не указавших во время последних переписей свою национальность, объяснить непросто. Между тем эта сложнейшая проблема может иметь весьма непредсказуемые последствия.

Эти данные наглядно свидетельствуют о том, что если раньше перед политтехнологами ставились задачи унификации советских народов и сокращения их этнических самоназваний до максимума, то теперь перед современными российскими разработчиками национального состава населения России стоят несколько иные задачи: этносоциальное дробление современных этносов и создание для них по американскому образцу этнических резерваций. Если раньше политтехнологи руководствовались принципами интернационализации и сближения народов, то в настоящее время – этнокультурного разобщения народов и противопоставления их друг другу. И в первом, и во втором случае цели

политтехнологов одни – создание единого российского народа.

Современным политтехнологам на руку неразумные действия отдельных россиян, которые, упражняясь в «остроумии», в переписном листе в графе «Национальная принадлежность» пишут «хоббиты» или «неандертальцы», таким образом как бы выражая свое этнонигилистическое протестное настроение. А по сути это своеобразная форма космополитизма, выражающаяся в пренебрежении к собственным национальным интересам, в отказе от национальной самобытности, культуры и традиций своих родителей, дедов и прадедов. Такая форма ответа на поставленный в переписном листе вопрос не страшна только для больших народов, поскольку действия этих граждан не могут серьезно повлиять на процесс их национальной идентификации. Но это очень страшно для малых народов, у которых с забвением народной самобытности утрачивается национальный язык и их родным языком становится квазиязык. Основной причиной этого является языковая ситуация, сложившаяся в современной России, для которой характерно использование 277 языков и диалектов, из них в государственной системе образования – только 105 языков, в том числе 24 – в качестве языка обучения, 81 – в качестве учебного предмета²⁹.

Уровень и формы использования национальных языков в образовательной системе свидетельствуют о том, что подавляющее большинство нерусского населения Российской Федерации не получает пол-

ноценного образования на своем национальном языке. Виной тому – своеобразная ксенофобия, которая латентно присутствует в сознании многих представителей российско-го политического истеблишмента. Отдельные российские политики используют этнические и социальные инстинкты в качестве средств государственной политики по созданию единой «российской нации», необходимой для сохранения идентичности государства и защиты интересов коренного русского этноса. Перед лицом так называемой «националистической угрозы»

власть часто использует систему «сдержек и противовесов», в которой ограничение влияния чужого языка и этнокультуры на русский социум и страх перед национализмом мусульманских народов дополняют друг друга. В этом свою роль играют и ассимиляция, и смешанные браки, разумеется, и ослабление позиций языка, связанное с низким качеством школьного преподавания и закрытием национальных школ.

Один из этнокультурных результатов подобной политики российских властей – это интенсивное обрусение народов России (см. таблицу)³⁰.

Народы	<i>Из 1000 человек, ответивших на вопрос о родном языке, указали родным</i>					
	<i>язык, соответствующий национальности</i>		<i>русский язык</i>		<i>другой язык</i>	
	<i>1989 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>1989 г.</i>	<i>2010 г.</i>	<i>1989 г.</i>	<i>2010 г.</i>
<i>Мордва</i>	690	647	308	352	2	1
<i>Удмурты</i>	798	622	289	377	3	1
<i>Чуваши</i>	775	709	223	290	2	1
<i>Марийцы</i>	819	747	178	250	3	3
<i>Татары</i>	856	792	142	205	2	3
<i>Башкиры</i>	728	716	101	137	171	147

Итоги переписей населения 1989 и 2010 гг. наглядно отражают изменения в самоопределении населением своего родного языка: в общей численности шести народов, перечисленных в таблице, повысилась доля лиц, назвавших своим родным языком русский язык. Самые высокие темпы роста этого показателя наблюдались у татар, среди которых доля лиц, назвавших родным русский язык, повысилась на 44,3%, у марийцев – на 40,4% и башкир – на 35,6%. Русский язык считали родным около одной трети удмуртов, мордвы и чувашей. Наиболее высокая доля лиц, указавших в качестве

родного язык, соответствующий национальности, у татар (79,2%), марийцев (74,7%) и башкир (71,6%). Причем на 1000 башкир приходится достаточно большое количество лиц, говорящих на других языках, что составляет 14,7%. Между переписями населения 1989 и 2010 гг. их число сократилось почти в 1,2 раза (с 171 до 147 чел.). Думается, это произошло в результате башкиризации, отчасти и обрусения татароязычного населения Башкортостана и других регионов России.

Главным объединяющим фактором в современной России вновь становится русский язык, что не

всегда совпадает с этнокультурными, духовными и политическими интересами других коренных народов страны. С каждым годом татар, знающих родной язык, становится все меньше. К примеру, среди татар, второго по численности народа России, на родном языке говорят только 68,6% (3,64 млн. из 5,31 млн. чел.)³¹. Сокращение числа татар, говорящих на родном языке, наблюдается и в Татарстане, несмотря на то что татарский язык в республике наравне с русским является государственным.

Интенсивному обрусению народов России и Татарстана способствуют и юридические нормы, ограничивающие в правах отдельные сферы языковой, духовной и политической жизнедеятельности коренного населения по сравнению с титульным народом. К таковым юридическим нормам следует отнести и «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации», принятую в 2012 г., в основе которой лежит идея по упрочению «общероссийского гражданского самосознания и духовной общности многонационального народа Российской Федерации («российской нации»)»³². Российская стратегия национальной безопасности обосновывается следующей аксиомой: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию»³³. Среди ожидаемых результатов этой государственной стратегии – «укрепление единства многонационального народа Рос-

сийской Федерации (российской нации) и общероссийской гражданской идентичности, формирование единого культурного пространства страны»³⁴.

Таким образом, системное исследование всесоюзных и всероссийских демографических переписей позволяет сделать следующее заключение: все переписи населения регламентировались державными номенклатурными инсталляциями, в основе которых была политика постепенной этнолингвистической унификации российских народов (народностей) и создания в перспективе «российского народа» («русской нации») с единым языком и культурой. Причем почти во всех переписях населения по-разному нашла отражение этнополитическая ситуация, связанная с национально-государственным строительством и решением «национального вопроса» в СССР и Российской Федерации. Материалы переписей свидетельствуют об определенной политической и этнолингвистической заданности задач многих переписей, низком уровне искренности работы политтехнологов с первичными документами (переписными листами) и номенклатурной предвзятости значимых итоговых статистических заключений о народах. Но, несмотря на это, материалы переписей являются теми важными документами, которые позволяют не только моделировать толерантные и суверенные национальные отношения, но и выработать параметры сохранения и развития этнической идентичности как малых, так и крупных народов. В то же вре-

мя правдивые материалы о многочисленных этнических сообществах Российской Федерации и Республики Татарстан смогут помочь умиротворить общественно-политические и этнолингвистические страсти во- круг отдельных народов, остановить лавинообразный шквал российского великодержавного шовинизма и практику политического ранжирования этносов на «сынков» и «пасынков».

Сведения об авторе: Шайдуллин Рафаиль Валеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: srv60@yandex.ru.

Аннотация: Статья публикуется в преддверии новой Всероссийской переписи населения, намеченной на сентябрь 2021 г. В ней в этнолингвистическом ключе системно анализируются все переписи населения, начиная с первой Всероссийской переписи 1897 г. и завершая второй Всероссийской переписью 2010 г. В общей совокупности рассмотрены 11 переписей населения и 7 коренных народов России и Татарстана (башкиры, марицы, мордва, русские, татары, удмурты и чуваш). В контексте общественно-политической и этнокультурной ситуации проанализирована динамика народонаселения России и Татарстана, трансформации отношений этносов к своим родным языкам и этнонимам. В статье особое внимание уделяется проблемам ксенофобии и державной унификации российских народов под политическим лозунгом создания «русской народности», а также гражданскому и политическому суверенитету современных этносов. Кроме этого, в ней отмечается научная и практическая значимость переписей населения для выработки суверенно-политических и гражданско-этнокультурных моделей развития народов России и Татарстана.

Ключевые слова: Россия, Татарстан, переписи населения, народы, национальная принадлежность, родные языки, этнонимы, этнолингвистическая и этнокультурная унификация, интернационализация, сближение народов, ксенофобия, гражданский и политический суверенитет народов, научно-практическая значимость переписей, перепись населения 2021 г.

Abstract: The article is published on the eve of the new All-Russian census, scheduled for September 2021. It systematically analyzes all population censuses in an ethnolinguistic manner, starting with the first All-Russian census of 1897 and ending with the second All-Russian census of 2010. In total, 11 censuses were considered population and 7 indigenous peoples of Russia and Tatarstan (Bashkirs, Mari, Mordvinians, Russians, Tatars, Udmurts and Chuvash). In the context of the socio-political and ethnocultural situation, the dynamics of the population of Russia and Tatarstan, the transformation of the relations of ethnic groups to their native languages and ethnonyms are analyzed. The article pays special attention to the problems of xenophobia and sovereign unification of the Russian peoples under the political slogan of creating a «Russian nation», as well as the civil and political sovereignty of modern ethnic groups. In addition, it notes the scientific and practical significance of population censuses for the development of sovereign-political and civil-ethnocultural models of the development of the peoples of Russia and Tatarstan.

Key words: Russia, Tatarstan, population censuses, peoples, nationality, native languages, ethnonyms, ethnolinguistic and ethnocultural unification, internationalization, rapprochement of peoples, xenophobia, civil and political sovereignty of peoples, scientific and practical significance of censuses, population census 2021.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=193983> (дата обращения: 05.02.2021).

2 Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.: IV. Казанская губерния / Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб.: Тип-я «Слово», 1903. С. 100.

3 Там же. С. V.

4 Перепись населения Российской империи (1897 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiki2.org/ru/> (дата обращения: 24.01.2021).

5 Перепись населения СССР (1926 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 24.01.2021).

6 Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/810/785/1219/3-25.pdf> (дата обращения: 28.01.2021). С. 16–17.

7 Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 1998. С. 67.

8 Шайдуллин Р. В., Сахавова Л. М. Исчезнувшие населенные пункты Республики Татарстан: культурно-цивилизационные и научные проблемы // Человек и природа в Восточном Татарстане. Исчезнувшие и исторические села: изучение, сохранение и возрождение. Материалы Всероссийской конференции // Серия «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии» / под ред. А. А. Бурханова. – Казань: Отечество, 2017. Вып. 16. С. 159, 160.

9 Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М.: Госстатиздат, 1960. С. 12.

10 Там же. С. 10–11.

11 Качала Я. Язык и национальная самоидентификация // Язык. Культура. Этнос. – М.: Наука, 1994. С. 52.

12 Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecsosman.hse.ru/data/810/785/1219/3-25.pdf> (дата обращения: 28.01.2021); Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М.: Госстатиздат, 1960. С. 26.

13 Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по республикам, краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. – М.: Госстатиздат, 1960. С. 14–15.

14 Шамсутдинов Д. З., Шайдуллин Р. В. Татарская национальная школа в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. // Ученые записки Казанского университета: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154. Кн. 3. С. 101.

15 Там же. С. 103.

16 Там же.

17 Там же.

18 Там же.

19 Там же.

20 Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 30.01.2021).

21 Ермакова С. Население СССР по годам: переписи населения и демографические процессы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.syl.ru/article/367896/> (дата обращения: 30.01.2021).

22 Татары. Приложения // Татарская энциклопедия. Т. 6: Р–С–Т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. С. 724.

23 Республика Татарстан: Природа, история, экономика, культура, наука / Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. 2-е изд., доп. – Казань, 2015. С. 12.

24 Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=193983> (дата обращения: 05.02.2021).

25 Там же; Республика Татарстан: Природа, история, экономика, культура, наука / Ин-т татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. 2-е изд., доп. – Казань, 2015. С. 12.

26 Население России за 100 лет (1897–1997): Стат. сб. / Госкомстат России.– М., 1998. С. 67.

27 Богоявленский Д. Д. Перепись 2010: этнический срез. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.perspektivy.info/print.php? ID=193983> (дата обращения: 05.02.2021).

28 Там же.

29 Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512/page>

/ (дата обращения: 20.01.2021).

30 Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики.– М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. С. 79–80.

31 Тем временем в Татарстане отменяют татарский язык. [Электронный ресурс].– Режим доступа: <https://rusinfo.info/24-10-17/73301-otmena-tatarskogo-yazyka-v-shkolah-2017-poslednie-novosti-za-oktyabr.html> (дата обращения: 30.01.2021).

32 Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики.– М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

33 Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666». [Электронный ресурс].– Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43843> (дата обращения: 20.01.2021).

34 Там же.

АЛТЫН УРДА ҺӘМ АНЫҢ МИРАСЫ

Хамидуллин Б.Л., тарих фәннәре кандидаты

THE GOLDEN HORDE AND ITS LEGACY

Khamidullin B. L.

ХII гасыр ахырында – ХIII гасырның беренче унъеллыкларында Бөек далада яшәгән күпсанлы төрки-монгол кабиләләре Чыңгыз хан (1155/1162–1227) хакимияте астында бердәм дәүләткә берләштерелә¹. Соңрак Чыңгызыйларның һәм аларның гаскәр башлыкларының күп кенә яулары нәтижәсендә кешелек тарихында күләме буенча аңарчы тиңе булмаган гаять зур империя (40 млн. кв. км чамасы) барлыкка килә². 1250–1260 елларда ул барлыгы 160 миллионлап кеше яшәгән Үзәк, Урта һәм Алгы Азия, Кавказ арты, Палестинага кадәр Яқын Көнчыгышны, шулай ук Көнчыгыш Европаның зур өлешен колачлый.

750 ел элек, 1269 елда, Чыңгыз хан варислары – Жүчи, Чагатай һәм Һулагу Олыслары ханнары үз-үзен империянең Бөек ханы дип игълан иткән Хубилайны танудан баш тартып, үз биләмәләренең чикләрен билгелиләр, гаять зур бердәм дәүләтнең яшәшенә нокта куеп, аның таркалуын рәсмиләштерәләр³. Территориясе буенча иң зурысы Жүчи Олысы була (10 млн. кв. км тирәсе), аны Монгол империясенең куәте сакланган төп этносәяси варисы, скифлар-саклар империя-

се заманыннан алып исәпләгәндә бөек дала империяләренең соңгысы дип атарга мөмкин⁴. Әлеге дәүләт жәмәгәтьчелек хәтеренә төрле милли һәм тарихи традицияләрдә кабул ителгән Жүчи Олысы яки Олуг Олыс, Дәште Кыпчак яки Комания иле, Бөркә Олысы яки Мәмләкәте Үзбәк (Үзбәк дәүләте), Татарлар державасы яки Бөек Татария һәм, ниһаять, Урда яки Алтын Урда ата-малары белән кереп кала. XVI гасыр уртасына нисбәтле Казан елъязмачысы әсәре тәэсирендә соңгысы фәндә һәм публицистикада аеруча киң таралыш ала, ул әлеге илнең бөеклеген һәм куәтен тулырак яктырта.

Монгол империясе кебек үк, Алтын Урда да, һичшиксез, хәрби экспансия нигезендә төзелә. Ташкын сыман ябырылган яулар, монгол-татарлар тарафыннан күп кенә илләрнең һәм халыкларның буйсындырылуы нәтижәсендә бик күп кешеләр – яугирләр һәм тыныч тормышлы халык кырыла, исән калганнар газапларга дучар ителә. Күп кенә шәһәрләр (Урта Азия, Кавказ һәм Көнчыгыш Европадагы кайбер шәһәрләрне генә искә алам, ягъни: Бохара, Сәмәрканд, Харәзем башкаласы Үргәнеч, Хажәнт, Гүргәнеч,

Дәрбәнт, Самцхе, Эрзурум, Идел Болгары башкаласы Биләр, Болгар, Суар, Жүкәтау, Рязань, Владимир, Киев, Люблин, Краков), кирмәннәр һәм торак пунктлар жиһертелә, яндырыла. Әмма, кытай ораторы Лу Цзя (б. э. к. III–II гасырлар), шулай ук Чыңгыз ханның киңәшчесе Елюй Чуцай (1189–1243) сүзләре белән әйткәндә, «атка атланып империя яулап булса да, ат өстендә генә утырып идарә итү мөмкин түгел». Көч кулланып кына империяләр озак яши алмыйлар, тиз таркалалар. Алтын Урда яшәешенә фәкать корал көченә, буйсындырылганнарның каршылыгын һәм ризасызлыгын рәхимсез рәвештә бастыруга, аларның яулардан соң көчсезләнүенә, жәза чараларының кабатлануыннан һәм һәлакәткә дучар булу ихтималынан куркуларына нигезләнүе шикле (хәер, Алтын Урданың монгол-татарлардан мирас ителгән хәрби куәте чыннан да гаять зур була һәм мистик дәрәжәдә курку сәңдерә, буйсынмаучыларга карата чаралар яшен тизлегендә диярлек һәм котылгысыз хәлдә гамәлгә ашырыла). Кагыйдә буларак, яулау һәм буйсындыруга караганда, империяләрнең барлыкка килү һәм яшәеш процессы күпкә катлаулырак. Алар берләшү, ягъни билгеле бер үзара ризалык жиһрегәндә мәжбүрләү һәм тормыш рәхәтлекләре кушылмасы нигезендә төзеләләр. Жәмгыять өчен файдалы, тәртип, икътисад, мәдәният үсеше һәм башкалар өчен гарант булган очракта гына империячел дәүләт тотрыклылана. Нәкъ менә Алтын Урданың оешуы, аерым алганда, Үзәк Евразиядә һәм Көнчыгыш

Европада күпкә ныктырак һәм тотрыктырак сәяси вазгыять урнашуга китерә. Яуланып, башта Монгол империясә, аннары Жүчи Олысы составына кергән халыклар һәм дәүләтләрнең күпчеләге элек даими кабатланган үзара низаглар һәм ызгышлар, эчке һәм тышкы бәрелешләр шартларында яшиләр. Алар арасында еш кына канкойгыч сугышлар кабына, шул сугышлар вакытында шәһәрләр жиһерелә, торулыклар бушап кала. Чыңгызыйлар – Жүчиләр империясә составына кертелү элеккегә тотрыксызлыктан һәм таркаулыктан кискен аермалы чагыштырмача ныкты дәүләт тәртибә урнашуын тәмин итә. Сугышлар, үзара низаглар һәм эчке каршылыклар нәтижәсендә көчсезләнгән күршеләре арасында Алтын Урда чыннан да гажәеп «тотрыктылык утравы» буларак таныла.

Монгол-татарлар үзәкләшкән хакимият идеясен алып киләләр, Дәште Кыпчакның аңарчы зәгыйфь дәрәжәдә оешкан дала кабиләләрен берләштерәләр⁵. Көнбатыштагы яулардан жиһеп кайткан Бату, иярдән тәхеткә күчеп утырып, гаскәр башлыгынан дәүләт төзүчегә әверелә (аның беренче башкаласы-резиденциясә хәзергә Татарстан территориясендәгә Болгар шәһәрендә урнаша). Ул һәм Жүчи Олысының аннан соңгы идарәчеләре ил белән идарә итүнең төзек, катлаулы тармакланган, әмма шактый тотрыкты системасын төзиләр. Элеккегә кыпчак «кыргый даласы»нда хөкәм сөргән кабиләара низагларга һәм дошманлыкка алмашка халык төгәл унлыкларга бүленгән олы-

слардан гыйбарэт төзөк һәм ныклы дәүләт системасы килә. Алай гына да түгел, төбәктә чын социаль революция гамәлгә ашырыла, ягъни ыруг-кабилә мөнәсәбәтләрен шартлы (сөйургал) һәм шартлар белән чикләнмәгән (тархан) ярлыкаш мөнәсәбәтләренә нигезләнгән хәрби-феодаль тәртипләр (строй) алыштыра. Нәтижәле дәүләт механизмы төзелә. XIII гасырның икенче яртысыннан алдагы йөз ел дәвамында диярлек сугыш хәрәкәтләре, элеккеге кыпчак югары катлавының юк ителүе яки хакимияттән читләштерелүе аркасында туган буталчыклык урынын «куәтле дәүләттә чагыштырмача тыныч, тотрыклы тормыш били»⁶. XIV гасырның икенче яртысына кадәр Алтын Урданың эчке өлкәләрендәге шәһәрләренең кирмән диварлары һәм башка ныгытмалары булмавы да илдә хөкем сөргән иминлек һәм куркынычсызлык дәрәжәсен күрсәтә.

Элеккеге төрки кабиләләр берлекләре таркатыла һәм Жүчи Олысының хәрби-административ һәм клан (ыруг) структурасына кертелә, аларның аксөякләре өлешчә юк ителә, өлешчә яңа аристократия составына кушыла. Жүчиләр хөкүмәте, салымнар жыюны һәм хәрби мобилизацияне уңайлаштыру мәнфәгатләрен күздә тотып һәм халыкның үз ирке белән олыслар арасында күчешен тыеп, үзенчәлекле «крепостнойлык хокукы» урнаштыра. Элек төрле этносәяси берләшмәләргә таркалган кардәш төрки кабиләләр беренче тапкыр гомуми территорияль-сәяси пространствода туплана. Дәүләт чикләренә

һәм кабиләара киртәләренә юкка чыгуы, низагларның бетерелүе һәм сәяси бердәмлек аларның үзара якынаюына этәргеч бирә, таркау төрки кабиләләрнең бердәм халыклар булып оешуы өчен алшартлар тудырып, мөһим этник процессларга юл ача. Нәтижәдә Алтын Урда Евразиянең хәзерге күп кенә төрки халыклары өчен «этник бишек»кә әверелә, чөнки аларның килеп чыгышы процесслары «әлеге дәүләтнең төрле провинцияләрендә яшәгән халыклар нигезендә бара»⁷.

«Татарлар» этнонимы белән аталган хәзерге субэтник бергәлекләренә (Идел-Урал, Кырым, Себер татарлары һ.б.) килеп чыгышы да күп кенә очракларда нәкъ менә Жүчи Олысында башлангыч ала. Хәзерге вакытта ике милләткә (кырымтатар һәм татар) һәм ике этник төркемгә (буджак һәм Литва татарлары) карата кулланылучы әлеге атама нәкъ менә Алтын Урда чорында киң таныла. Үзәк Азиянең көнчыгышында яшәгән кабиләләрнең берсе (соңрак – кабиләләр берлеге) исеме буларак, ул татар-монгол яуларына кадәр бик күп еллар элек Шәрәкьтә еш кына Үзәк Азия халыклары жыелмасын, шул исәптән монголларны атау өчен кулланыла. Шуна күрә урта гасырлар чыганакларының күпчелегендә этник яктан чуар монгол гаскәрләре «монголлар» буларак түгел, «монгол-татарлар» яки «татарлар» буларак искә алына. Алтын Урданың күп кенә төрки халыклары, тарихта мэгълүм традиция буенча илбасар халык исеме кабул итеп, шул ук вакытта үзләренә кабилә атамаларын

да кулланып, үзләрән «татарлар» дип атый башлыйлар.

Шулай итеп, Алтын Урда дәверендә бер үк вакытта этноним, политоним, соционим сыйфатында кулланылган «татарлар» төшенчәсе беренче тапкыр этник жәһәттә туплау мәгънәсенә ия булган. Дәүләтнең төп үзәге булган көнбатыш өлешендә (аны еш кына «Ак Урда» дип атыйлар) төркиләренң бердәм татар бергәлегенә берләшүе башланган. Жүчи Олысы таркалуы аркасында бердәм татар халкы формалашу тукталып торган. Соңрак Әстерхан, Казан, Касыйм, Кырым һәм Себер ханлыкларында, өлешчә Нугай Урдасында, хәзерге Румыния, Польша, Литва һәм Белоруссия территориясендә аның нигезендә үзләренң этник бөтенлеген яхшы аңлаган локаль татар этник бергәлекләре (Әстерхан, Казан, Касыйм, Кырым, Себер татарлары, татар-мишәрләр, Добруджа һәм Польша-Литва татарлары һ.б.) оеша башлай. Төрле төбәкләрдәге татарларның этник тарихы процесслары Россия һәм башка дәүләтләр кысаларында дәвам итә.

Шул ук вакытта «Алтын Урданыкы» һәм «татарныкы» төшенчәләре арасында абсолют тиндәшлек билгесе кую дәрәс түгел. Хәзерге татар һәм кырымтатар милләтләреннән тыш, Россиядә һәм совет дәвереннән соңгы чордагы кинлекләрдә яшәүче төрки халыкларның күпчелеген Алтын Урданың этносәяси варишлары дип исәпләү зарур, чөнки аларның килеп чыгышы һәм милли дәүләтчелек тамырлары шул дәүләткә барып тоташа. Соңгы

елларда Үзәк Азия республикаларында, алар территорияләрендәге халыклар, дәүләтчелек барлыкка килүе һәм үсеше тарихында мөһим чор буларак, Алтын Урданы өйрәнүгә зур игътибар юнәлтелүе әлеге фикер файдасына сөйли. Аерым алганда, географик жәһәттә Алтын Урданың өчтән бер өлеше чамасы хәзерге Казахстан Республикасы территориясенә туры килүеннән чыгып, казах галимнәре казах халкы һәм аның дәүләтчелеге килеп чыгышы мәсьәләсендә яңача караш тәкъдим итәләр. Шунуң бунча фикер йөрткәндә, Казахстан турыдан-туры Алтын Урда варисы булып тора, Алтын Урданың тарихы исә, элек исәпләнгәнчә казахлар өчен «тышкы» тарих кына булмыйча, аларның милли тарихының бер өлешен тәшкил итә⁸. Әлеге караш Казахстанның югары сәяси даирәләрендә дә яклау таба. Ләкин мин үз фикеремне генә ассызыкыйм: Алтын Урда – күп кенә төрки (һәм төрки булмаган) халыкларның уртак тарихи казанышы.

Гаять зур территорияләренң Жүчиләр империясе составында берләшүе, алар арасындагы чикләренң һәм таможня киртәләренң юкка чыгуы, уңай сәяси һәм этник нәтижәләргә китерү белән бергә, элеккә караганда күпкә кинрәк күләмдә чиксез зур матди ресурсларга үтеп керү һәм аларны ишәйтү мөмкинлеге биргән бердәм икътисади мәйдан оешуга алшартлар тудыра. Аерым алганда, Алтын Урдада үсемлекләр һәм хайваннар дөньясы төрлелеге шартларында төрле табигый зоналарда

(көнъякта чүлләр һәм ярымчүлләр, төньякта далалар һәм урман-далалар, киң яфраклы урманнар, Себер тайгасы, шулай ук Кырымда һәм Кавказда субтропиклар) яшәгән һәм төрле хужалык-мәдәният типларына караган күпсанлы кешеләр төркемнәренең бер үк социаль-сәяси система кысаларында берләшүе аеруча зур әһәмияткә ия була. Алтын Урда территориясенең төп өлешен, үзәген далалар тәшкил итә; далаларда яшәгән халык элеккечә үк күчмә һәм ярымкүчмә тормыш алып бара, жәйләрдә көнъяктан төньякка, кышларда киресенчә юнәлештә күченеп гомер кичерә. Шулай ук вакытта Алтын Урданың үзәктән читтәге территорияләрендә һәм аңа бәйлә жирләрдә (Харәзем, Төньяк Кавказ, Идел Болгары, Кырым һәм рус кенәзлекләре) традицион рәвештә хужалык нигезен утрак игенчелек, бакчачылык һәм аранлы-көтүле терлекчелек тәшкил итә. Халыкның хужалык шөгылләре арасында чолыкчылык, балыкчылык һәм сунарчылык зур роль уйный. Нәтижәдә Алтын Урда икътисады күп укладлы рәвеш ала һәм, ахыр чиктә, болар барысы да территорияләр арасында, бигрәк тә дәүләтнең үзәк төбәге булган Идел буенда үзара алыш-бирешнең анарчы күрелмәгән дәрәжәдә интенсивлашуына китерә. Жүчи Олысы хакимлегендәге жирләрдә глобаль дәрәжәдә гомуми акча әйләнеше системасын булдыру икътисади киңлекнең бердәмлеген саклауда һәм ныгытуда гаять зур әһәмияткә ия була, чөнки Урда составына кертелгән күп кенә территорияләрнең үзләрендә элек

алга киткән акча сугу традицияләре күзәтелми. Илнең төбәкләрдәге акча сугу үзәкләреннән торган акча системасы торган саен ныграк бердәйләштерелә бара. Берничә акча реформасы барышында ул тәртипкә салына, бердәм төзек структура хәленә китерелә⁹.

Халыкара сәүдә үсешендә Алтын Урда тагын да мөһимрәк роль уйный. Географик яктан гажәеп уңайлы урын биләве аркасында ул трансконтиненталь кәрван юллары кисешкән үзәккә әверелә. Атаклы Бөек ефәк юлының төньяк тармагы әлегә юлларның иң әһәмиятлесе була, ул Кытайда башланып, Көнчыгыш Төркестан, Жидесу өлкәсе, Харәзем аша Идел буена, аннан Үзәк Европага сузыла. Урта һәм Якин Көнчыгышта барган сугышлар, хөкем сөргән тотрыксызлык шартларында отышлы билгеләнгән конъюнктура нәтижәсендә Кытайдан килгән товарлар ташкыны (аш тәмләткечләр, мамык, асылташлар, икмәк һәм коллар) Европага нәкъ менә тынычрак вазгыятьле Алтын Урда аша агыла¹⁰. Мөселман Шәрегын Төньяк-Көнчыгыш һәм Төньяк Европа, Балтыйк буе белән бәйләгән Идел буе «Мех юлы» (төньяктан көнъякка таба юнәлештә) да әһәмиятлеге ягыннан калышмый. Шулай ук Кара диңгез – Идел (Кара диңгез буен Түбән Идел буе белән бәйләп, Урта Азия аша Кытайга һәм Һиндстанга сузылган) һәм транскавказ (Якин Көнчыгыш Көнъяк-Көнчыгыш Европа белән бәйләнгән) юллары да Алтын Урдада башлангыч ала. Нәтижәдә Алтын Урданың сәяси һәм икътисади өстенлеге Евразиянең

һәрьяклап глобальләшүенә булышлык итә.

Нәкъ менә сәүдә, беренче чиратта тышкы сәүдә, Алтын Урда белән бәйле тагын бер күренекле тарихи феноменга – аның күчмә халыклар иленнән шәһәрләр иленә әверелүенә сәбәпче факторга әверелә. Шәһәр халкының географиясе сәүдәнең әлеге процесстагы ролен аермачык күрсәтә – шәһәр халкы нәкъ менә төньяктан көньякка һәм көнбатыштан көнчыгышка юнәлгән кәрван юллары кисешкән жирләрдә, шул юллар буйлап аеруча тыгыз урнашкан. Урта гасырларга караган язма тарихи чыганаclarдагы хәбәрләр һәм карталар буенча, шулай ук археологик тикшеренүләр нәтижәсендә Алтын Урда территориясендә 150 ләп шәһәр булуы мәгълүм. Иң эре шәһәрләр исәбенә Россия Федерациясенә хәзерге Әстерхан өлкәсе территориясендә урнашкан Сарай әл-Мәхруса һәм Хажитархан, Сарай әл-Жәдид һәм Билжәмин (Волгоград өлкәсе, РФ), Үкәк (Саратов өлкәсе, РФ), Азак (Ростов өлкәсе, РФ), Болгар (Татарстан, РФ), Маҗар (Ставрополь крае, РФ), Дәрбәнт (Дагстан, РФ), Кырык Йорт һәм Кырым/Солхат (Кырым, РФ), Сарайчык, Сыгнак (Казахстан), Аккирмән (Украина), Үргәнеч (Үзбәкстан) һ. б. кергән. Әлеге исемлектә татар-монгол яулары вакытында яндырылган һәм таланган, таркалу хәленә килгән һәм бушап калган, халкы өлешчә кырып бетерелгән, өлешчә әсирлеккә алынган һәм коллыкка алып кителгән, эмма тиз арада торгызылып, Алтын Урда чорында да яшәүләрен давам

иткән элеккеге шәһәрләр дә, актив рәвештә илнең төрле өлешләрендә калкып чыккан шәһәрләр дә очрый. Сәүдәдән тыш, шәһәрләрнең барлыкка килүе һәм үсеше буйсындырылган территорияләрне идарә итү өчен терәк пунктлар челтәре булдыру зарурлығы белән дә бәйле була. Шуңа күрә Алтын Урданың күп кенә шәһәрләре эре административ-территориаль берәмлекләр үзәкләре вазифаларын да башкарганнар. Өстәвенә, ханнар һәм аксөякләрнең югары катлавы, кышлау өчен генә шәһәрләргә барып, вакытларының күп өлешен үзләренең күчмә станнарында уздыруны өстен күрсәләр дә, күпсанлы профессиональ чиновникларның бюрократик аппараты өчен стационар яшәү урыны таләп ителгән. Бәйле жирләрдән кергән бай ресурсларны һәм гаять зур керемнәрне үз кулларында туплаган, дәрәжәле саналган күчмә тормыш рәвешен саклаган аксөякләрдә дә тора-бара шәһәрләрдәге зиннәтле утрак тормыш уңайлыкларына һәм рәхәтлекләренә омтылыш үсә барган. Алтын Урда хөкемдарларының Бату тарафыннан ук башланып алып барылган һәм XIV гасырның беренче яртысында Үзбәк һәм аның улы Жәнибәк ханнар заманында аеруча киң колач жәйгән актив һәм максатчыл юнәлешле шәһәрләр төзү сәясәте нәкъ менә шул факторлар һәм сәбәпләр белән аңлатыла.

Алтын Урданың давамлы тарихи үсеш мирасы буларак барлыкка килгән шәһәрләре дә, ханнар эмере буенча тиз арада төзелгәннәре дә берничә дистә ел эчендә үзләренең мәһабәтлеге, зурлығы һәм төзеклеге

белән күрелмәгән үсеш дәрәжәсенә ирешәләр. Күп кенә халыкларның шәһәрләр төзү традицияләрен үзләштереп, үзләренә сәндереп, алар тиңдәшсез сыйфатларга һәм үзенчәлекләргә ия булалар, кабатланмас манзаралары белән таң калдыралар. Алтын Урданың төзек, су белән тәэмин ителгән, уңайлы һәм матур биналар, мәчетләр һәм төз, биек манаралар калкып торган, мунчалар һәм каналлар, бакчалар һәм сарайлар тезелеп киткән шәһәрләренә күн күрешә шул заманның югары стандартларына һәм таләпләренә туры килгән. Бу хакта сакланып калган яки археологлар тарафыннан табылган предметлар, шәһәрләрдәге интенсив, бай һәм имин тормышны шаккатып тамаша кылган чит ил сәяхәтчеләренә сокланулы хатирәләре шаһитлек итә. Жүчи Олысының 1240 елларда Бату тарафыннан нигезләнган икенче (Болгардан соң) башкаласы Сарай әл-Мәхруса кунакларны үзенең мәһабәтлеге һәм зурлығы белән хәйран калдыра. Урта гасырлар үлчәмнәре буенча ул, хәзергечә әйтсәк, шул дәвәрдәге Багдад һәм Каһирә, Константинополь һәм Рим белән чагыштырырлык чын мегаполис була: аның мәйданы (бистәләре белән бергә) 36 кв. километрга, халкы исәбе (замандашлары бәяләвенчә) 75 мең кешегә житә. XIV гасырның беренче утызъеллыгында башкала Үзбәк хан идарәсе вакытында төзелгән Сарай әл-Жәдидкә күчерелә. Әлеге шәһәр Үзбәк ханның улы Жәнибәк хан заманында чәчәк ату чоры кичерә, соңгысы хан сараен (даирәсен) шунда күчерә.

Жүчи Олысында шәһәрләшү нәтижәсендә «дәүләтнең аерымы төбәкләре эшкәртелгән кыр-басулар белән әйләндереп алынган кечерәк шәһәрчәкләрдән, бистәләрдән һәм аксөяк замонарынан торган, күп чакрымнарда сузылган тулаем утрак торулыкларга әверелә»¹¹. Алтын Урданың үзек төбәгендә – уңайлы табигать шартлары (ундырышлы тугай-үзәнлекләр, даладагы терлекчелек мәйданнары, суднолар йөргән һәм төп кәрван юллары кисешкән Түбән Идел буенда Сарай әл-Мәхрусадан Сарай әл-Жәдидкәчә өзлексез сузылган гаять зур шәһәр агломерациясе барлыкка килә. Әлеге өлкәдә, ике Сарайдан тыш, башка шәһәрләр дә – Хажитархан, Билжәмин, Үкән, Гөлстан һәм Сарайчык урнашкан, алар үзләрен камаган дистәләрдән торучулыклар белән бергә халык тыгыз утырган игенчелек оазисын хасил иткәннәр. Идел белән Дон елгалары арасында да шундый ук агломерация яшәп килгән.

Корылыклы төбәкләрдә сугару һәм күпсанлы шәһәр халкы өчен үсемлекчелек-игенчелек продукциясе (азык-төлек, техник культуралар) житештерү мәсьәләләрен хәл итү белән бәйле рәвештә бер үк вакытта әйләнә-тирә мохитне үзгәртеп корудан башка әлеге гигант урбанистик организмнар барлыкка килә һәм яши алмас иде. Шәһәрләргә су белән тәэмин итү мәсьәләсе ясалма күлләр-сусаклагычлардан һәм катлаулы гидротехник корымалардан (буалар, шлюзлар, дамбалар, арыклар, жир астындагы керамик торбалардан корылган суүткәргечләр һәм каналли-

зация) гыйбарәт күптармаклы система булдыру юлы белән хәл ителгән. Икенче мәсьәләне чишү өчен «чирәм жирләрне күтәрергә» – игенчелек максатында даланы массачыл колонияләштерергә һәм шәһәрләрне авыл хужалыгы торуклары белән әйләндереп алырга туры килгән. Моның ни рәвешле гамәлгә ашырылуы әлегә жентекләп һәм ахыргача өйрәнелмәгән, әмма проектның колачлары гына да Алтын Урда дәүләтенң югары оештыру потенциалын күрсәтә. Шулай итеп, Алтын Урда империясе яшәеше чорында һәм нәтижәсендә, мөгаен, тарихта аңарчы күрелмәгән-күзәтелмәгән цивилизация үсеш-үзгәреш булган – халкының күпчелеге күчмә халыклардан торган ил нибаны берничә дистә ел дәвамында шәһәр һәм күчмәнлек-игенчелек мәдәниятләрен берләштергән югары дәрәжәдәге үсешле «оазис»ка әверелгән. Кыска вакыт эчендә далада күп кенә шәһәрләр үсеп чыгу – урта гасырлар тарихында уникаль күренеш¹². Ул безгә, кабат искәрәп үтик, янә Харәзем, Идел Болгары, Төньяк Кавказ һәм Кырымдагы төрки халыкларның Жүчи Олысы мәдәнияте барлыкка килүгә гаять зур өлеше кертүләре хакында сүз йөртәргә мөмкинлек бирә.

Алтын Урда тарихында шәһәрләрнең аеруча зур роль уйнавы, сүздә-һөнәрчелек һәм сәяси тормыш үзәкләре булу белән бергә, аларның интеллектуаль-рухи тормыш, Алтын Урда мәдәнияте формалашуы һәм үсеше үзәкләренә әверелүеннән дә гыйбарәт. Күчмә халыкларның тиз хәрәкәт итүгә

сәләтле булулары сәбәпле, күпсанлы күршеләре белән еш очрашулары нәтижәсендә аларның мәдәнияте һәрвакыт ныграк баеган. Монгол-татар яулары һәм Жүчи Олысының барлыкка килүе тагын да кинрәк колачлы мәдәни-тарихи процессларны хәрәкәткә китергән. Империя буларак, Алтын Урда төрле мәдәниятләр вәкилләре яшәгән төбәкләрне бердәм сәяси яссылыкта туплаган, бу исә үзара социаль-сәяси тәҗрибә уртаклашудан һәм сәүдә-хужалык элементләре ныгудан тыш интенсив мәдәнияте багланышлар үсеше өчен жирлек хасил иткән. Евразиядәге күпсанлы халыкларның һәм кабиләләрнең мәдәни традицияләрен үзенә сәңдереп, Алтын Урда көчле үзенчәлекле феноменга әверелгән яңа мәдәният тудырган! Соңгысы XIII гасырның икенче яртысында, башлыча Көнчыгыш Европадагы жирле (болгар һәм кыпчак) һәм читтән килгән Үзәк Азия (кидан-чжурчжән һәм татар-уйгыр) традицияләре кушылуы нигезендә формалаша башлаган. Килмешәк илбасарлар буйсындырылган халыклар мәдәниятен кабул иткәннәр, бер үк вакытта ана үзләренең мирасыннан да өлеш керткәннәр һәм шул рәвешле Шәрәкнең борынгы цивилизацияләре (мәсәлән, Кытай һәм Персия) йогынтысын да өстәгәннәр.

Глобаль тарихи үлчәмнәрдән чыгып фикер йөрткәндә, кыска вакытлы – 200 елдан артыграк яшәвенә карамастан, Алтын Урда күренекле эз калдырган. Аның гаять зур территориясе, хәрби куәте, халыкара колачлы киң йогынтысы, көчле

дәүләт аппараты, югары үсешкә ирешкән күп укладлы икътисады, бай мәдәнияте булган; ул Евразиянең сәяси, икътисади һәм мәдәни картасына тирән һәм этрафлы юнәлешле йогынты ясаган. Үзенчәлекле сәяси, хужалык, мәдәни, социаль институтлары бердәм комплексының югары дәрәжәдәге үсеше, вакыт һәм пространство жәһәтендә локальләшкән һәм тотрыклы, бөтенлекле ижтимагый система буларак, үзенә бер төрле «Алтын Урда цивилизациясе» турында сүз йөртөргә жирлек бирә. Алтын Урда составына кергәндә төрле халыклар үсешнең төрле баскычларын билиләр: бер ишләре ыруг-кабилә мөнәсәбәтләрендә яшәп, натураль хужалык алып бара; икенчеләре югары мәдәнияتكә ирешә; өченчеләре өчен исә хәтта язу да ят була. Шуңа күрә, яулау һәм көч куллану юлы белән барлыкка килсә дә, киләчәктә Алтын Урда, һичшиксез, гаять мөһим мәгърифәтчел, цивилизация роль уйный¹³.

Төрле сәяси, социаль, икътисади һәм табигать-климат белән бәйлә сәбәпләр аркасында XV гасырның икенче утызъеллыгында Жүчи Олысы бердәм дәүләт буларак яшәүдән

туктый. Яшәеше тукталса да, Алтын Урда эзсез югалмый. Аның чиксез зур мирасы кала. Алтын Урданың таркалуы аның традицияләрен давам иткән, үсешләренең башлангыч чорында урта гасырларда хөкем сөргән бөтенлекле конфедерация хасил иткән дәүләтләр «йолдызлыгы» оешуга китерә. Алтын Урда олыслары жирлегендә яңа дәүләт-«йорт»лар – Жүчиләрнең Олы Урда (1441–1502), Кырым (1441–1783), Казан (1445–1556), Касыйм (1445–1681), Төмән/Себер (1446–1598), Әстерхан (1459–1556), Казах (1469–1718) һәм Үзбәк (1469–1510) ханлыклары, Идегәй варисларының Нугай Урдасы (1480–1613), шулай ук Үзәк Европадан Үзәк Азия һәм Себергә кадәрге территориядә төрле дәрәжәдә Алтын Урда сәяси системасының, икътисадының һәм мәдәниятенәң традицияләрен мирас иткән кечерәк дәүләти берләшмәләр барлыкка килә. Алтын Урданың таркалуы аның этносәяси «бишеге»ндә яралган хәзерге кардәш төрки халыкларның тулы бер «такыя»се барлыкка килүенә этәрә. Аның аерымы «әнжә бөртекләре» тарихын бәян иткәндә без, һичшиксез, бу хакта истә тотарга тиешбез.

Сведения об авторе: Хамидуллин Булат Лиронович, кандидат исторических наук, заведующий центром изучения татарской диаспоры Академии наук РТ, e-mail: bulat. antat@mail.ru.

Аннотация: Золотая Орда, несмотря на относительно короткий по мировым историческим меркам период существования – чуть более 200 лет, смогла оставить заметный исторический след. Она обладала огромной территорией, военной мощью, широким международным влиянием, мощным государственным аппаратом, развитой многогослойной экономикой, богатой культурой, имела глубокое и многовекторное влияние на политическую, экономическую и культурную карту Евразии. Все это вместе взятое позволяет нам с полной уверенностью использовать в её отношении эпитет мировой сверхдержавы средневековья. Высокий уровень развития единого комплекса самобытных политических, экономических, культурных, социальных институтов предполагает

существование особой «Золотоордынской цивилизации» как локализованной и устойчивой во времени и пространстве целостной социальной системы.

Ключевые слова: Золотоордынская цивилизация, наследие, тюркские народы.

Abstract: The Golden Horde, despite the relatively short period of existence by global historical standards – a little more than 200 years, was able to leave a noticeable historical trace. It had a huge territory, military power, wide international influence, powerful state apparatus, developed multi-layered economy, rich culture, had a deep and multi-vector influence on the political, economic and cultural map of Eurasia. Taken together, all this allows us to use with full confidence in its relation to the epithet of the world superpower of the middle ages. A high level of development of a single complex of original political, economic, cultural, social institutions suggests the existence of a special «Golden Horde civilization» as a localized and stable in time and space of an integral social system.

Key words: Golden Horde civilization, heritage, Turkic peoples.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Хамидуллин Б. Л. Чингиз-хан – 850: Кн. 1. – Казань, 2002.
- 2 Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. – Казань, 2013. С. 36–40.
- 3 Энхчимэг Ц. Ц. К изучению истории Таласского курултая // Материалы международной научной конференции «Монгольская империя (образование, расцвет, распад)». – Улан-Батор, 2004. С. 327–335.
- 4 История «скифов» глазами современников / Авт.-сост. Б. Л. Хамидуллин. – Казань, 2001.
- 5 Костюков В. П. Были ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. – М., 2006. С. 199–237.
- 6 Трепавлов В. В. Степные империи Евразии: монголы и татары. – М., 2015. С. 223.
- 7 Трепавлов В. В. Золотая Орда и татарские юрты в мировой истории // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография. – Казань, 2016. С. 923.
- 8 Сабитов Ж. М., Кушкумбаев А. К. О новой парадигме истории происхождения казахского народа // Второй конгресс историков Казахстана. – Астана, 2014. С. 274–283.
- 9 Фёдоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. – М., 2003. С. 48.
- 10 Зимони И. Историческая роль Золотой Орды на Шелковом пути и в Восточной Европе // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 143–147; Лушников О. В. Золотая Орда на Великом шелковом пути: экономическое и культурное взаимодействие, как основа евразийской мир-системы средневековья // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 148–151.
- 11 Егоров В. Л. Золотая Орда. – М., 2005. С. 13.
- 12 Фёдоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. – М., 1994.
- 13 Хамидуллин Б. Л. «... Окаянная дочь Златой орды...»: очерки и историографические заметки по истории Золотой Орды и Казанского ханства. – Казань, 2018. С. 41.

БАБАЛАРЫБЫЗ СОЛЫХНАМӘСЕ ҺӘМ НАМУС

Халиуллина Р. И.

SOLYKHNAME OF ANCESTORS AND HONOR

Khaliullina R. I.

Россиядә элек-электән халык исәбен алу мәсьәләләренә зур игътибар юнәлтелгән. Бу аңлашыла да, чөнки илдә яшәүчеләрне барлау салым сәясәтенә бәйләнгән. XV–XVII гасырларда писцовый кенәгәләр төзелгән, 1897 елда Россия империясендә рәсми рәвештә беренче тапкыр гомуми халык санын алу уздырылган; даими рәвештә ревизия тасвирламалары (ревизские сказки), өстәвенә мөселман авылларында имамнарыбыз тарафыннан ел саен метрика кенәгәләре (1829–1918 елларда) алып барылган. Соңгыларында аерым бүлекләрдә кешеләрнең тууы, вафаты, никахлашуы һәм аерылышулары турында мәгълүматлар теркәлгән; кыскасы, мөселман руханилары хәзерге зағслар вазифаларын да башкарганнар. Әлеге документлар хакында күпләребез хәбәрдар. Ә менә патриархаль гаиләләрдән башка чыгулар хакында солыхнамә дип аталган махсус килешүләр төзелгән. Алар әле киң гавамга бик үк мәгълүм түгелдер. Моңа аерым игътибар бирелгән,

чөнки, ни дисәк тә, яңа хужалык – дәүләтнең салым өлкәсендә өстәмә керем берәмлеге бит. Биредә без халкыбыз тарихын өйрәнүдәге шундый мөһим чыганакның бер үрнәген тәкъдим итәбез (гарәп графикасыннан безнең тарафтан 2016 елда күчерелде, стиле саклана). Ул 1912 елның 12 апрелендә Уфа губернасы Минзәлә өязе Әхмәт волостының (Татарстанның хәзерге Зәй районы) Шыкмай авылында рәсмиләштерелгән. Солыхнамәнең төп нөсхәсе Ринат Минсалих улы Исрафиловның шәхси архивында саклана.

«1912 нче сәнәдә 12 нче апрельдә безки Хафизетдин һәм Шаһимәрдән Исрафиловлар аерылышмак булып, шаһитләр хозурында солыхнамә¹ яздырдык. Гакылымыз сәхих², тәнәмез сәләмәт вакытта хөснә³ ризалыгымыз берлән һәм әнкәмезнең ризалыгы берлән бән, Хафизетдин Исрафил углы, тиешле хиссаны⁴ алып, хөснә ризалыгым берлән чыкмак булдым. Шаһимәрдән Исрафил углы, әнкәләрен тәрбия кылып тормак булып, төп йортта калачак

¹ Солых килешүе, килешенү.

² Төпле, дөрес, сәләмәт.

³ Күркәм, яхшы.

⁴ Өлеш, үзенә тиешле күләм, пай.

булды. Хафизетдин Исафиловка нэсыйбына⁵ тиешле нэрсэлэр – бер келэт, аның соңында келэт берлэн бер очтан 2 буй лапас 4 баганасы берлэн, аннан соң тарантас арба, бер баш сарык, 3 пот бэрэнге, 2 сум 20 тиен акча, симинэ үз душныкы үзенэ, бер пот паек чыга. Сабанда үзе аласы булды шушы симинэ паекны. Түлэгән вакытта бергә түлэргә вәгдәләштек. Гыйниятулла Фәйзулла углына биресе 1 сум 50 тиен Хафизетдин Исафилов зиммәсендә⁶ калды, аннан соң өч сум урман өчен штраф Хафизетдин Исафилов зиммәсендә калды. Өскәкия торган киемнәр, аяк киемнәре үзләренеке үзләренә булмак булды.

План пулный көенчә Шаһимәрдән Исафиловка башка дэгъвам калмады дию, Хафизетдин Исафил углы X тамга салдым.

Вә бән Шаһимәрдән Исафил углы шушы язылмыш нэрсэләрне риза булып биреп һәм чыкмагына риза булып тамга X салдым.

Солыхнамә язган вакытта шаһитләр Хисмәтулла Бикбай углы тамга |-/⁷ салдым һәм Гайнетдин Исмәгыйль углы тамга >< салдым.

Һәм шушы солыхнамә мәжлесендә булдым олуг агалары бән Гайфетдин Исафил углы тамга X салдым.

Шушы Исафил Исафиловның угылларының үтенүе буенча солыхнамә яздым бән Шәрифжан Сәйфуллин.

Вә бән силскай староста Гыйниятулла Фәйзулла углы кәжүнни пичәтем бастым: Түгәрәк мөһер. X

(Мөһердәге язу: печать старосты 4. участка Ахметевск волости)».

Бабаларыбыз нинди зирәк, акыллы булган! Әлеге солыхнамә үрнәге уртак йортта бер гаилә булып гомер сөргән туганнар гаиләләренең төп йорттан аерылып чыкканда үзара киңәш-табыш кылып, килешенеп эш йөртүе хакында сөйли. Бу исә алга таба тормыш иткәндә килеп чыгуы ихтимал бәхәсләрдән, низаглардан саклану чарасы да булып торган, шәхси җаваплылыкны көчәйтеп, татар гаиләсенең ныклыгын тәмин итүдә уңай йогынты ясаган. Халык телендәге «Киңәшле эш – таркалмас» дигән зирәк гыйбарә дә юкка гына тумагандыр.

Солыхнамәдә телгә алынган затлар – Исафил бабай нәселенән. Әлеге нәсел вәкилләре гомер-гомергә ата-баба йоласын, гадәтләрен саклап, туганлыкның кадерен белеп, үзара ярдәмләшеп яшәгәннәр. Аларның яшәү рәвеше дә, гамәлләре дә халкыбыз һәм илебез тарихының аерылгысыз сәхифәләрен тәшкил итә. Хәзерге вакытта үз нәселенең тарихын барлау, шәжәрәсен төзү белән шөгыйльләнгән Ринат Минсалих улы әйтүенчә, аның борынгы бабалары балаларына Микаил, Исафил кебек пәйгамбәрләр исемнәрен кушканнар. Жир белән бәйле вакыйгалар да, күмәкләштерү, кулаклыкка чыгару шаукымнары да, Бөек Ватан сугышы да әлеге нәсел вәкилләрен читләтеп узмый. Исафил һәм Шаһимәрдән бабалары дәүләт файдасына тегермән һәм хәләл хезмәт куеп табылган башка мөлкәтләреннән

⁵ Өлеш, пай.

⁶ Бер эшне үз өстенә йөкләү, җаваплылыкны алу; йөкләмә.

⁷ Бу тамга 4 санын уңнан сулга язган рәвештә.

ваз кичэләр. Документта телгә алынган Шаһимәрдәннең уллары Хөснимәрдән белән Габделәхәт Бөек Ватан сугышында катнашалар. Өлкән улы Хөснимәрдән 1945 елда Одер елгасын кичкәндәге батырлыгы өчен Советлар Союзы Герое исеменә дә тәкъдим ителә. Аның шәхси сугышчан батырлыгы тасвирланган рәсми документта түбәндәге юллар бар (текст безнең тәржемәдә бирелә): «1945 елның 2 февралендә Одер елгасын кичкәндә иптәш Исрафилов төзәүче булган туп-туры төзәлештә (наводкада) торды. Туп уты белән дошманның 4 пулемёт ноктасы һәм 19 солдаты юк ителде, шуның нәтижәсендә майор Каверзнев батальоны (1208 нче укчы полк) уңышлы рәвештә Одерны кичте. Безнең частьларны Одер елгасының сул ярына бәреп чыгару максаты белән дошман һөжүмгә күчте. Зур югалтулар бәрабәрәнә ул безнең оборонага үтеп керде. Туп пехота ышыклавыннан мәхрүм калды, Исрафилов яраланды, эмма сугыш кырыннан китмәде, төрле яклап туп өстенә ябырылган дошман солдатларын күзгә-күз атып кыруын дәвам итте. Әлегә бәрелештә иптәш Исрафилов тарафыннан дошманның үйөрешле тубы, 4 пулемёт ноктасы, 150 солдаты һәм офицеры юк ителде һәм яраланды. Иптәш Исрафилов каһарманлыгы нәтижәсендә көн

дәвамьнда немецларның 6 ярсулы һөжүме кире кайтарылды һәм безнең гаскәрләрнең позицияләре торгызылды. Советлар Союзы Герое исеме бирелүгә тәкъдим итүгә лаек. 936 нчы артиллерия полкы командиры гвардия подполковнигы (имза) Савченко. 1945 ел 15 февраль».

Тик нигәдер каһарманга Герой исеме бирелми кала, аның батырлыгын бәяләү Кызыл Байрак ордены белән чикләнә. Хикмәт татарлыкта микән... Сугыштан соң Хөснимәрдән ага күмәк хужалыкны житәкли.

Габделәхәт исә медсанчастьта хезмәт итә, яу кырыннан 500 дән артык яралыны чыгара, хезмәтен сугыш беткәч тә дәвам итеп, 1947 елга кадәр бандерачыларга каршы көрәштә катнаша, Кызыл Йолдыз ордены белән бүләкләнә.

Авыр сынауларга дучар булсалар да, әлегә нәсел вәкилләре намусларына тап төшермиләр. Ата-бабаларының алдан күрү, варисларының киләчәген кайгыртып яши белүләрен үрнәк итеп алып, үз тарихларын барлап, туганлык жепләрен саклап гомер кичерәләр. Ө солыхнамә исә аларга да, аның белән танышучыларга да тормыш рәвешен көйләүнең бер үрнәге, мөстәкыйльлеккә фатиха бирүче нәсыйхәтнамә булып тора.

Сведения об авторе: Халиуллина Рамзия Индусовна, ведущий методист Музейного комплекса города Казани, e-mail: xaliullina61@mail.ru.

Аннотация: Статья знакомит с особенностями доселе малоизвестного широкой общественности социально-юридического документа татарской сельской общины начала второго десятилетия XX в. Вводится в научный оборот один из образцов солыхнаме – соглашение о выделении в самостоятельное хозяйство, составленное 12 апреля 1912 г. в с. Шихмамаево Ахметевской волости Мензелинского уезда Уфимской губернии

(ныне Заинского района Республики Татарстан); освещаются ключевые моменты жизни некоторых продолжателей рода Исрафиловых, упомянутых в документе.

Ключевые слова: солыхнаме, свидетели, доля, обязательство, согласие, клеть, лапас, тарантас, штраф, претензия.

Abstract: The article introduces the peculiarities of the social and legal document of the Tatar rural community, hitherto little known to the general public, at the beginning of the second decade of the twentieth century. One of the samples of solykhname is introduced into scientific circulation – an agreement on the separation into an independent economy, drawn up on April 12, 1912 in the village. Shikhmamaevo Akhmetevskaya volost of Menzelinsky district of Ufa province (now Zainsky district of the Republic of Tatarstan); highlights the key moments in the life of some successors of the Israfilov family, mentioned in the document.

Key words: solykhname, witnesses, share, obligation, consent, crate, lapas, tarantass, fine, claim.

ВКЛАД ГОРОДСКИХ ГОЛОВ КАЗАНИ В РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОРОДА

Миниханов Ф.Г., кандидат исторических наук

THE CONTRIBUTION OF THE MAYORS OF KAZAN TO THE DEVELOPMENT OF THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE CITY

Minikhanov F. G.

Должность городской головы в Российской империи была учреждена императрицей Екатериной II в Манифесте от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборах в оную депутатов». Манифест предусматривал проведение в городах выборов депутатов в Комиссию и составление наказа от жителей города. Организатором выборов должен был стать городской голова, избираемый сроком на 2 года из мужчин старше 30 лет, «действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысел в том городе имеющие; не банкротные, в штрафах, подозрениях и явных пороках не бывалые; добрыя совести и незазорного поведения»¹.

По Городовому положению 1870 г. городской голова утверждался представителями государственной власти: в губернских городах – министром внутренних дел, в других городах – губернаторами и градоначальниками. Он был «первенствующим общественным лицом» и был наделен значительной влас-

тью. Статус городского головы соединял функции распорядительной и исполнительной власти в одном лице: т.е. он одновременно являлся председателем городской думы, ее исполнительных органов – шестигласной и распорядительной думы (с 1846 г.), а также городской управы (с 1870 г.).

Функции городской головы заключались в основном в решении социально-экономических и хозяйственных вопросов города: он вместе с депутатами составлял городскую обывательскую книгу, участвовал в заседаниях городских собраний, инициировал обсуждение вопросов в городской думе, назначал ее заседания, давал разрешения на отлучку гласных, имел право заранее знакомиться с содержанием их докладов. В качестве председателя городской управы он руководил хозяйством города, имел право единолично принимать экстренные решения.

К предметам ведения Городской головы, как председателя думы и управы, принадлежали следующие конкретные задачи развития го-

родской инфраструктуры: «внешнее благоустройство города, а именно: попечение об устройении города: заведование устройством и содержанием улиц, площадей, мостовых, тротуаров, городских общественных садов, бульваров, водопроводов, сточных труб, каналов, прудов, канав и протоков, мостов, гатей и переправ, а равно и освещение города; дела, касающиеся благосостояния городского населения: меры к обеспечению народного продовольствия, устройство рынков и базаров; попечение в пределах, законом указанных... об охранении народного здоровья, о принятии мер предосторожности против пожаров и других бедствий и об обеспечении от причиняемых ими убытков; попечение об ограждении и развитии местной торговли и промышленности, об устройстве пристаней, бирж и кредитных учреждений; устройство за счет города благотворительных заведений и больниц и заведование ими..., участие в попечении о народном образовании, а также устройство театров, библиотек, музеев и других подобного рода учреждений; представление правительству сведений и заключений по предметам, касающимся местных нужд и пользе города, и ходатайство по сим предметам»².

На протяжении 1767–1917 гг. на должность городской головы в Казани избиралось 43 человека³. Каждый из них, в силу своих возможностей и личных качеств, внес определенный вклад в благоустройство города, развитие здравоохранения, народного образования, культуры, общест-

венного призрения и т. д.

Первым городским головой в Казани был «содержатель казанской суконной фабрики, местный купец и голштинской коммерции советник Иван Федорович Дряблов. Он происходил из посадских людей г. Чебоксары, где фамилия Дрябловых принадлежала многим купцам и мещанам»⁴. Отметим, что с момента введения должности городской головы, вплоть до принятия Городового положения 1870 г., на этот пост избирались богатые и влиятельные представители только купеческого сословия, основатели и члены купеческих династий. Купечество, благодаря своей роли в торгово-промышленном развитии города, оказывало в то время огромное влияние на его общественную жизнь, занимая ключевые позиции в органах местного самоуправления. За этот столетний период экономическое развитие Казани шагнуло далеко вперед, в городе наблюдался рост числа промышленных, торговых предприятий. Одним из крупнейших предприятий была суконная фабрика первого городского головы. В конце XVIII в. Казань насчитывала 676 русских и 595 татарских купцов. К началу буржуазных реформ Александра II 1860–1870 гг. удельный вес казанского купечества вырос до 3% от всего городского населения. Абсолютная же численность его увеличилась более чем в 2 раза по сравнению с концом XVIII в.⁵

В начале XIX в. Казань уже входила в первую десятку крупных торгово-промышленных центров России. В приговоре Казанской го-

родской думы «О состоянии в г. Казани торговли, дорог, водоснабжения и мерах по их улучшению» от 21 июня 1816 г., подписанном и подготовленном при участии городского головы П. С. Суханова, было указано, что «Казань до шестого пожара (1815 г. – Ф.М.) можно было назвать по красоте, обширности торговли, средоточному положению всего государства и по естественной удобности сообщаться с знатнейшими в империи городами водою, по столицам первым городом»⁶. В начале XIX в. в Казани находилось свыше 1100 лавок, Гостиный двор, много складов и всевозможных амбаров. В городе появились кредитные учреждения и банки. В середине 1840-х гг., при активном участии думы и городского головы С. Е. Александрова, был открыт Казанский городской общественный банк⁷. На открытие банка «была употреблена сумма, пожертвованная на устройство богадельни вдовой бывшего городского головы Н. О. Чижова, бывшим городским головой М. С. Вериним и купцом Савиновым»⁸. Банк создавался с той целью, «чтобы производством ссуд доставить местным гражданам вспомоществование в торговых их оборотах»⁹. Он не начислял дивидендов своим членам, вся прибыль шла на благотворительные цели. До 1863 г. директором банка становился выбранный на пост городской голова. В 1863 г. при думе была учреждена городская сберегательная касса¹⁰.

Важнейшим направлением деятельности городских голов была работа о благоустройстве города. Впервые эту проблему ставил П. С. Су-

ханов в указанном выше приговоре от 21 июня 1816 г., где, в частности, говорится о плохом водоснабжении города, о необходимости мощения улиц камнем вместо дерева. В приговоре особо отмечается, что вода в ранее чистых озерах Банное, Белое и Черное испортилась, озеро Кабан осталось без протока, Булак обмелел и покрылся илом и «по сей причине только и остается жителям довольствоваться водою из упомянутого озера Кабан и речки Казанки. Она же от чрезвычайных грязей весною и осенью и даже среди лета во время дождей делается столько мутна, что за неимением других вод, будучи неизбежно употреблена в пищу, производит общие в городе болезни. Грязи же бывают столько необыкновенно велики, что простую крестьянскую телегу две лошади едва могут везти, посему необходимо в городе Казани должно устроить, как для чистоты, прочности, красоты и удобства и общественной пользы мостовые, которых ныне никаких нет»¹¹.

С 1829 г. началось мощение улиц камнем. Городской голова Г. С. Мельников в своем отношении к уездному предводителю дворянства от 8 мая 1833 г. подтверждает этот факт, называя одной из своих основных обязанностей «выстилку улиц каменной мостовой»¹². В 1830 г. начались очистные и ремонтные работы на Булаке, затянувшиеся на долгие годы. В июне 1861 г. ставит очередной раз вопрос об очистке или засыпке Черного озера городской голова Я. Д. Соколов¹³. Последний раз проект засыпки Булака рассматривался 9 июня 1916 г. при последнем город-

ском голове В. Д. Воронине¹⁴.

В период буржуазных реформ Александра II в городах империи было введено Городовое положение 1870 г., которое дало заметный толчок развитию городов в плане их благоустройства. В 1872–1882 гг. казанское городское общественное управление возглавил первый представитель некупеческого происхождения, профессор императорского Казанского университета Эраст Петрович Янишевский. В годы его правления были достигнуты большие успехи в экономической, хозяйственной и социальной областях. При нем был решен вопрос «об устройстве городского водопровода и обеспечении населения доброкачественной водой». Эту проблему Янишевский неоднократно поднимал еще, будучи гласным городской думы. За год до избирания городским головой на заседании думы «О создании комиссии по устройству в Казани водопровода» от 29 июля 1871 г., он призывал как можно скорее начать строительство «жизненно важного объекта» для горожан. Его стараниями городской водопровод был сооружен в 1875 г. на концессионных началах «Обществом казанского водоснабжения», устроенным известным русским капиталистом Губониным. Вода для водопровода была проведена из источников деревни Пановка, находящейся в 18 верстах от Казани до Арского поля¹⁵.

С устройством водопровода Э. П. Янишевским 22 апреля 1874 г. был выдвинут вопрос об устройстве городской канализации¹⁶, однако за все время существования думы про-

вести канализацию так и не удалось, ее последний проект был утвержден думой в 1916 г. при последнем городском голове В. Д. Воронине¹⁷. Одновременно с концессией на устройство водопровода, городскими властями в 1873 г. был заключен контракт по устройству в Казани газового освещения с известным русским предпринимателем С. Д. Башмаковым. В сентябре 1875 г. в соответствии с контрактом был построен газовый завод и поставлено в центре города 1002 газовых фонаря¹⁸. К периоду правления Э. П. Янишевского относится и начало устройства сети конно-железных дорог. Под председательством городского головы дума на своем заседании от 22 декабря 1873 г. утвердила «проект устава конно-железной дороги». Первый параграф проекта гласил: «Для облегчения перевозки пассажиров и грузов от волжских пристаней, фабрик и заводов в Казани для доставления жителям сего города удобного и дешевого сообщения разрешается капитан-лейтенанту Александру Адольфовичу Этолину и Екенесскому купцу Густав Густавовичу Тальквисту устроить конно-железные дороги...». В документе также перечисляются трамвайные линии первой и второй очереди¹⁹.

Являясь представителем интеллигенции, профессор Э. П. Янишевский внес достойный вклад в развитие народного образования. Благодаря его стараниям положительно решился вопрос устройства в Казани коммерческого учебного заведения. Такое учебное заведение – реальное училище с коммерческим классом – было

открыто в 1875 г.²⁰ Особое значение для национальных меньшинств имело открытие в 1875 г. первого «приходского татарского училища с правами, жалованными прочим приходским училищам, дающим, помимо религиозного, светское образование татарским детям, что было очень актуально в то время». На своем заседании от 21 марта 1875 г. Казанская дума утверждает заработную плату для учителей и «находит нужным сравнить жалование учителя русского языка с жалованием муллы (в медресе –Ф.М.), и обоим назначает по 300 руб. в год»²¹.

На рубеже XIX–XX вв. в должности городского головы два срока с перерывом в 11 лет (1883–1888, 1899–1903 гг.) служил его Императорского величества действительный статский советник А. А. Лебедев. Его деятельность способствовала благоустройству города, укреплению финансового положения пожарных команд, развитию народного образования и улучшению материального положения учителей и учащихся учебных заведений Казани. Современники характеризовали А. А. Лебедева как человека совершенно бескорыстного, доброго, отзывчивого, делавшего многочисленные пожертвования в пользу города и в помощь нуждающимся. Отмечалось также его внимательное и доброжелательное отношение к гласным, к служащим канцелярии думы. Гласные городской думы, в свою очередь, назвали его «заботливым хозяином города»²². Он сделал крупные пожертвования на строительство каменного моста через протоку Булак,

напротив здания реального училища, который был открыт в 1907 г. Впоследствии он был назван его именем²³. Были также учреждены именные стипендии А. А. Лебедева в Казанском реальном училище и Мариинской женской гимназии.

В последнее десятилетие XIX в. городскую власть с 1888 по 1899 г. возглавлял юрист, статский советник С. В. Дьяченко²⁴. Он пользовался большим авторитетом и популярностью в казанском обществе. Период его правления характеризуется существенными нововведениями в благоустройство города. С 1897 г. в Казани начались работы по устройству электрического освещения, и уже в 1899 г. появились первые «электрические фонари на улицах Воскресенская, Проломная, Лобачевская и Грузинская с Покровской... при расстоянии между фонарями не более 40 сажен»²⁵. С середины 90-х гг. городская дума передала концессию на строительство и эксплуатацию конно-железных дорог Бельгийскому анонимному обществу, также начались ремонтные работы на старой дороге²⁶. В думе было сделано предложение по переводу конки на электрическую тягу, в 1898 г. на берегу оз. Кабан была построена центральная станция электрических трамваев, а в 1899 г. в городе появился первый электрический трамвай²⁷.

С. В. Дьяченко привлек крупные пожертвования на нужды Казани. При нем было засыпано Черное озеро, организована медико-санитарная часть и проведен телефон. В 1890-гг. разбиты Николаевский, Андреевский и Фуксовский скверы, соору-

жена Кизическая дамба с мостом у Кремля²⁸. Он внес большой вклад в развитие народного образования, здравоохранения, общественного призрения и культуры. Были открыты художественная школа, училище для слепых, открыты городской музей (1895 г.), Дом трудолюбия (1896 г.)²⁹. Благодаря личным качествам С. В. Дьяченко, его такту и умению Казань получила полумиллионное пожертвование на приобретение пассажа от О. С. Александровой-Гейнс – дочери бывшего городского головы и купца С. Е. Александра, которое, по словам гласного думы Н. А. Осокина «должно считаться беспримерном в России»³⁰; «на ее же средства были приобретены и реставрированы дома для Забулачной больницы...» Позднее ею же было пожертвовано 10 тыс. рублей и на устройство мусульманской богадельни³¹. При С. В. Дьяченко И. Ф. Лихачев пожертвовал 30 тыс. руб. на приобретение оставшихся после его брата А. Ф. Лихачева «ученых и художественных коллекций», послуживших основой Казанского городского музея³².

Много сил и энергии С. В. Дьяченко вложил в организацию и проведение Казанской научно-промышленной выставки (1890 г.). Вот как оценили его работу гласные на заседании городской думы 23 ноября 1890 г.: «...одной из капитальнейших заслуг С. В. Дьяченко было устройство научно-промышленной выставки, значительная часть успеха которой обязана его замечательной энергии и неусыпному труду. Только благодаря такому отношению

к делу и просвещенному пониманию С. В. Дьяченко задач выставки, было осуществлено с успехом такое трудное и грандиозное предприятие, значение которого для будущего Казани слишком велико»³³.

Однако, как считают многие исследователи, самая главная заслуга Дьяченко на посту городской головы состояла в проведении железной дороги, соединившей Казань с общей сетью железнодорожных путей России. Надо отметить, что она значительно изменила облик города. На заседании думы от 21 декабря 1893 г. Дьяченко объявил об открытии движения по Казанско-Рязанской железной дороге и о достигнутом соглашении по строительству железнодорожной станции около торгового центра города, на месте улиц, называемых Мокрыми. Таким образом, была решена важная социально-экономическая задача – полностью преобразована самая неблагоустроенная часть города³⁴.

При С. В. Дьяченко было принято решение об увековечении памяти ученого-математика, бывшего ректора Императорского Казанского университета Н. И. Лобачевского³⁵. Вопрос об установке памятника обсуждался на заседании городской думы 25 мая 1893 г. 22 октября того же года Дьяченко призвал начать сбор средств на его установку. Городская дума поддержала предложение о памятнике, создала специальную комиссию из трех гласных думы и трех представителей физико-математического общества при Казанском университете³⁶. Улицы Почтамтская и Баратаевская были

объединены и названы его именем. У ее начала – от Воскресенской улицы и недавно построенного собора – был разбит сквер, в котором 1 сентября 1896 г. был открыт бюст-памятник в честь великого русского математика. Ныне это место является одной из достопримечательностей исторической части Казани.

К периоду русско-японской войны и первой российской буржуазной революции относится правление двух городских голов – Р. Ф. Николаи (1903–1905 гг.) и А. П. Попрядухина (1905–1908 гг.). При Р. Ф. Николаи сбылась мечта казанского купечества еще 1840–1850-х гг. об учреждении в Казани отдельного специального коммерческого училища³⁷. Николаи трижды избирался председателем его Попечительского совета. Важное значение для города имело и учреждение речного училища (1904 г.)³⁸. При А. П. Попрядухине поднимались вопросы медико-санитарного состояния города, о вредном влиянии на здоровье казанцев химических производств, а также вопросы о замене каменной мостовой асфальтовой и т. д.³⁹

Во время пребывания на должности городской головы С. А. Бекетова (1909–1912 гг.) был решен вопрос о сооружении железнодорожного моста через Волгу, а также были

начаты работы по прокладке на центральных улицах асфальтовых мостовых, о чем поднимали вопрос гласные городской думы еще при А. П. Попрядухине. При С. А. Бекетове на повестку дня был поставлен очень серьезный вопрос о введении всеобщего обучения в г. Казани⁴⁰.

Последним казанским городским головой был статский советник мещанского происхождения В. Д. Воронин (16.07.1913–08.11.1917). Тяжелые испытания достались на его долю с началом Первой мировой войны. Это проведение всеобщей мобилизации, создание военно-промышленного комитета и перевод промышленности города на выполнение военных заказов, проведение благотворительных мероприятий, в т. ч. по устройству лазаретов. Несмотря на тяжелую экономическую и политическую обстановку, городская дума во главе с В. Д. Ворониным решает серьезные, давно назревшие вопросы по благоустройству города – утверждает проекты канализации, второго водопровода и засыпки Булака. Однако претворить их в жизнь городской голова и общественное самоуправление не успели, в феврале 1917 г. началась буржуазная, а осенью произошла Октябрьская социалистическая революция.

Сведения об авторе: Миниханов Фидаиль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: fidail1956@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается роль казанских городских голов в общественной, экономической, социальной жизни города. На основе анализа литературы, архивных источников, автор исследует их вклад в благоустройство города, развитие экономики, науки, культуры, здравоохранения, народного образования, общественного презрения и т. д. Значительное место уделено показу правового статуса городского головы в Казанской губернии, его роли и места в местном самоуправлении. Заслужи-

вадет внимания вывод автора, что городские головы Казани, в зависимости от личных качеств, могли в значительной степени влиять на представительную власть, определяя основные направления развития социально-экономической и культурной жизни города.

Ключевые слова: Казань, городской голова, городская дума, гласные, благоустройство, благотворительность, культура, образование, здравоохранение, канализация, водопровод, освещение, телефон, училище.

Abstract: The article examines the role of Kazan mayors in the public, economic and social life of the city. Based on the analysis of literature, archival sources, the author examines their contribution to the improvement of the city, the development of the economy, science, culture, health care, public education, public contempt, etc. A significant place is given to showing the legal status of the mayor in the Kazan province, his role and place in local government. Noteworthy is the author's conclusion that the mayors of Kazan, depending on their personal qualities, could significantly influence the representative power, determining the main directions of the development of the socio-economic and cultural life of the city.

Key words: Kazan, mayor, city council, vowels, improvement, charity, culture, education, health care, sewerage, water supply, lighting, telephone, school.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Т. XVII. – СПб., 1830. С. 1102–1103.
- 2 Там же. Т. XXII. – СПб., 1830. С. 823.
- 3 Татарская Энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 3: К–Л. С. 33–34.
- 4 Агафонов Н. Казань и казанцы. Кн. 1. – Казань: типо-литогр. И. С. Перова, 1906. С. 6.
- 5 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 8; Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. Т. 1. – Казань: Изд. Дом «Яналиф», 2001. С. 20–21.
- 6 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 5–6.
- 7 Там же. Оп. 2. Д. 434. Л. 11–12 об.; Рафикова Г. Э. Благотворительная деятельность Городского общественного банка // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2000. № 3/4. С. 192–195.
- 8 Там же. Л. 8–8 об.
- 9 Там же. Л. 56.
- 10 Оп. 1. Д. 3566. Л. 9–9 об.
- 11 Там же. Д. 19. Л. 8–9.
- 12 Там же. Ф. 114. Оп. 1. Д. 999. Л. 4–4 об.
- 13 Там же. Ф. 98. Оп. 2. Д. 1663. Л. 13–14.
- 14 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 316–318.
- 15 Там же. С. 196.
- 16 Там же. С. 190–191.
- 17 Там же. С. 314–317.
- 18 Там же. С. 196–197.
- 19 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 8. Д. 10 а. Л. 651–651 об., 653 об., 655 об.
- 20 Там же. Л. 164–167, 177–180.
- 21 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 195.
- 22 Там же. С. 215–216.
- 23 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 6. Д. 810. Л. 212–215.
- 24 Татарская Энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 2: Г–И. С. 327.
- 25 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3148. Л. 33 об.–35.
- 26 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань:

«Гасыр», 2002. С. 251–252.

27 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3148. Л. 171.

28 Татарская Энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2006. Т. 2: Г–И. С. 327.

29 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3148. Л. 269–270; Рафикова Г.Э. «Призрение трудом» в деятельности благотворительных обществ Казани конца XIX – начала XX вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2006. № 2. С. 71–72.

30 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 242.

31 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3148. Л. 169–170.

32 Там же. Л. 171.

33 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 242.

34 Там же. С. 238–239, 244–246.

35 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 3. Д. 3148. Л. 171.

36 О программе торжества открытия памятника Н. И. Лобачевскому // Волжский вестник. 27 июля 1896 г.

37 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 4. Д. 1584. Л. 85.

38 Там же. Л. 193 об.–194.

39 Достойны памяти потомков (Городские головы Казани 1767–1917 гг.). – Казань: «Гасыр», 2002. С. 287–288.

40 ГА РТ. Ф. 98. Оп. 6. Д. 810. Л. 35–36, 44.

БАКУ – ЦЕНТР ПРОВЕДЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ВЫСТАВОК В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Вагабова Э. Р., доктор философии по истории

BAKU IS THE CENTER OF ART EXHIBITIONS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Vagabova E. R.

Период конца XIX – начала XX в. – это время стремительно-го развития всех сфер культуры. С превращением Баку в культурную столицу Южного Кавказа, хотя и не часто, открывались выставки картин известных российских и зарубежных художников. В конце XIX в. в Баку в Летнем помещении Общественного клуба состоялась выставка картин И. К. Айвазовского, сбор от которой был предназначен на благотворительные цели г. Баку¹. В этот период, в отличие от больших губернских городов Российской империи, где устраивались передвижные, периодические художественные выставки местных художников, Баку не был избалован выставками картин, поскольку здесь русские художники не рисковали организовывать выставки своих картин. Изредка отдельные лица устраивали в Баку выставки под фирмой «Кавказских художников». Однако особого интереса они не представляли, поскольку, как писала газета «Каспий», «в картинах отсутствовал замысел и следы мастерства»².

Но уже в начале XX в. заметным явлением в культурной жизни города Баку стали передвижные художественные выставки, какой стала в 1903 г. выставка французской живописи, хотя и была подвергнута критике за бессодержательность.

18 апреля 1905 г. в Баку Художественным отделом подвижного музея научных пособий была открыта выставка картин. В распоряжении Художественного отдела имелось 55 картин – подлинные рисунки и офорты И. И. Шишкина, М. В. Нестерова, Мониевского, С. М. Зейденберга, Н. П. Химона. Из скульптурных произведений была представлена голова Венеры. Выставка была размещена в подвальном помещении Городской Управы и была доступна всем желающим с 11 утра до 6 вечера, а с 24 апреля ее могли посетить и учащиеся школ. Выставку посетили 300 человек³.

Важным объектом социальной и культурной политики второй половины XIX – начала XX вв. было развитие художественного образования. Введение в начале XX в. предмета «рисования» в учебные

заведения Северного Азербайджана решало главную задачу – подготовку специалистов для художественной промышленности. Оно способствовало развитию у учащихся художественных вкусов и конкретных прикладных знаний и умений, так необходимых как для эстетического оформления промышленной продукции, так и воспитания эстетического чувства в человеке⁴.

Художественное образование сыграло большую роль, как в развитии культуры, так и в сохранении и умножении народных традиций в прикладном искусстве, в подготовке кадров. Лучшие преподаватели, мастера-руководители художественно-промышленных учебных заведений стремились воспитать учащихся в прогрессивном духе, привить им художественный вкус, поднять их культуру, пробудить и развить профессиональную гордость. В этом им помогали любители-меценаты, различные общества. Несмотря на несовершенство системы художественно-промышленного образования, оно стало необходимым звеном в системе профессионально-технического и общего образования в городах Северного Азербайджана.

22 сентября 1908 г. впервые в Баку состоялась передвижная выставка нового Союза петербургских художников, привлекая к себе серьезное внимание и интерес. По словам автора заметки, это первый случай посещения передвижными выставками кавказских городов. Идея передвижных выставок в первый раз была проведена в жизнь и осуществлена в Европейской России

известным художником И. Н. Крамским 30 лет назад, и с тех пор они получили широкое развитие не только в столицах, но и во многих губернских и даже уездных городах⁵. Главным препятствием посещению передвижными выставками Закавказья [Южный Кавказ. – Э.В.] служили дальность расстояния и сопряженные с этим расходы⁶.

Газета писала о желательности назначения организаторами выставки небольшой входной платы, чтобы дать возможность широким слоям населения посетить выставку. Это особенно необходимо сделать для учащейся молодежи, которая так нуждалась в культурных и морально-эстетических развлечениях.

На выставке, где «бакинцы впервые ознакомились с новыми приемами письма и оригинальностью трактовки сюжета», экспонировались работы 22-х авторов⁷. Среди них – картина художника Н. И. Верхотурова «Слушают» («Рассказ свидетеля о разгоне демонстрации», 1908), на которой изображена группа рабочих и женщин с детьми в каком-то мрачном помещении, «Накануне казни» на современные темы, «Старообрядцы», «Покаяние»⁸.

Были представлены картины художника И. Погорелова – «Эпоха тишайшего», «Колокола», этюды «Подруги», «Девки зимой», «Девки», «Зима в деревне», «Деревня на улице»; художника А. А. Бучкури – «Из церкви»; Г. Епифанова – картина «Базар» и «Сирень»; этюды Ю. И. Репина (сына известного художника) – пейзаж «В окрестностях Петербурга»; портреты Н. И. Феши-

на; картина художника Г. Кравченко – «Праздник в деревне»; пейзажи С. Ф. Колесникова «Осенью», «В деревне», «Зима»; картины художника А. К. Жаба – «Народные скачки на Кавказе», этюд «Ломовая лошадь», «С высоты Ай-Петри в Крыму». Рецензент газеты Ив. Самойлов обращал внимание читателей на «бедную обстановку, убожество рам, неудачное освещение некоторых картин»⁹.

В доме Э. Ф. Биеринг на Биржевой ул. была открыта маленькая частная выставка датского художника Олафа Виго Лангера. Было выставлено всего 20 полотен, из них – 14 пейзажей Скандинавии («Датская деревенская церковь», «Летний вечер в Свендбурге», «Полудневная тишина») и 6 картин, описывающих бакинскую жизнь, которые были написаны им наспех¹⁰. Отмечалось, что провинциальные художники поставлены в наиболее трудное и часто беспомощное положение. Не имея связей, они не могли участвовать в столичных выставках. Учитывая это, «Внепартийное общество художников» Петербурга весной 1912 г. открыло свою первую выставку. Задачей и целью выставки было – объединить художников провинции без различия их взглядов на искусство, дать возможность каждому высказаться на выставках, которые общество предполагало устроить в Баку, Тифлисе и других городах¹¹.

Значительным событием в художественной жизни Баку были организованные в 1911 г. первые две выставки работ местных художников – И. Самойлова, С. Олейникова, О. Погореловой, Б. Телингатер,

С. Куликова.

В здании Реального училища состоялось открытие весенней выставки картин, на которой было выставлено 140 больших и малых картин. Среди них работы художника Алейникова-Разина, на картинах которого изображен пейзаж, виды селения Балаханы; акварели Доммера; пастельные полотна О. П. Шильцовой; картины Марчевского – «Рыболовы», «Зима», «Деревня». Лучшие портреты Марчевского на выставке – «Дума» и «Старуха»¹². Большая коллекция портретов была представлена художником Куликовым; один этюд начинающего художника Крутько – «Берег на Анапе». Кроме картин местных художников, на выставке представлены были картины таких именитых художников, как Шишкин, Зейденберг, Чумаков и Зарубин. Публика активно посещала эту выставку¹³.

Выставка картин русских художников, анонс которой был отмечен в газете «Каспий», была устроена во второй женской гимназии в марте 1912 г.¹⁴ Центральное место на выставке заняли картины художников: В. М. Зуммера – «На водопое», «Привал», «На молитве», «Намаз», «Караван», «Кто кого?», написанные по мотивам кавказских и закаспийских степей и характеризующие его «как вдумчивого художника, от картин которого веет спокойствием и простотой»; талантливого, но еще не вполне сформировавшегося художника Алейникова-Разина, кисти которого принадлежат картины «Прибой», «На Цейлоне в муссон», «Ночь в Крыму», «Снег вы-

пал», «Дорога на Красную поляну», «Осень», «В лесу», «Пересохла»¹⁵. При этом автор заметки публицист Ал. Горин дал критическую оценку другим его картинам – «Солнце село», «Горное озеро», «Вышка», в которых «не чувствуется никакого авторского толкования сюжета»¹⁶. Были отмечены картины Марчевского – «Думы», «Зима». Очень хороши его картины «Натурщица» и «Рыболовы», понравившиеся посетителям выставки¹⁷.

Ал. Горин не ограничился анализом только интересных экспонатов выставки. Так, им была отмечена картина «Детская головка» О. Шильцовой, которой «удалось удивительно живо передать образ ребенка»; картина «Страж мира» Парчевского, этюды Комарова «Уголок сада» и «В поле»; этюды О. Погореловой «Амбалы», «Сарт»¹⁸. Из картин частной коллекции внимание привлекла великолепная картина неизвестного художника «Мечеть Айя София».

Но выставка не привлекла слишком много публики. Поэтому, подводя итоги весенней выставки, Ал. Горин обратил внимание на то, что «бакинцам эта выставка может дать немало эстетических впечатлений и могла бы превратиться в праздник кавказского искусства, если бы не инертность нашей публики»¹⁹.

В 1912 г. произошло два знаменательных события в художественной жизни города Баку – было организовано «Общество бакинских художников» и состоялась вторая выставка, после которой решено было учредить Бакинское художественное общество²⁰.

Учредителями Бакинского Художественного общества стали: художник И. И. Бродский, находившийся в это время в Баку, преподаватель Первой мужской гимназии С. В. Олейников, преподаватель Реального училища Н. Н. Мухин, преподаватель Технического училища Я. О. Кейлихис, преподаватель Первой мужской гимназии И. М. Рыбин. 17 апреля 1912 г. ими было подано прошение на имя Бакинского градоначальника о регистрации Бакинского Художественного общества и устава²¹.

Главная задача общества заключалась «в распространении и подъеме общего уровня художественного образования среди местного населения; в устройстве художественных и рисовальных вечеров, лекций и чтений, постоянных и подвижных музеев; в организации выставок картин и произведений прикладного искусства; открытии читален и библиотек для своих членов и их семейств; в издании специального печатного органа и выпуске бюллетеней о ходе занятий в Обществе, а также в открытии школ, студии, склада учебных пособий; в учреждении для детей и сирот членов Общества стипендий в разных учебных заведениях»²².

Согласно Уставу, все члены Бакинского художественного общества имели право выписывать разрешенные цензурой книги, газеты, журналы и учебные пособия, а также художественные принадлежности²³.

С целью устройства выставки картин французской школы весной 1913 г. в Баку прибыл из Парижа

французский художник, сотрудник ряда художественных журналов Жорж Жин²⁴. Выставка открылась в зале Общественного собрания города 17 марта с 5 до 10 вечера и продолжалась неделю, вход на выставку был бесплатный.

В помещении 2-й женской гимназии С. И. Вальд Бакинским Художественным обществом с 8 по 21 апреля устраивалась выставка картин, на которой, кроме местных художников – членов Художественного общества, принимали участие и иногородние. Из Тифлиса прибыли картины Р. К. Зоммера, из Киева – Марчевского, из Петербурга картины М. В. Дабружанского – крупной величины петербургского художественного мира²⁵.

9 мая 1913 г. в помещении Технического общества открылась выставка работ по черчению и рисованию работников технических курсов. На открытии присутствовали председатель технического общества К. И. Хатисов, попечитель курсов М. И. Лан, директор технического училища Д. В. Бряннов, председатель городской училищной комиссии И. Ионнесян и несколько членов общества. Газета отмечала, что все работы «отличаются аккуратностью и исполнены с вниманием. Среди них есть довольно сложные чертежи, например, схема электрической станции постоянного тока, электрические распределительные доски динамомашин «Шунт» с ответвленным возбуждением и «Компауд» со смешанным возбуждением и др.»²⁶.

Особый интерес представлял и отдел рисования, где представле-

ны были картины-виды, изображения голов, рисунки паркетов, цветов и др. Выставка, как отмечала газета, «оставила хорошее впечатление и представила для рабочих большой интерес»²⁷. На выставке были выставлены работы технических курсов: Баку, Балаханов, Бибиэйбата, а работы Белого города сгорели при пожаре на заводе Каспийско-Черноморского общества.

По инициативе Кавказского Учебного Округа в помещении Бакинского технического училища с 16 по 30 июня 1913 г. была организована выставка работ по рисованию, черчению и лепке из глины учащихся в технических и других промышленных заведениях округа. На выставку поступили экспонаты из низшего технического училища в Майкопе, от ремесленных училищ – Елисаветполя, Батума, Владикавказа, Ейска, Хони, Боржома, от низших ремесленных школ – Брюховецкой, Воронцово-Александровской, Грозненской, Екатеринодарской, Закавказской, Карской, Майкопской, Новороссийской, Потийской, Пятигорской и др.²⁸ Первое место заняло Бакинское техническое училище, как по количеству, так и по качеству экспонатов²⁹. Выставка графических искусств явилась культурным событием в жизни города Баку.

В конце 1913 г. в Баку открылись еще две выставки картин: одна – художника А. Ф. Лытнева, другая – художника В. Б. Пирадова, его учеников и учениц. Художником А. Ф. Лытневым в помещении Мариинской гимназии было выставлено 178 картин и этюдов Сибири

и Монголии. Как отмечала газета, «картины очень хороши и смотрятся с большим интересом. Особенно хороши виды Байкала и некоторых горных вершин Алтая»³⁰. Выставка художника А. Ф. Лытнева продлилась до 6 января 1914 г.

Картины бакинского художника В. Б. Пирадова были выставлены в помещении гимназии А. П. Тутовой и О. К. Хоментовской. Из картин выделялись этюды «Сарт», «Лунная ночь», «Старик» и др. Из ученических картин были интересны работы сына художника В. Б. Пирадова – ученика К. В. Пирадова, работы учениц Бегак, Локшиной, Идельсон и др., чей успех объяснялся использованием американского метода преподавания, когда ученики рисуют сразу с натуры, а отнюдь не с копий³¹.

В 1914 г. в Баку состоялась четвертая, в которой, наряду с бакинскими художниками, приняли участие московские художники А. В. Грищенко, Н. И. Кульбин, С. М. Луппов³².

В организации этих выставок значительная роль принадлежала Бакинскому художественному обществу, местным художникам-преподавателям рисования в общеобразовательных учебных заведениях, таким как М. Герасимов, Я. И. Кейлихис, А. Косичкин, Н. Н. Мухин, Е. Самородов и др.³³

В 1915 г. в Баку открывается первая Художественная студия, инициаторами которой были молодые художники М. Герасимов и Е. Самородов, скульптор Я. И. Кейлихис. В этой студии преподавали живо-

пись, рисунок, скульптуру. К сожалению, эта студия просуществовала всего два года.

В марте 1916 г. «Художественная студия» устроила выставку ученических работ. Газета «Баку» писала по этому поводу так: «Выставка эта представляла большой интерес, как показатель потребности у бакинцев в художественном образовании и как яркая иллюстрация тех методов и приемов, путем которых основатели Студии, примыкающие сами к новым направлениям в искусстве, сумели доказать его насущную необходимость»³⁴. По словам автора статьи А. Малхазова, «интерес публики к выставке превзошел ожидания – за два дня ее посетило более 400 человек, да и сам художественный успех несомненен»³⁵. Между тем, с сожалением отмечал он, на выставке были «выставлены работы только по классу живописи, учащиеся которого достигли больших успехов, а скульптуры не было совсем»³⁶. Особый интерес представляли работы детей в красках и углем, работы, свидетельствующие о важности развития художественных способностей ребенка. В этом и заключалась роль «Художественной студии» – как явления чрезвычайно необходимого и которое может быть только приветствуемо.

Молодыми энергичными основателями «Художественной студии» проводились интересные «субботы». Эти вечера имели зрелищный характер, и непременным условием для посетителей «суббот» было «непосредственное участие в программе вечера, где каждый, которому до-

роги интересы искусства, являлся желанным гостем»³⁷. Предыдущие «субботы» были посвящены театру, с докладом «Театр как искусство, причины кризиса театра, актер, драматург и зрители» выступил Никитин, а сами прения о театре вызвали наибольший интерес³⁸.

«Художественная студия» проводила и литературно-художественные вечера в пользу недостаточных учеников художественных классов «студии». Газета отмечала, что в условиях бакинской жизни «студия» представляла собой не совсем обычное и весьма интересное явление. Молодые художники, основавшие художественные классы и ведущие работу в них, «далеки в своем начинании от чисто коммерческих целей, они идут навстречу и поддерживают каждое дарование, даже если у ученика не было средств, чтобы оплатить свое занятие», каковых было немало³⁹. Это, конечно, не могло не отражаться отрицательно на материальной стороне дела и, тем не менее, газета выражала надежду, что «общество поддержит этот ценный культурно-художественный центр»⁴⁰.

В 1916 г. художником Н. Н. Мухиным и архитектором И. В. Эделем были организованы курсы рисунка и живописи, которые охотно посещала молодежь. Газета анонсировала выставку рисунков посещающих воскресные курсы рисования при Бакинском реальном училище, руководимые учителями рисования Н. Н. Мухиным и И. В. Эделем, которая должна была состояться 14–15 мая с 11 до 4 часов дня⁴¹.

Эти курсы, как и студия, сыграли исключительную роль в деле развития изобразительного искусства, в воспитании художественного вкуса. В популяризации произведений изобразительного искусства играла важную роль и покупка картин с устраиваемых выставок бакинскими богачами, например, Г. З. Тагиевым, и просто любителями-коллекционерами живописи – М. Г. Жислиным и В. Л. Моравским. Некоторые из них были впоследствии приобретены Азербайджанским Национальным Музеем искусств в г. Баку.

Газета «Баку» анонсировала открытие выставки картин разных художественных кружков Петрограда и Москвы. С 25 декабря 1916 по 8 января 1917 г. в здании коммерческого училища – передвижники, художники Петроградского общества, лауреаты Академии художеств, художники Московского салона и «современное искусство»⁴². До Баку подобные выставки были устроены по всей Европе, России, Сибири, Туркестану и в Японии.

Впервые в Баку на выставке были представлены картины 97 художников и свыше 250 картин. Среди них, например, первый вариант картины Сухаровского «Нана». Как писала газета, особенного внимания заслуживали картины художников – М. Алисова, Васильева, Васюнина, Егорнова, Капустина, Клевера, Крачкенича, Косякова, Лажечникова, Мещерского, Мастарова, Нефедова, Пашкова, Платонова, Савельева, Слонимского, Соколова, Федоровича и др.⁴³ Данная выставка устраивалась

с благотворительной целью: часть сбора от продажи картин должна была поступить в пользу семей воинов, убитых на войне, в виду чего расценки картин были весьма доступными.

Создание Бакинского Художественного общества, кружков, студий, открытие выставок российских и зарубежных художников разного направления в городе Баку имело

важное значение в художественной и культурной жизни населения. Организаторы выставок ставили перед собой образовательные и просветительские цели, а именно: содействие развитию вкуса и понятия об изобразительном искусстве. Публика не только знакомилась с творчеством художников, но и получала эстетическое удовольствие от картин на выставках.

Сведения об авторе: Вагабова Эсмירה Рагимовна, доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник, доцент Института истории им. А. А. Бакиханова Национальной Академии наук Азербайджана, e-mail: esmira.vahabova@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается становление г. Баку в конце XIX – начале XX вв. как центра проведения на Южном Кавказе выставок картин известных российских и зарубежных художников. Отмечена роль художественного образования путем введения предмета «рисование» в учебный процесс и его значение в деле сохранения народных традиций в прикладном искусстве. Основное внимание в статье уделено устройству передвижных выставок. Рассмотрена организация первых выставок работ местных художников и первые рецензии о проведении художественных выставок. Отдельное внимание уделено образованию Бакинского художественного общества. Главная задача общества – распространение и подъем общего уровня художественного образования среди местного населения, организация выставок картин и произведений прикладного искусства, проведение литературно-художественных вечеров и многих др. Автор приходит к выводу, что открытая первая в Баку художественная студия, а также организация курсов рисунка и живописи сыграли важную роль в воспитании художественного вкуса учащихся.

Ключевые слова: Баку, художественное образование, художники, выставки картин бакинских, российских и зарубежных художников, Бакинское художественное общество, художественная студия, курсы рисунка и живописи.

Abstract: The article examines the formation of the city of Baku at the end of the 19th – the beginning of the 20th century as a center for holding exhibitions of paintings by famous Russian and foreign artists in the South Caucasus. The role of art education by introducing the subject of «drawing» into the educational process and its value in preserving folk traditions in applied arts. The main attention in the article is paid to the arrangement of mobile exhibitions. The organization of the first exhibitions of works of local artists and the first re-census on holding art exhibitions were noted. Special attention is paid to the formation of the Baku Art Society. The main task of society is to spread and raise the general level of art education among the local population, organization of exhibitions of paintings and works of applied art, holding literary and artistic evenings and many others. The work of the first opened Art Studio in Baku, as well as the organization of drawing and painting courses, which played an important role in fostering the artistic taste of students, were highlighted.

Keywords: Baku, art education, artists, exhibitions of paintings by Baku, Russian and foreign artists, Baku Artistic Society, Art Studio, drawing and painting courses.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Выставка картин профессора Айвазовского // Каспий. 1899. 8 ноября. № 239. С. 3.
- 2 Каспий. 1912. 26 февраля. № 46. С. 3.
- 3 Выставка картин // Бакинские известия. 1905. 22 апреля (5 мая). № 74.
- 4 Вагабова Э.Р. О введении предмета «рисование» в учебные заведения Северного Азербайджана (II половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. Серия 15. Вып. 2. 2014. С. 164–177.
- 5 Передвижная выставка в Баку. 1908. 21 сентября. № 176. С. 3.
- 6 Там же.
- 7 Передвижная выставка нового Союза петербургских художников в Баку // Баку. 1908. 27 сентября. № 181. С. 3.
- 8 Там же.
- 9 Там же.
- 10 Местная жизнь. Выставка картин // Баку. 1911. 30 июня. № 144. С. 3.
- 11 К кавказским художникам. Письмо в редакцию // Баку. 1911. 30 июня. № 144. С. 3.
- 12 Вторая весенняя выставка картин // Кавказская копейка. 1912. 28 марта. № 85.
- 13 Там же.
- 14 Каспий. 1912. 31 марта. № 72.
- 15 Каспий. 1912. 15 апреля.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же.
- 20 Каспий. 1913. 18 апреля.
- 21 Государственный исторический архив Азербайджанской республики. Ф. 46. Оп. 2. Д. 155. Л. 1–1 об.
- 22 Там же. Л. 3–3 об.
- 23 Там же. Л. 3 об.
- 24 Выставка картин // Кавказская копейка. 1913. 15 марта. № 72. С. 3.
- 25 Бакинская жизнь. Выставка картин // Кавказская копейка. 1913. 4 апреля. № 92. С. 3.
- 26 Бакинская жизнь. Открытие выставки // Кавказская копейка. 1913. 11 мая. № 127. С. 3.
- 27 Там же.
- 28 Материалы по вопросам, касающимся преподавания рисования в средних и низших учебных заведениях Кавказского учебного округа. – Тифлис, 1911. Ч. I и II. С. 53.
- 29 Выставка графических искусств // Кавказская копейка. 1913. 19 июня. № 166. С. 3.
- 30 На выставках картин // Баку. 1913. Декабрь. С. 5.
- 31 Там же.
- 32 Каспий. 1914. 12 апреля.
- 33 Выставка картин художника Е. Д. Вучичевича // Баку. 1914. 25 февраля. № 45. С. 5.
- 34 На выставке в «Студии» // Баку. 1916. 15 марта. № 60. С. 6.
- 35 Там же.
- 36 Там же.
- 37 Субботы в «Студии» // Баку. 1916. 29 марта. № 71. С. 5.
- 38 Там же.
- 39 В «Студии» // Баку. 1916. 19 апреля. № 86. С. 5.
- 40 Там же.
- 41 Местная хроника. Выставка рисунков // Баку. 1916. 12 мая. № 105. С. 4.
- 42 Местная хроника. Выставка картин // Баку. 1916. 21 декабря. № 282. С. 4.
- 43 Там же.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЛАИШЕВСКИЙ УЕЗД

Миронова Е. В., кандидат исторических наук

THE FIRST WORLD WAR AND LAISHEVSKY COUNTY

Mironova E. V.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для всей страны. Мобилизация мужского населения, эвакуация из западных губерний простых жителей империи, но являвшихся подданными вражеских государств, появление огромного количества иностранных военнопленных, а также беженцев, беспризорных сирот, инвалидов и раненых – вот лишь некоторые из проблем, с которыми пришлось столкнуться в тылу. Соответственно стали возникать категории населения, несвойственные для мирного времени – беженцы, военнопленные, интернированные. Появились и новые социально незащищенные слои местных жителей, например, родственники мобилизованных на войну. На примере Лаишевского уезда можно изучить процессы их обустройства на местах.

Появление в уезде большого количества людей из разных уголков страны и даже других государств внесло коррективы в деятельность земства, на которое легла нагрузка по транспортировке, распределению и организации быта всех прибывающих. Появление чрезвычайных расходов заставило лаишевское земство

перекраивать бюджет, экономя на всем – на продовольствии заключенных, ремонте зданий училищ, учебных командировках медицинского персонала и т. д.

Однако все равно имевшиеся в распоряжении местного самоуправления капиталы не позволяли принять полномасштабное участие в тыловой поддержке правительства. По этой причине лаишевское собрание отказалось вступать во Всероссийский союз по оказанию помощи больным и раненым воинам, но в рамках уезда такой комитет для сбора пожертвований был создан. В него вошел весь состав управы, для ведения дел было нанято особое лицо с окладом 600 руб. Уездный комитет оказывал лишь дополнительную помощь больным и раненым воинам и семьям мобилизованных, основную финансовую нагрузку на себя взяло губернское земство. Оно же предоставило уездному комитету кредит.

Первые мобилизационные сборы прошли 18 и 25 июля и 20 сентября 1914 г. Крестьяне предоставляли подводы для доставки мобилизованных в сборный пункт в г. Лаишев за следующую плату – 4 коп. за версту.

Оплата задерживалась. А в случае роспуска подвод по домам ввиду изменения расписания вознаграждение за простой не выдавалось. Между тем от аккуратности предоставления подвод зависел успех, с которым проходила мобилизация. Поэтому управа все-таки настояла на выдаче денег за дни ожидания.

Отметим, что еще задолго до начала войны, в январе 1911 г., земства были освобождены от расходов по призрению семей нижних чинов. А законом от 25 июня 1912 г. эта обязанность возлагалась на специально создаваемые органы – волостные попечительства, оказывавшие помощь из средств государственного казначейства, а не земской кассы.

Только в первый год по уезду было призвано 6256 запасных нижних чинов и ратников ополчения. Нельзя сказать, что оставшиеся без кормильца семьи все без исключения получили помощь. На нее могли рассчитывать жена и дети нижних чинов, а также ближайшие родственники (отец, мать, дед, бабка, братья и сестры), доказавшие, что содержались трудом призванного. Им полагалось получение пропитания (мука, крупы, соль, постное масло – все по 1 фунту в месяц) и денежного пособия (2 руб. 48 коп. в месяц). В некоторых деревнях остались осиротевшие малолетние племянники, престарелые дяди, тетки и пр.

С самых первых шагов деятельности волостных попечительств подтвердилась настойчивая нужда в помощи многим оставшимся без работников семьям на обработку и уборку полей. На каждое попечи-

тельство для этого было отпущено 250–770 руб. – всего же по уезду 7325 руб. Причем выяснилось, что многие семьи воспользовались безвозмездной помощью еще до получения волостями средств. Ее оказали свои же однодеревенцы. Поддержка от волостных попечительств подошла только во второй половине августа, когда эти сельскохозяйственные работы уже подходили к концу. С учетом ошибок 1914 г. уездная управа решила весной следующего года размеры помощи увеличить, так как мужских рук не осталось, лошадей тоже, сократилось поголовье скота, пищевые и кормовые средства истощились.

Кстати, и сами земские служащие подлежали призыву на фронт. С началом войны были мобилизованы 3 участковых и 1 ветеринарный врач, а также 3 фельдшера. Для замещения вакансий приходилось набирать несвойственный мирному времени персонал – женщин, студентов и слушательниц медицинских курсов. Все мобилизованные работники изъявили желание вернуться на земскую службу, поэтому их семьи были обеспечены пособием в размере половины жалованья.

В ноябре 1914 г. председатель совета сельскохозяйственного общества в с. Рождествено Г. Кузьмин просил уездную управу о предоставлении кредита на приобретение инвентаря для прокатной станции, чтобы все нуждающиеся родственники фронтовиков могли беспрепятственно использовать это оборудование для очистки зерна и других хозяйственных нужд.

В первых числах августа стало известно о надвигающейся волне беженцев в Казанскую губернию – до 100 тысяч человек, из которых 8 000 направились в Лаишевский уезд. В связи с чем были срочно организованы приемные и питательные пункты. Организация эвакуации была возложена на уездную управу, а санитарный надзор и пищевое довольствие – на волостные попечительства. Регистрация и медосмотр беженцев были устроены в Лаишеве и Рыбной Слободе, этапные пункты для добиравшихся сухопутно находились в Нармонке, Шуране, Алексеевском, а для прибывающих по реке – бараки на лаишевской пристани. Медосмотр был возложен на земского врача, а при его отсутствии – на городского (то есть уездного). Местное население предоставляло подводы за 5 коп. с версты. Беженцам выдавалось квартирное, суточное и фуражное довольствие – по 12 коп. на человека и фуражных по 30 фунтов сена в день за каждую голову скота. За размещение в глубинке уезда – 1 руб. в месяц на человека, каждой семье ежемесячно по 2 руб. 70 коп. – на взрослых и по 1 руб. 35 коп. на детей до 5 лет, а также по 30 коп. на каждое лицо для обустройства на месте. В самом Лаишеве беженцев не размещали.

Местный купец П. Я. Максимов на свои средства арендовал для беженцев бани. А на лаишевской пристани под барак бесплатно предоставил свой амбар П. В. Щетинкин. Эвакуация беженцев в уезд началась 4 сентября, первая партия из 43 семей прибыла в деревню Нармонка

5-го числа, все 243 человека были расселены в Астраханской и Саратовской волостях.

Затем последовали более многочисленные партии беженцев. Всего в 15 волостях уезда были расселены – 707 семей (3287 человека). Кроме того, беженцы перевезли с собой домашний скarb и 215 голов скота.

Значительная часть беженцев последовала через Лаишевский уезд транзитом. Только в период с 10 сентября по 12 октября отсюда в Спасский уезд было эвакуировано 2278 человек, в Чистопольский – 3351. Также с ними доставили свыше полутора тысяч голов скота.

Заболевших беженцев задерживали в Лаишеве. В основном, это были дети, зараженные корью, scarлатиной и другими серьезными заболеваниями. Больные помещались в местной земской больнице до выздоровления, а семьи изолировались в особых домах, предоставленных городом. Таких больных за все время эвакуации было зарегистрировано до 20 человек в 15 семьях и 3 летальных исхода.

Размещение и последующее содержание беженцев требовало огромных финансовых затрат. Средства для этих целей уездная управа получала из Казанского губернского комитета Всероссийского земского союза. Всего с 5 сентября по 25 октября было израсходовано 3700 руб. на выдачу квартирнoгo, суточного и фуражного довольствия беженцам, проследовавшим в Чистопольский и Спасский уезды. На перевозку и содержание беженцев, расселенных внутри уезда, ушло свыше

14 тысяч руб. Прочие расходы, связанные с поставкой дополнительных подвод, оборудования переправ через реки, отправкой телефонограмм и пр. – составили более 600 руб. Приблизительная сумма расходов превысила 18 тысяч руб.

Все проследовавшие партии беженцев были эвакуированы из Холмской, Люблинской и Гродненской губерний. Многие находились в пути по 3–4 месяца. «Беженцы первых двух губерний наиболее разорены, изнурены и обтрепаны и представляли из себя довольно грустную картину»¹, более благополучно чувствовали себя гродненцы.

Поскольку беженцы получали только подъемные, то на новом месте жительства неизбежно вставал вопрос поиска работы с целью обеспечения себя и своих семей. Измученные физически и душевно пережитыми бедствиями, они не сразу могли сориентироваться в новых условиях и найти подходящую работу. Обосновавшись в сельской местности, особого выбора и не было, поэтому полевые работы стали основным источником заработка, независимо от квалификации и степени приспособленности к данному виду труда. А дети были бесплатно устроены в местные земские училища, а также церковно-приходские школы. Кроме того, во всех медицинских учреждениях уездного земства было гарантировано бесплатное лечение.

Отметим, что среди беженцев было много сирот и детей, потерявших родителей. Всероссийский земский союз взял на себя устройство таких детей, а также организовал

публикацию списков с указанием имени, фамилии, возраста и места нахождения ребенка. Так, по данным на 1916 г., в Лаишевском уезде насчитывалось 8 несовершеннолетних. Из них шестеро пребывали в уездных комитетах в с. Черемышево, с. Масловка и д. Ташкирмень. Еще двое поселились у родных, эвакуированных в с. Чирпы и с. Масловка – это 10-летняя Юлия Петюк и 14-летняя Саевская Улита.

С августа 1915 г. по поручению Синода стали учреждаться епархиальные комитеты по оказанию помощи беженцам. Они предоставляли бесплатное питание и приюты, а кого-то направляли к родным. Помощь распространялась на учителей церковно-приходских школ, священников и рядовых православных. Практически всех селили по деревням, и только небольшую часть беженцев оставили в Лаишеве, разместив в Троицкий женский монастырь. Осенью 1915 г. священник Байтеряковского приходского совета Павел Никольский писал: «Волна беженцев, наконец, дошла до моего прихода. 21 октября мне дали знать, что ведут в мой приход беженцев. Я взял с собой сельских старост и с ними пошел осматривать квартиры, которые предназначались для беженцев; просили хозяев теплые истопить избы, испечь хлеба им, из собранной, нами раньше, муки; исполнив все это, мы стали ждать гостей. Приехали беженцы, мы их поставили на теплые квартиры и стали раздавать им все необходимое... В настоящее время беженцы живут, Слава Богу, хорошо. Всем доволь-

ны. Народ им помогает оч. сильно. Жертвы, в приходской совет, текут. Больных среди них мало. Всего в моем приходе семей 23, а количество людей 128»².

Известны имена некоторых церковнослужителей, прибывших в Лаишевский уезд и поступивших на службу на месте эвакуации. Это – священники Гродненской епархии Иоанн Петровский и Федор Огиевич. Оба приехали с семьями и прислужгой. Для исполнения пастырских обязанностей Петровского командировали в с. Елань, а Огиевича – в с. Мурзиху³.

Судя по отчетам священника Байтеряковского приходского совета Лаишевского уезда, беженцы из всех сил старались прижиться на новом месте, но испытывали финансовые трудности: «Все беженцы выше всяких похвал, работают не покладая рук, за исключением 2–3 лентяев. Живут очень бедно. Про это все знают, но не все обращают внимание... К этому еще по распоряжению начальства убавили пайки тем, у которых много детей. Многосемейные беженцы взвыли. Местных средств мало и почти нет, пришлось искать источники, чтобы помочь им»⁴. Так, из комитета Гродненско-Софийского братства по оказанию помощи временной русским беженцам из Гродненской губернии поступили 179,74 руб. Пособие было разовым, но у людей, уже не надеявшихся наладить свою жизнь, вдали от родных мест, в разлуке с близкими, «радости не было конца»⁵.

Кроме того, в период войны в уезд стали направляться военнопленные.

Лагерь для их содержания был организован на территории г. Лаишев. Подобные места концентрации солдат находились также в Казани, Тетюшах, Спасске и других городах, но основная часть плененных была размещена близ Свияжска и в Чистополе, где их число превышало 5 тысяч человек⁶.

Больных военнопленных лаишевское земство размещало в своих больницах. Для них были отведены 15 коек, а 25 оставлены для местного гражданского населения. Лечение осуществлялось по таким же расценкам, как и российских военнослужащих – с платой по 1 руб. 39 коп. за сутки. Также предполагалось организовать отдельный временный госпиталь в Лаишеве. Кроме того, были открыты лазареты в имениях помещиков. Так, в имении Нератова в с. Тангачи разместилось 10 раненых. Всего же лазарет мог одновременно вместить до 20 солдат⁷.

Мобилизация привела к дефициту рабочих рук, поэтому труд пленных оказался востребованным. Уже к середине февраля 1915 г. в лаишевское земство поступили заявки от помещиков на использование в хозяйстве 111 человек. Наибольшее количество рабочих – 24 человека – затребовал князь А. А. Крапоткин для проведения весеннего посева в деревне Юнусово. Еще 20 пленных запросил А. А. Лебедев на осенние работы в Каипах. Остальные просили прислать от 4 до 15 человек.

Правила отпуска военнопленных на сельскохозяйственные работы были Высочайше утверждены 28 февраля 1915 г. Первоначально

уездное собрание хотело воздержаться от такого посредничества, так как гласные не видели возможности обеспечить охрану подневольных работников. Однако пришлось включиться в работу, так как губернское собрание поддержало основные пункты правил, а к концу 1915 г. уездные земства стали напрямую отправлять запросы на военнопленных в штаб Казанского военного округа, минуя губернскую управу⁸.

Если среди первых заявителей на военнопленных были крупные землевладельцы, то вскоре бедные семьи тоже обратили внимание на этот ресурс. Так, жители г. Лаишев, в хозяйствах которых в течение трех лет трудились пленные солдаты, утверждали, что они обходились дешевле местных рабочих⁹.

Широко известны случаи недобросовестного выполнения работ военнопленными. Низкая оплата труда и нежелание работать на противника приводили к снижению эффективности труда военнопленных и даже к намеренному саботажу с их стороны. Например, в начале 1916 г. управляющий в имении Демерт сообщал о том, что австрийские военнопленные портили рабочий инвентарь, грубо обращались с животными, при этом игнорируя его угрозы о суде¹⁰.

А в 1917 г. крестьяне насильно сгоняли пленных с помещичьих полей. Так, 4 мая губернскому комиссару поступило заявление землевладельца Л. А. Казанкина о том, что крестьяне, арендовавшие у него 38 десятин при деревне Чемодуровой, не только отказались вносить пла-

ту по прежнему договору, но и разогнали с полей пленных рабочих, запретив им пахать землю. 10 мая дворянка Н. В. Нератова сообщала, как демобилизованные солдаты в сопровождении двух крестьян сняли в ее имении администрацию, всю прислугу и заявили пленным, что отныне она обязана кормить их, но они не должны работать на нее. Землевладелец П. С. Алексеев, пытаясь оспорить решение Пановского волостного комитета о передаче пашни в аренду, дошел до оскорблений, доказывая, что часть земли уже сдана, за что был заключен под стражу, а пленных не подпустили к работам¹¹. Новые органы исполнительной власти в лице волостных и сельских исполнительных комитетов даже вводили налог на пленных. Например, Урахчинский волостной комитет установил ежемесячную плату в размере 5 руб., начиная с 1 мая 1917 г.

Особо нужно выделить группу гражданских пленных, или интернированных. Они проживали на территории Российской империи, но являлись подданными стран, против которых велись военные действия. Из прифронтовых губерний их выселяли во внутренние районы страны. Нередко интернированию подлежали только некоторые члены семьи, если остальные имели российское гражданство. Такое разделение поломало судьбы многих людей, вынужденных покинуть дом и переселиться в чужой город или даже деревню. Кроме разлуки с близкими, было множество других трудностей, с которыми им пришлось столкнуться. Статус ин-

тернированного означал, что человек не просто подлежал эвакуации, а отныне становился гражданским пленным и должен был жить по правилам ссылки. Назовем лишь некоторые из них – запрещалось покидать место жительства, даже кратковременные поездки до 7 дней требовали разрешение начальника полиции, регламентировалось даже время выхода на улицу – не позднее 7 часов вечера зимой и не после 8 – летом. Масса ограничений, введенных для иностранцев, вызывала обиду на власть. «Совсем не заслужил на такое выселение, – писал 55-летний германский подданный Иосиф Гамбич о своем водворении в Лаишеве, – я человек благородный, мирный житель, мастерской каменщик, в шпионстве не замечен»¹².

Но были в числе ссыльных и политически неблагонадежные лица. Так, в Лаишеве был поселен 26-летний поляк А. С. Пиотровский. Живя в Варшаве и не имея определенных занятий, он вел на окраине города картежную игру, вовлекая в нее проходящих в одиночку военных, что не могло не послужить поводом для подозрения¹³.

Первая Мировая война стала трудным испытанием для всего населения Лаишевского уезда, как местного, так и пришлого. Органам са-

моуправления пришлось изыскивать места для приезжих, организовывать им медицинскую, продовольственную и денежную помощь, устраивать их детей в школы. В первую очередь заботились о российских подданных, но об иностранцах тоже не забывали. В больницах военнопленным отводили количество мест, сопоставимое с таковым для уездных жителей. Поскольку все меры помощи требовали огромных вложений, финансовую помощь оказывало губернское и общероссийское земство и правительство. Помогали и сами лаишевцы. Небогатые крестьяне могли вскладчину оказывать поддержку попавшим в трудную ситуацию односельчанам, а зажиточные купцы предоставляли помещения для беженцев. Была и некоторая выгода от этой трудной ситуации – военнопленных можно было эксплуатировать по низкой цене, чем пользовались как помещики, так и крестьяне. Для всех новых категорий населения это было очень непростое время, но постепенно они обустроивались, налаживали контакты, организовывали быт. Слаженные действия органов управления и обычных жителей позволили этим незащищенным слоям почувствовать некоторое улучшение своего состояния.

Сведения об авторе: Миронова Елена Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, отдел историко-культурного наследия народов РТ, e-mail: Yelena.Mironova@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматриваются изменения в Лаишевском уезде, связанные с началом Первой Мировой войны, в частности с прибытием беженцев, военнопленных и интернированных. Также показаны меры помощи семьям ушедших на фронт. Изучены организационные мероприятия земства и правительства, помощь со стороны местного населения. Сделан вывод, что данные меры принесли пользу для перечисленных категорий людей.

Ключевые слова: Казанская губерния, Лаишевский уезд, Первая Мировая война, беженцы, военнопленные, интернированные, земство.

Abstract: The article discusses the changes in Laishevsky county associated with the outbreak of the First World War, in particular with the arrival of refugees, prisoners of war and internees. Also shown are measures to help families who have gone to the front. Organizational measures of the zemstvo and government, and assistance from the local population were studied. It is concluded that these measures have benefited the listed categories of people.

Key words: Kazan province, Laishevsky county, World War I, refugees, prisoners of war, internees, zemstvo.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Постановление Лаишевского Уездного Земского Собрания – экстренных – 25-го февраля и 11-го августа и 50-й очередной сессии – с 6-го по 9-е ноября 1914 г. – Казань: лито-тип. И. Н. Харитоновна, 1915. С. 54.
- 2 Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1134. Оп. 1. Д. 1. Л. 66.
- 3 Там же. Л. 117 об.
- 4 Там же. Л. 226.
- 5 Там же.
- 6 Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 272.
- 7 Тангачи Лаишевского уезда. Лазарет в деревне // Камско-Волжская речь. 1912. № 225.
- 8 Фортун А. А. Саратовское земство и военнопленные в годы Первой мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 377.
- 9 Человек в революции: Казанская губерния. Т. 2. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. С. 289.
- 10 Там же. С. 282.
- 11 Крестьянское движение в Казанской губернии накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Т. 1: сб. док. – Казань: Татгосиздат, 1950. С. 191.
- 12 ГА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 29.
- 13 Там же. Д. 88. Л. 2.

**ИЗ ИСТОРИИ ОРГАНИЗАЦИИ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА
В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ (ТАТАРСКОЙ АССР)
В 1918–1920-Е ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ЧИСТОПОЛЬСКОГО КАНТОНА)**

Садыкова Р. Б., кандидат исторических наук

**FROM THE HISTORY OF THE ORGANIZATION
OF LIBRARIANSHIP IN THE KAZAN PROVINCE (TATAR
ASSR) IN THE 1918S AND 1920S (ON THE EXAMPLE
OF THE CHISTOPOL CANTON)**

Sadykova R. B.

В настоящее время в МБУ «Межпоселенческая центральная библиотека» Нурлатского муниципального района входят 43 библиотеки: 1 центральная, 1 детская, 4 городских и 37 сельских филиалов. На сайте центральной библиотеки имеется информация об истории сельских филиалов, в частности, о времени образования изб-читален. Это, как правило, 1920-е-1930-е гг. Вместе с тем, архивные документы показывают, что создание многих сельских библиотек и изб-читален происходило еще раньше – в 1919–1920 гг. В связи с тем, что в рассматриваемый период территория современного Нурлатского района в большей своей части находилась в Чистопольском уезде (кантоне), нами были изучены документы Чистопольского кантонного отдела народного образования, которые позволяют проследить, как происходил процесс становления библиотечной сети в первые годы

советской власти и в 1920-е гг., какие были трудности, какие кадры возглавляли этот очень не простой участок культурно-просветительной работы на селе.

В ноябре 1917 г. в составе Советского правительства был образован народный комиссариат просвещения, на который возлагалось общее руководство народным образованием и обеспечение всесторонней государственной помощи развитию учебных и просветительных учреждений. В составе Наркомпроса правительственным декретом от 9 (22) ноября 1917 г. был создан внешкольный отдел, который стал выполнять функции основного государственного учреждения, руководившего строительством советской системы библиотечного обслуживания населения.

В октябре 1918 г. во внешкольном отделе был образован библиотечный подотдел. Он разрабатывал проекты

строительства библиотечной сети, устанавливал основные типы и виды библиотек, нормы их финансирования, организовывал библиотечные курсы, оказывал библиотекам инструкторно-методическую помощь. Решения об организации библиотек принимались на собраниях крестьян и сельских сходах. Важным опорным пунктом развертывания культурно-просветительной работы на селе стала изба-читальня. Заведующими изб-читален назначались, как правило, партийные и советские работники, активные агитаторы и пропагандисты.

Основными нормативно-правовыми документами, регулирующими вопросы организации библиотечного дела в РСФСР в рассматриваемый период, стали декреты Совета Народных Комиссаров «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» (1918 г.) и «О централизации библиотечного дела в РСФСР» (1920 г.)¹.

В Казанской губернии революционные преобразования в области библиотечного дела были начаты с создания органов управления и руководства культурным строительством. Так, в феврале 1918 г. были организованы Губернский отдел народного образования и культурно-просветительный отдел при Казанском Совете депутатов.

Вопросы предоставления книжных богатств в общественное пользование, превращения библиотек в подлинные очаги просветительной и воспитательной работы были в центре внимания ежемесячных совещаний по вопросам образования и культуры и вновь созданных

органов управления культурным строительством. Важнейшим мероприятием в области библиотечного дела явилось создание в ГубОНО подотдела по внешкольному образованию и библиотечно-библиографической секции при нем (27 ноября 1918 г.). 11 декабря 1918 г. Казанский губернский исполнительный комитет утвердил положение о внешкольном образовании и его секциях. В положении о библиотечной секции были четко определены основные задачи и направления библиотечной работы. В нем было указано, что «в области библиотечного дела основная задача – дать возможность всему населению при помощи книг получить точные и правильные ответы на все запросы жизни, строящейся на социалистических основах, и помочь в этом строительстве».

Большую роль в перестройке библиотечного дела в Казанской губернии сыграли решения I Всероссийского съезда по внешкольному образованию (май 1919 г.). Разработанный и принятый на этом съезде план государственной библиотечной сети, состоящий из губернских, уездных, районных и местных (в сельских населенных пунктах и на небольших предприятиях) библиотек, а также передвижек, т. е. построенный по территориальному и производственному принципу, послужил предметом обсуждения первого губернского съезда инструкторов по внешкольному образованию (20–27 июля 1919 г.) и библиотечных работников (октябрь 1919 г.), а также уездных библиотечных совещаний, проходивших во второй половине 1919 г.²

Несмотря на сложную политическую и социально-экономическую обстановку в стране, в октябре 1919 г. состоялся Казанский губернский библиотечный съезд. Материалы съезда, хранящиеся в фонде Чистопольского кантонного отдела народного образования, позволяют представить атмосферу съезда, а также понять, какие задачи возлагались на работников библиотек. Программа съезда включала широкий круг вопросов:

1. Цели и задачи библиотечной работы.
2. Требования, предъявляемые к библиотечным работникам.
3. Требования, предъявляемые при комплектовании библиотек.
4. План организации губернской библиотечной сети.
5. Управление библиотеками.
6. Способы снабжения библиотек книгами и инвентарем.
7. Организация учреждений по подготовке библиотекарей.
8. Методы библиотечной работы.
9. Беседы о библиотечной технике.
10. Отчетность и статистика.

Открывая работу съезда, его председатель тов. Пономарев поприветствовал участников, отметив, что созыв съезда состоялся «при довольно тяжелых условиях транспорта и вообще переживаемого момента». После пения Интернационала было предложено послать приветствие т. Луначарскому и т. Лениной-Крупской с приложением программы работы съезда. Представитель от Совета профсоюзов тов. Вигалок в своей речи призвал библиотекаря

к большей активности, к большей сплоченности, чем было раньше, когда библиотекарь был лишь чиновником, канцеляристом. Теперь он должен участвовать в строительстве новой жизни. Библиотекарь должен заявить: «Мы все поддержим Советскую власть, поддержим ее идеологию».

Ориентир на политизацию библиотек прозвучал и в докладе тов. Пономарева: «Библиотека должна быть центром просвещения. Она должна быть факелом просвещения. Новая библиотека не должна быть аполитична, особенно сельская. Библиотека должна обсуждать все вопросы современного характера, должна разъяснять, на чьей стороне истина, указать пути, по которым нужно идти к строительству новой жизни. Поэтому библиотекаря необходимо политическая образованность, способность ориентироваться в окружающей обстановке, проникаться принципом нового общественного строя, изучать психологию читателя»³.

Основные задачи библиотечного дела, по мнению организаторов съезда, заключались в следующем: 1) комплектование библиотек, 2) общедоступность сети, 3) объединение всех библиотек.

Была предложена схема организации библиотечной сети Казанской губернии, которая включала библиотеки 5 категорий:

- 1) Центральная губернская библиотека. Она сосредотачивает в себе все единственные экземпляры книг и все книги, представляющие особую научную или историческую

ценность, ведет регистрацию книжных запасов остальных библиотек губернии и руководит передвижением книг.

2) Центральная уездная библиотека. Является главной в уезде, сосредотачивает наиболее ценные книги и книги, по своему изложению и содержанию не пользующиеся большим спросом среди сельского населения и хранение которых, в силу этого, в районных и других библиотеках являлось бы нецелесообразным. Также ведет регистрацию книжных запасов всех библиотек уезда и руководит передвижением книг.

3) Районные библиотеки-читальни с библиотекарем-специалистом во главе. Наиболее богато по сравнению с остальными сельскими библиотеками обеспеченные книгами, являются резервом для пополнения книгами библиотек района, выделяют из своего состава подвижные комплекты книг в наиболее удаленные пункты района.

4) Сельские библиотеки-читальни с библиотекарем-специалистом во главе. Несколько меньше по своим книжным запасам, чем районные, обслуживают лишь ближайшее население и являются конечными пунктами передвижения книг. Также выделяют подвижные комплекты книг в ближайшие избы-читальни.

5) Избы-читальни – мельчайшие единицы библиотечной сети, располагают наибольшим переменным составом книг, снабжаются периодической литературой, не имеют особого библиотекаря, заменяемого сторожем-хранителем книг. Могут находиться и в жилом помещении

владельца дома при отсутствии отдельного подходящего помещения, и по своей структуре являются местными сельскими клубами. Контроль и руководство деятельностью изб-читален принадлежит местному учителю, культурно-просветительскому кружку, сельсовету или другой какой-либо пролетарской организации. Общее руководство их деятельности – заведующему ближайшей сельской библиотекой.

На съезде также прозвучало, что число районных библиотек-читален определяется одною на волость, а число сельских – трехверстным радиусом обслуживания населения. В последующие годы сеть сельских библиотек-читален должна была доведена до полутороверстного радиуса обслуживания, а число изб-читален соответствовать количеству селений уезда⁴. До конца 1920 г. предполагалось создать всю необходимую сеть, т.е. открыть библиотеки там, где их еще не было.

В декабре 1919 г. уездная библиотечная секция Чистопольского внешкольного подотдела запросила у заведующих читальнями информацию, в которой следовало указать: название волости, села, имя и фамилию библиотекаря, образование, оклад жалованья в месяц, имя и фамилию, оклад сторожа, сколько книг в библиотеке, на каких условиях нанято помещение, откуда и сколько получают книг, газет и журналов. Было отмечено, что «до предоставления точных сведений библиотекам и читальням не будет выдаваться ни керосина, ни книг, ни газет, ни жалования служащим»⁵.

К сожалению, самих анкет или каких-либо присланных сведений в документах фонда нами не было обнаружено. Тем не менее, сохранились документы, показывающие процесс организации сельских библиотек. Например, заявление заведующего избой-читальней П. Кириллова: «Довожу до сведения внешкольной секции Чистопольского уездного отдела по народному образованию, что в д. Салдакаево Егоркинской волости открыта 29 декабря 1919 г. изба-читальня и библиотека». На заявлении имеется резолюция: «Открыть избучитальню, назначив П. Кириллова с окладом 800 р. в месяц»⁶.

Аналогичное заявление поступило в отдел народного образования г. Чистополя от учителя Больше-Аксумлинской школы 1 ступени Аникина Вениамина Васильевича:

«Довожу до сведения отдела по народному образованию, что у нас в д. Большой Аксумле открыта библиотека-читальня с 1 октября 1919 г. Количество книг около пятисот по всем отраслям знания и науки. Прошу означенную библиотеку зарегистрировать. Предлагаю свои услуги к заведыванию библиотекой». На заявлении также имеется резолюция: «Открыть библиотеку и назначить библиотекарем Аникина с окладом 870 р. в месяц»⁷. Таким образом, очевидно, что инициатива по организации изб-читален нередко исходила от самих жителей сел и деревень.

Сохранившиеся отчеты позволили составить таблицу с указанием времени открытия библиотек (изб-читален) Чистопольского уезда (кантона) и именами первых избачей⁸.

Таб. 1. Перечень библиотек (изб-читален) Чистопольского уезда (кантона), открытых в 1919–1921 гг.

<i>Название поселения</i>	<i>Дата создания</i>	<i>Библиотекарь (избач)</i>
<i>Абрыскино</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Матросов Иван</i>
<i>Б.Аксумла</i>	<i>1.10.1919 г.</i>	<i>Аникин</i>
<i>Андреевка</i>	<i>1919 г.</i>	
<i>Богдашкино</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Волостнова М.А.</i>
<i>Бурметьево</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Мустафин В.</i>
<i>Егоркино</i>	<i>1919 г.</i>	<i>Разумовский Ювеналий Николаевич</i>
<i>Караульная Гора</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Мельгунова Татьяна</i>
<i>Кичкальня</i>	<i>1921 г.</i>	
<i>Кривое Озеро</i>	<i>15.03.1919 г.</i>	<i>Гильмутдинов Халим</i>
<i>Нижние Челны</i>	<i>25.11.1919 г.</i>	<i>Васильев П.С.</i>
<i>Салдакаево</i>	<i>29.12.1919 г.</i>	<i>Кириллов П.</i>
<i>Старо-Альметьево</i>	<i>1919 г.</i>	
<i>Старая Амзя</i>	<i>1921 г.</i>	
<i>Старые Челны</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Чугунова М.М.</i>
<i>Средние Челны</i>	<i>1919 г.</i>	
<i>Селенгуши</i>	<i>1921 г.</i>	
<i>Степное Озеро</i>	<i>1920 г.</i>	<i>Шагимаратов З.Д.</i>
<i>Черепатырево</i>	<i>1920 г.</i>	

Развитие библиотечного дела в стране в целом и в ее регионах зависело от наличия подготовленных кадров. Поэтому проблема подготовки и переподготовки библиотечных кадров была одной из актуальных и острых проблем библиотечного строительства рассматриваемого периода. По программам, утвержденным на I съезде библиотечных работников Татарии, были организованы двух- и трехмесячные курсы переподготовки библиотечных работников и избачей из кантонов республики.

Подготовка кадров библиотекарей и избачей происходила не только на республиканском уровне. В частности, Чистопольская уездная библиотечная секция кантонного отдела народного образования регулярно устраивала библиотечные курсы. Их продолжительность была различной – от двухнедельных до двухмесячных. Соответственно, содержание курсов различалось.

Так, уже в ноябре 1919 г. уездная библиотечная секция постановила организовать двухнедельные курсы с приглашением лекторов из Казани и Чистополя. Для курсантов устанавливался образовательный ценз: для сельских библиотек – не ниже 2-х классов училища, для районных – не ниже среднего. После курсов планировалось организовать коллоквиум, а курсантам выдать удостоверения о прослушивании курсов⁹.

Курсы были проведены в период с 24 января по 13 февраля 1920 г. Судя по программе, здесь были прочитаны следующие лекции: «Народ-

ная библиотека-читальня и ее посетители», «Комплектование библиотек и покупка книг», «Составление списка книг для чтения по религии (природоведению, искусству, литературе и т. д.)», «Библиотечная техника», «Классификация книг», «Десятичная американская система», «Шифр книги. Штемпеля. Переплеты. Ярлыки», «Значение каталога для библиотеки. Правила описания», «Выдача книг на дом». Программа также включала практические занятия¹⁰.

Более широкая программа предусматривалась в рамках двухмесячных курсов. Так, программа двухмесячных библиотечных курсов, составленная заведующим Казанской губернской библиотечной секцией Н. Головиным в июне 1920 г., включала широкий круг вопросов как общеобразовательного, так и профессионального характера:

1. Конституция РСФСР. Коммунизм. Политика Советской власти в культурной работе – 26 ч.

2. Дошкольное воспитание за границей и в России – 25 ч.

3. Школьное дело за границей и в России – 10 ч.

4. Внешкольное образование за границей и в России, его значение, организация и техника – 30 ч.

5. Библиотечное дело (теория и практика) – 106 ч.

6. Понятие о социальных науках (статистика, политэкономия, право, управление, торговля, нравы и фольклор) – 20 ч.

7. Происхождение и история языка – 6 ч.

8. Грамматика и синтаксис русского языка – 30 ч.

9. Понятие о естественных науках (математика, астрономия, физика, химия, геология, палеонтология, биология, ботаника, зоология) – 20 ч.

10. Понятие о прикладных знаниях-науках (медицина, механика, сельское хозяйство, домоводство, конторское дело, ремесла, строительное дело и др.) – 10 ч.

11. Понятие об искусстве – 10 ч.

12. Философия литературы – 10 ч.

13. История русской литературы и библиографические указания – 10 ч.

14. История разных народов в разное время – 10 ч.

15. География: общая, Европы и России – 10 ч.

16. Философские науки – 10 ч.

17. Происхождение, история и понятие о религиях – 6 ч.

18. Методы исследования родного края – 10 ч.

19. Выразительное чтение и часы рассказывания – 20 ч.

20. Устройство музеев – 6 ч.

21. Устройство показательных выставок, спектаклей и библиотечных праздников – 15 ч.

Смета курсов составляла 240920 руб. Предполагался приезд 44 библиотекарей¹¹.

Объявление, разосланное по уездам и подписанное председателем Совета Чистопольского института по народному образованию Ф. Советкиным и заведующим Казанской губернской библиотечной секции Н. Головиным, сообщало: «В целях увеличения кадров специалистов по библиотечному делу Чистопольский институт по народному образованию устраивает с 15 сентября

1920 г. двухмесячные библиотечные курсы. На курсы принимаются внешкольные и школьные работники; лица, получившие среднее образование. Лица, окончившие бывшие двухклассные училища, начальную школу, принимаются после предварительного colloquiuma. За время продолжения курсов слушатели пользуются городским пайком или обедами из столовой, стипендией в размере 1080 рублей»¹².

Список курсантов библиотечных курсов включал 48 человек, в числе которых были районный библиотекарь Чугунова М. М. (Старые Челны), помощники районных библиотекарей Мясникова Е. П. (Чулпаново), Тихонова Р. С. (Альметьево), Тихонов С. И. (Чулпаново), Исаков Г. Ф. (Егоркино), помощник библиотекаря Волостнова М. А. (Богдашкино), волостной инструктор Разумовский Ю. (Егоркино)¹³.

Курсантам по окончании курсов были выданы удостоверения, которые давали им право на трудоустройство по специальности. Так, например, Татьяна Белькович (19 лет) была командирована в распоряжение Политпросвета Лаишевского уездного отдела народного образования для библиотечной работы. В удостоверении, выданном Татьяне Горячевой (19 лет), было сказано, что она прослушала 3-х недельный цикл библиотековедения и командировается в распоряжение внешкольного подотдела Бугульминского уездного отдела народного образования в качестве уездного инструктора-библиотекаря, в связи с чем всем органам советской

власти предлагалось оказывать ей всяческое содействие¹⁴.

О том, как работали библиотеки и избы-читальни в начале 1920-х гг., рассказывают сохранившиеся документы. Отчет о работе за март 1920 г., поступивший из Егоркинской волости Чистопольского кантона, отражает самую суть начального этапа организации библиотечной сети: «В Егоркинской волости находится одна районная библиотека, 2 передвижных и 12 изб-читален. Избы-читальни посещаются два раза в неделю гражданами селений, для которых читается литература, когда заведующим читальни, а когда учителями школы вслух для неграмотных, для грамотных же литература выдается на дом. Попутно с чтением вслух ведется и разъяснение прочитанного. Литература в избах-читальнях очень скудная, а в некоторых

совсем нет, кроме газет»¹⁵.

В отличие от изб-читален, положение районных библиотек было несколько лучше. Так, в 1921 г. инструктором библиотек Чистопольского кантпросвета была проведена ревизия районной библиотеки в с. Егоркино, которая показала, что библиотека открыта в 1919 г. в национализированном доме Г. Малова, занимает комнату размером 8×9 аршин, в течение последнего года в ней работали два библиотекаря – Терентьев Федор и Волков Петр, образовательный уровень которых составляли школы 2-й и 1-й ступени соответственно. По состоянию на 1921 г. в библиотеке насчитывалось 2642 экземпляра книг. В числе недостатков было отмечено отсутствие каталогов и технического оснащения библиотеки¹⁶.

Таб. 2. Список работников библиотечной секции Егоркинской волости Чистопольского кантона за 1921 г.

<i>ф. и. о.</i>	<i>место службы</i>	<i>должность</i>	<i>с какого времени работает</i>
<i>1. Разумовский Ювеналий</i>	<i>Егоркино</i>	<i>зав. районной библиотекой</i>	<i>С 16.03.1920 г.</i>
<i>2. Гильмутдинов Халим</i>	<i>Кривое Озеро</i>	<i>сельский библиотекарь</i>	<i>С 1.09.1919 г.</i>
<i>3. Гиляутдинов Мирсаитзян</i>	<i>Салдакаево</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 20.03.1920 г.</i>
<i>4. Шагиратов Зинатулла</i>	<i>Степное Озеро</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 10.10.1920 г.</i>
<i>5. Мясников Николай</i>	<i>Аксумла</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 15.11.1920 г.</i>
<i>6. Григорьева Александра</i>	<i>Якушкино</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 20.11.1920 г.</i>
<i>7. Матросов Иван</i>	<i>Абрыскино</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 12.12.1920 г.</i>
<i>8. Владимиров Андрей</i>	<i>Ерепкино</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>9. Сибулатов Алексей</i>	<i>Чувашская Менча</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>10. Щербаков Михаил</i>	<i>Ср. Камышла</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>11. Маськин Николай</i>	<i>Малая Камышла</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>12. Лашманов Семен</i>	<i>Абляскино</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>13. Мельгунова Татьяна</i>	<i>Караульная Гора</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 17.01.1920 г.</i>
<i>14. Севастьянов Осип</i>	<i>Вишневая Поляна</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>01.01.1921 г.</i>
<i>15. Моисеев Иван Андреевич</i>	<i>Русская Менча</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 15.01.1921 г.</i>
<i>16. Целерицкий Николай</i>	<i>Тюрнясево</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 01.01.1920 г.</i>
<i>17. Шугаев Алексей</i>	<i>Березовка</i>	<i>зав. избой-читальней</i>	<i>С 20.08.1920 г.</i>

Таб. 3. Список работников библиотечной секции Старо-Альметьевской волости Чистопольского кантона за 1921 г.

<i>ф. и. о.</i>	<i>место службы</i>	<i>должность</i>	<i>с какого времени работает</i>
1. Григорьев Михаил Григорьевич	Старое Альметьево	зав. районной библиотекой	С 29.10.1919 г.
2. Тихонова Раиса Степановна	Старое Альметьево	помощница районного библиотекаря	С 8.10.1920 г.
3. Радзаевская Елизавета Васильевна	Селенгуши	зав. сельской библиотекой	С 26.11.1920 г.
4. Исхаков Галимзян	Кульбаево-Мараса	зав. мусульман. сельской библиотекой	С 1918 г.
5. Фаддеев	Сельцо Кульбаево-Мараса	зав. избой-читальней	С 1.02.1921 г.
6. Степанов Григорий Степанович	Старая Амзя	зав. избой-читальней	С 1.12.1920 г.
7. Новиков Илья Андреевич	Черепатырево	зав. избой-читальней	С 1.11.1920 г.
8. Седов Михаил Анисимович	Верхний Тимерлек	зав. избой-читальней	С 1.11.1920 г.
9. Казаков Алексей Тимофеевич	Исенево Тимерлек	зав. избой-читальней	С 1.11.1920 г.
10. Зайцев Егор Васильевич	Трудолюбровский поселок	зав. избой-читальней	С 1.12.1920 г.
11. Ерышов Иван Никифорович	Владимировский поселок	зав. избой-читальней	С 1.11.1920 г.
12. Музуров Василий Федорович	Кирпичный поселок	зав. избой-читальней	С 1.11.1920 г.
13. Ижуков	Майский поселок	зав. избой-читальней	С 1.02.1921 г.
14. Шабрамов	Стекольный поселок	зав. избой-читальней	С 17.02.1921 г.
15. Айдаров Сафа	Новое Альметьево	зав. избой-читальней	С 1.01.1920 г.
16. Хусаинов Шакир	Старая Амзя	зав. избой-читальней	С 1.01.1921 г.
17. Мукаддисов	Новая Амзя	зав. избой-читальней	С 1.01.1921 г.
18. Сингатуллин Кяшифулла	Курнали-Амзя	зав. избой-читальней	С 1.01.1921 г.
19. Фатыхов Зариф	Кичкальня	зав. избой-читальней	С 1.01.1921 г.

Приводимые ниже списки работников библиотек Егоркинской¹⁷ и Старо-Альметьевской¹⁸ волостей Чистопольского кантона за 1921 г. не содержат, к сожалению, дат открытия библиотек и изб-читален, но имеют сведения о начале работы в них библиотекарей и избачей, которое в основном приходится на 1920–1921 гг., а это значит, что к этому времени данные культурно-просветительские учреждения уже действовали.

К середине 1920-х гг. многие библиотеки и избы-читальни уже более

прочно стояли на ногах и проводили разнообразную культурно-просветительную работу. Так, из отчета Больше-Аксумлинской избы-читальни Егоркинской волости за март 1925 г. узнаем, что за месяц библиотеку посетило 953 человека, в том числе мужчин – 737, женщин – 216. Наибольшее количество посетителей приходилось на молодежь от 10 до 20 лет – 400 юношей и 118 девушек и от 20 до 30 лет – 184 мужчин и 65 женщин. В течение месяца были прочитаны лекции на тему «Молочное хозяйство и кормление скота»,

а также на тему развития капитала и о Парижской коммуне. В отчетный период проводились собрания женщин и собрания кружков. При избе-читальне издавалась двухнедельная стенная газета под названием «Тереп» (Ежик). Заведующий избы-читальней Василий Перлов отметил острую необходимость в чувашской литературе, а именно естественно-научной и антирелигиозной¹⁹.

В отчете Егоркинской волостной избы-читальни за 4 квартал 1925 г. также отмечается, что избы-читальню в основном посещала молодежь, однако девушек приходило мало, а девушки-чувашки совсем не приходили.

При избе-читальне было организовано волостное справочное бюро, в котором состояло 15 человек. В течение квартала поступило 23 запроса, было дано 9 справок сельскохозяйственного характера, в основном о приобретении машин, по земельным и налоговым вопросам. При избе-читальне работали 3 кружка: драматический русский, драматический чувашский, хоровой, а также были организованы уголки: Ленинский, женский, антирелигиозный, сельскохозяйственный, военный. В избы-читальню поступало 10 наименований газет (в том числе «Прикамская деревня», «Крестьянская газета», «Правда», «Известия», «Красная Татария», «Новая Деревня», «Беднота») и 10 наименований журналов («Сам себе агроном», «Хочу все знать», «Смена», «Изба-читальня», «Безбожник» и др.).

При библиотеке был организован «книжно-летучий киоск» по про-

даже книг и канцелярских товаров с выездом по деревням. Главным недостатком в работе избы-читальни был отмечен недостаток книг на чувашском языке, при том, что население волости на 63% составляли чуваша²⁰.

По данным кантонного отдела народного образования, по состоянию на август 1925 г. работниками районных библиотек и изб-читален значились (состав информации не везде полный):

1. Районная библиотека в с. Егоркино Егоркинской волости – Силиков, работает с октября 1924 г.;

2. Районная библиотека в с. Кульбаево-Мураса Старо-Альметьевской волости – Булатов, работает с 15 июня 1925 г.;

3. Районная библиотека в д. Курманаево Старо-Челнинской волости – Исмагилова;

4. Районная библиотека в с. Чулпаново Старо-Шешминской волости – Парфенов Иван, работает с 15 мая 1925 г.;

5. Изба-читальня в д. Аксумла Егоркинской волости – Чернов Митрофан, работает с 15 мая 1925 г.;

6. Изба-читальня в д. Старое Альметьево – Васянин, работает с 1 марта 1925 г.;

7. Изба-читальня в д. Новое Альметьево – Бабич, работает с 17 января 1925 г.;

8. Изба-читальня в д. Новая Амзя – Абдулканеев;

9. Изба-читальня в с. Старые Челны – Ильдеткин Сергей Георгиевич, 1904 г.р., работает с 1 января 1924 г.;

10. Изба-читальня в д. Бурметьево Старо-Челнинской волости –

Кадирова Ракия, 1904 г.р., работает с 1 января 1924 г.;

11. Изба-читальня в д. Фомкино Чулпановской волости – Сафина Хадича;

12. Изба-читальня в д. Старые Ерыклы Чулпановской волости – Нуруллин Самигулла, 1901 г.р., работает с 1 января 1925 г.²¹

Если сравним этот список с составом библиотекарей и избачей в начале 1920-х гг., то увидим изменения. Очевидно, что текучка кадров в рассматриваемый период была достаточно острой проблемой. И причины такого положения состояли как в условиях работы (тесные и холодные помещения, недостаток мебели и книг), так и в слабой мотивации работников (большой объем разнообразной работы при низком уровне оплаты труда).

Анкета заведующего районной библиотекой в с. Старые Челны С. Г. Ильдеткина, датируемая 18 сентября 1924 г., является характерной и в целом отражает возрастную и социальный состав первых сельских библиотекарей. Сергей Георгиевич Ильдеткин родился 24 сентября 1904 г., из крестьян, окончил 2-х классное земское училище, член РКСМ с 8 августа 1922 г. В анкете отмечено, что он «политически воспитан, призвание чувствуется к общественно-политической и культурно-просветительной работе». На вопрос о том, «какие работы нес во время революции?» был дан такой ответ: «исполнял все трудовые повинности, которые возлагались со стороны советской власти». Каких-либо недостатков

в работе библиотекаря не было отмечено. Партийным репрессиям он не подвергался и должности вполне соответствовал²².

Несмотря на определенные положительные изменения, к концу 1920-х гг. многие библиотеки и особенно избы-читальни еще не вполне отвечали необходимым требованиям. В июне 1928 г. студенту Татарского коммунистического университета Максиму Якову Матвеевичу было поручено провести обследование ряда изб-читален Старо-Альметьевской волости. Обследование Ново-Амзинской избы-читальни, проведенное в присутствии избача Зарипова Мурата, показало, что помещение читальни находится в здании школы: «При наличии 190 домов и 895 едоков помещение не соответствует своему назначению, т.к. маленькое, неудобное. Получают газеты «Татарстан», «Крестьянская газета», «Прикамье», «Кызыл яшьляр», «Кызыл армия», «Игенче», журналы «Игенче», «Религия и наука». Выпущено 3 номера стенгазеты. Литературы недостаточно. Инвентарь: шкаф маленький, 1 большой стол, скамейки. По инвентарной книге числится 210 книг. Посещаемость в месяц – 600–700 человек. Даются разные справки, пишутся заявления. Население отсталое, некультурное»²³.

Несколько лучше обстояло дело в Кульбаево-Марасинской избе-читальне. Здесь обследование проводилось в присутствии избача Сафиуллина Сабира и секретаря комсомольской ячейки Насибуллина Асхада. Оно показало, что изба-читальня

находится при Народном доме и помещение вполне соответствует своему назначению, т.к. просторное и светлое. Очевидно, что молодежь охотнее приходила в Нардом, где имела сцена, большой зрительный зал, старый рояль. Акт обследования зафиксировал выпуск 7 номеров стенгазеты, наличие 510 книг, в т.ч. Собрания Кодексов РСФСР и Справочника для изб-читален на русском языке, но «недостаточно билитристики». При избе-читальне работал «уголок безбожников под руководством пропагандиста. Сельхозкружок существовал формально. Драмкружок работает сравнительно ничего, ставит спектакли, куда втянута взрослая сила. В зимнее время избе-читальню ежедневно посещает 30–40 человек, в т.ч. стариков и взрослых. Проводятся читки, беседы и игры»²⁴.

Наконец, было проведено обследование Старо-Альметьевской волостной библиотеки-читальни. Здесь помещение библиотеки-читальни также находилось при Народном доме, который объединял три Альметьево. Зимой отапливалась только часть здания, поэтому библиотека находилась в маленькой комнате. В библиотеку поступало 25 наименований периодической печати на любой вкус. В их числе газеты «Кызыл Татарстан», «Игенче», «Кызыл армеец», «Крестьянская газета», «Эшчелляр», «Ялчы», «Прикамье», «Новая Деревня», «Батрак», «Беднота», журналы «Религия и наука», «Безнен юл», «Азат хатын», «Крестьянка», «Батрачка», «Лапоть», «Радио всем», «Красноармеец», «Безбож-

ник». Стенгазета выпускалась нерегулярно (вышло всего 5 номеров). По инвентарной книге числилось 1254 книги, но, опять же, «недостаточно билитристики». Были обнаружены не занесенные 200 книг на русском языке и 275 книг на татарском. При библиотеке имелся «уголок Ленина», действовал ряд кружков – политический, драматический, физкультурный (для последнего был куплен футбольный мяч и построен городок). Средняя посещаемость библиотеки составляла 50–60 человек в день. Чем еще была отмечена деятельность данного очага культуры? Здесь, собственно, как и в других читальнях, устраивались громкая читка газет и журналов, интересной литературы, «увеселительные игры» по воскресеньям, в которых в большинстве своем участвовали женщины (девушки)²⁵.

Таким образом, анализ показывает, что организация библиотечного дела в Казанской губернии (ТАССР) в рассматриваемый период происходила в соответствии с принятыми в первые годы советской власти нормативно-правовыми документами в области культурного строительства и отвечало идеям централизации и общедоступности сети библиотек для населения. В Чистопольском кантоне открытие библиотек и изб-читален велось в плановом порядке и пришлось в основном на 1919–1921 гг. Нередко инициатива по их открытию исходила от самого населения. Библиотеки и избы-читальни являлись основными культурно-просветительными учреждениями в сельской местности, объединяя людей разных возрастов,

Их функции были довольно разнообразными и не ограничивались только выдачей книг. В связи с большой неграмотностью населения, здесь устраивались громкие читки газет и журналов, лекций на разные темы,

кроме того, работали кружки, выпускались стенгазеты. Большая работа проводилась библиотечной секцией кантонного отдела народного образования по подготовке и переподготовке кадров специалистов.

Сведения об авторе: Садыкова Римма Барыевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра регионоведения и социокультурных исследований Института Татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, e-mail: rimma231265@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению истории библиотечного дела в Казанской губернии (ТАССР) в 1918–1920-е гг., особенностям ее организации на территории Чистопольского кантона.

Ключевые слова: библиотечное дело, библиотеки, избы-читальни, книги, газеты, журналы, Казанская губерния, Чистопольский кантон, отдел народного образования, культурно-просветительная работа.

Abstract: The article is devoted to the history of librarianship in the Kazan province (TASSR) in the 1918–1920s, the peculiarities of its organization on the territory of the Chistopol Canton.

Keywords: Librarianship, libraries, reading huts, books, newspapers, magazines, Kazan province, Chistopol Canton, Department of public education, cultural and educational work.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Абрамов К. И. История библиотечного дела в СССР. Изд-е 2-е. – М.: Книга, 1970. 456 с.
- 2 Гайнуллина А. В. Библиотечное строительство в ТАССР в 1917–1941 гг.: дис. на соиск. степ. канд. пед. наук. – Л., 1984. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/dokument-informacia/bibliotechnoe-stroitelstvo-v-tatarskoj-assr-v-1917-1941-gg.html#1992381> (дата обращения 20.11.2020).
- 3 Государственный архив РТ. Ф. Р-2029. Оп. 1. Д. 52. Л. 1.
- 4 Там же. Л. 13.
- 5 Там же. Д. 58. Л. 17.
- 6 Там же. Д. 102. Л. 14.
- 7 Там же. Л. 15.
- 8 Там же. Д. 58, 100, 102, 138.
- 9 Там же. Д. 52. Л. 85.
- 10 Там же. Оп. 2л. Д. 80. Л. 14–15.
- 11 Там же. Оп. 1. Д. 52. Л. 210, 218.
- 12 Там же. Оп. 2л. Д. 80. Л. 7.
- 13 Там же. Л. 16.
- 14 Там же. Л. 27, 28.
- 15 Там же. Оп. 1. Д. 105. Л. 28.
- 16 Там же. Л. 75.
- 17 Там же. Л. 43.
- 18 Там же. Д. 62. Л. 135.
- 19 Там же. Д. 219. Л. 243.
- 20 Там же. Д. 246. Л. 94–95.
- 21 Там же. Д. 194. Л. 197, 254.
- 22 Там же. Оп. 2л. Д. 200. Л. 32.
- 23 Там же. Оп. 1. Д. 338. Л. 133.
- 24 Там же. Л. 134.
- 25 Там же. Л. 135.

КАЙБИЦКИЙ РАЙОН В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*Рафикова Г. Э., кандидат исторических наук,
Шакиров И. А.*

KAIBITSKY DISTRICT DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Rafikova G. E., Shakirov I. A.

Семьдесят пять лет прошло со времени окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Из поколения в поколение народ передает память об этой страшной войне, о героическом подвиге солдат на фронте, о трудовом подвиге в тылу. Одной из важнейших форм сохранения памяти народа о событиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. являются памятники.

В селах Кайбицкого района установлены 30 обелисков (памятников), посвященных подвигу народа в Великой Отечественной войне (в населенных пунктах: Арасланово, Багаево, Большое Подберезье, Большое Русаково, Большое Тябердино, Бурндуки, Бушанча, Имянле Бургас, Корноухово, Куланга, Кушманы, Надеждино, Малое Русаково, Малое Подберезье, Малые Кайбицы, Малые Меми, Молькеево, Мурали, Полевая Буа, Салтыганово, Семикеево, Старое Тябердино, Старые Чечкабы, Турминское, Ульяновково, Федоровское, Хозесаново, Чутеево, Шушерма, Эбалаково, Янсурино) и 2 бюста Героям Советского Союза

(А. Е. Кошкину в с. Большое Подберезье и М. К. Кузьмину в с. Старое Тябердино)¹. Также обустроен парк Победы с Аллеей Героев (с. Большие Кайбицы, 2017 г.), установлен памятник воинам-афганцам с мемориалом «Огонь памяти» (с. Большие Кайбицы, 2016 г.) и памятники строительству «Казанского обвода» в парке Победы (с. Большие Кайбицы, 2017 г. и с. Старые Чечкабы, 2020 г.). В двух памятных комплексах использованы объекты боевой техники.

В годы Великой Отечественной войны 8771 тысяча земляков защищали свою Родину. 5491 из них погибли на полях сражений, 3280 – вернулись с Победой. Кайбицкая земля является родиной трех Героев Советского Союза – А. Е. Кошкина (с. Большое Подберезье), И. М. Федорова (с. Турминское), М. К. Кузьмина (с. Старое Тябердино). Полными кавалерами ордена Славы являются В. Р. Платонов (д. Кичкеево), И. П. Субботин (д. Корноухово), Т. Г. Назмутдинов (д. Шушерма). Немало уроженцев – Героев Социалистического труда:

Р. К. Калимуллин и участник Великой Отечественной войны Б. Г. Гарифуллин (с. Бурундуки), М. С. Турунтаева (с. Багаево), А. И. Евдокимова (с. Турминское), А. Х. Бурганов (д. Кушманы), Р. Г. Загидуллин (с. Большие Кайбицы), А. Т. Сергеева (с. Эбалаково), Герой социалистической стройки ТАССР Г. И. Ионов (д. Муратово).

Сельчане Кайбицкого района в годы войны активно включились и в сбор средств на вооружение армии. Одними из первых к патриотическому движению присоединились учителя и ученики кайбицкой школы. По их инициативе в 1941 г. был развернут сбор средств на строительство колонны танков под названием «Народный учитель». К 25 декабря 1942 г. только для постройки танковой колонны колхозники и колхозницы Кайбицкого района собрали 1 058 762 рублей. Большую активность жители Кайбицкого района проявили в сборе средств на строительство танковой колонны «Колхозник Татарии». Только бригадиры тракторных отрядов Молькеевской МТС на строительство боевых машин внесли по 2 000 рублей каждый, все же работники МТС отдали свою месячную зарплату на танковую колонну. Члены колхоза «Чулпан» сдали 33 000 рублей. Несколько месяцев спустя 200 боевых машин с надписью «Колхозник Татарии» вступили в бой на Белгородском направлении и внесли существенный вклад в разгром фашистов в битве на Курской дуге.

Воодушевленные блестящими успехами Красной Армии и желая

всеми силами помочь фронту быстрее разгромить немецких захватчиков, колхозники и колхозницы Кайбицкого района Татарской АССР собрали в Фонд победы Красной Армии из личных сбережений всего 1 млн. 300 тыс. рублей. После чего в Москву, в Кремль была отправлена телеграмма: «Председателю Государственного комитета обороны товарищу Сталину. Дорогой Иосиф Виссарионович! Воодушевленные блестящими успехами Красной Армии и желая всеми силами помочь фронту быстрее разгромить немецких захватчиков, колхозники и колхозницы Кайбицкого района Татарской АССР собрали из личных сбережений 1 млн. 300 тыс. рублей в Фонд победы Красной Армии. Просим на собранные средства построить тяжелый бомбардировщик «Кайбицкий колхозник» и передать в гвардейскую часть. Секретарь Кайбицкого райкома партии Гатин, председатель исполкома райсовета Закиров». В ответ из Москвы вскоре пришла телеграмма следующего содержания: «Секретарю Кайбицкого райкома партии тов. Гатину, председателю исполкома райсовета тов. Закирову. Прошу передать колхозникам и колхозницам Кайбицкого района, собравшим 1 млн. 300 тыс. на постройку тяжелого бомбардировщика «Кайбицкий колхозник», мой братский привет и благодарность Красной Армии. Желание колхозников и колхозниц Кайбицкого района будет исполнено. И. Сталин». Обе телеграммы были опубликованы в газете «Красная Татария» (ныне «Республика Татарстан»).

На собранные средства бомбардировщик под заводским номером 42212 изготовили в Казани на заводе № 22. В мае 1944 г. представителями колхозников Кайбицкого района Яковлевой, Фаизовой и Хайруллинским четырехмоторный бомбардировщик был торжественно передан экипажу гвардейской авиачасти. Самолет попал в опытные руки. Экипаж, состоящий в общей сложности из одиннадцати человек, возглавлял уроженец Ижевска, заместитель командира эскадрильи 25-го гвардейского авиаполка 45-й авиадивизии гвардии майор, Герой Советского Союза В. М. Обухов. А сам самолет «Кайбицкий колхозник» участвовал в боях до самого конца войны.

В письме в Кайбицкий район В. М. Обухов писал: «Дорогие товарищи! В условиях тяжелого военного времени вы на свои личные сбережения построили могучую крылатую машину. Ваш патриотизм, самоотверженный труд и искренняя любовь к Красной Армии воодушевляют нас на ратные боевые дела... Будем же вместе с вами воевать и трудиться, приближая час нашей победы над врагом».

Спустя долгие годы, после победы, в Кайбицком районе увековечили патриотический поступок своих земляков. В сквере Солнечного Бульвара с. Большие Кайбицы возвышается макет бомбардировщика, взмывающего в голубое мирное небо, тем самым напоминая нам, ценой каких невероятных усилий досталась Великая Победа.

Еще одним большим вкладом жителей Кайбицкого района стало учас-

тие в строительстве оборонительной линии «Казанский обвод». Он входил в систему так называемого Волжского оборонительного рубежа, проходил от д. Покровское на берегу р. Волги через станцию Урмары, райцентры Кайбицы и Апастово до г. Куйбышев². Его протяженность по территории Кайбицкого района составляет 64 км. Штаб работ расположился в сельской школе с. Старые Чечкабы Кайбицкого района.

Строительство оборонительного сооружения велось с 13 октября 1941 г. по 11 февраля 1942 г. В работах участвовало 36 тыс. человек, или 34% от общего количества работающих. Мобилизация на строительные работы началась 25 октября 1941 г. В первую очередь к строительству привлекались жители тех районов, по которым проходил обвод: Больше-Тарханского, Апастовского, Буйинского, Кайбицкого, Тетюшского. Каждому из них устанавливался наряд на привлечение рабочих на строительство, для Кайбицкого он был 9,3 тыс. чел. Однако в скором времени наряды были пересмотрены и наряд на район снижен до 6 тыс. чел. Это было связано с малым количеством трудоспособного населения и его занятостью на полевых работах³. Строительство сопровождалось не только плохими погодными условиями осенне-зимнего периода, но и отсутствием необходимой техники, инструмента, большими нормами выработки на каждого работника, плохой организованностью снабжения работающих продуктами питания.

Строительство «Казанского обво-

да» запомнилось жителям Кайбицкого и соседних с ним районов как один из самых тяжелых периодов военного времени. Трудовой подвиг рядовых жителей села позволил за 4 месяца соорудить 59,31 км противотанковых рвов, 168 ДЗОТ. Официальной датой окончания строительства оборонительного рубежа под Казанью можно считать 11 февраля 1942 г., когда «Казанский обвод» был принят государственной приемочной комиссией.

Долгий период истории строительства Волжского оборонительного рубежа не рассматривалось как

трудовой подвиг народа. Вероятнее всего, это произошло вследствие его не востребованности, так как немецкие войска удалось остановить под Москвой. Процесс реабилитации исторической памяти строителей был запущен совсем недавно. Жители Кайбицкого района одними из первых в 2017 г. установили в парке Победы с. Большие Кайбицы памятник строительству «Казанского обвода». В мае 2020 г., на въезде в с. Старые Чечкабы, был торжественно открыт еще один, посвященный жителям этого и соседних сел, участвовавшим в стройке.

Сведения об авторах: Рафикова Гульнара Эрнстовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: grafikova@mail.ru; Шакиров Илдар Абдуллович, директор Музея Кайбицкого края (с. Большие Кайбицы РТ), e-mail: muzikaibitsy@yandex.ru.

Аннотация: Жители Кайбицкого района Республики Татарстан внесли большой вклад в победу в Великой Отечественной войне. Они активно участвовали в строительстве проходившей по территории района оборонительной линии «Казанский обвод», собрали средства на строительство бомбардировщика «Кайбицкий колхозник», танковой колонны «Колхозник Татарии». Всего в Фонд победы Красной Армии из личных сбережений ими было собрано 1 млн. 300 тыс. рублей.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Кайбицкий район, Великая Отечественная война, «Казанский обвод».

Abstract: Residents of the Kaibitsky region of the Republic of Tatarstan made a great contribution to the victory in the Great Patriotic War. They took an active part in the construction of the Kazansky Bypass defensive line, which ran through the region, and raised funds for the construction of the Kaibitsky Kolkhoznik bomber and the Kolkhoznik Tataria tank column. In total, they collected 1,300,000 rubles from their personal savings into the Red Army Victory Fund.

Key words: Republic of Tatarstan, Kaibitsky region, Great Patriotic War, «Kazan bypass».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Военно-патриотический альманах «Обелиск». – Казань, 2020. С. 28–29.
- 2 Кабирова А. Ш. Комиссия принимает строительные работы рубежа «Казанский обвод» с оценкой «хорошо» (строительство Волжского оборонительного рубежа на территории ТАССР // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 1. С. 101.
- 3 Там же. С. 102.

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ СЕЛА

Насибуллина А. Б.

THE HISTORY OF MAN IN THE HISTORY OF THE VILLAGE

Nasibullina A. B.

Интерес людей к истории своей малой родины, ее социокультурному и социально-экономическому развитию не ослабевает, о чем свидетельствуют многочисленные краеведческие изыскания и исторические исследования. Данный интерес находит выражение, в первую очередь, в изучении биографий известных уроженцев, деятелей культуры, образования и науки, хозяйственных работников, внесших весомый вклад в развитие поселений. Говоря о биографии, мы имеем в виду не простое изложение в хронологическом порядке значимых жизненных фактов, а описание истории жизни человека в связи с эпохой, в которую он жил, ее общественной действительностью. При таком рассмотрении биографии особое значение приобретают сведения о трудовой деятельности человека, его семейных отношениях и трудовых династиях.

При изучении истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан мы, безусловно, особое внимание уделили рассмотрению биографий многочисленных уроженцев данного населенного пункта, деятелей образования, науки и культуры, работников сельскохозяйственного

производства, для которых Кирби стало малой родиной. За прошедшие века селение вместе со всей страной пережило различные исторические потрясения, годы развития и упадка. В зависимости от миграционных процессов, укрупнения/разукрупнения колхозов, изменения административных границ районов менялась и численность населения. Такая краеведческая работа позволила нам собрать неизвестные ранее сведения об удивительных людях, многие годы своей трудовой деятельности посвятивших развитию села Кирби. Среди них особое место занимает биография жительницы села, учителя Розы Хабуловны Кушминой, которая много сил и времени отдала не только преподавательской, но и общественной работе¹.

Роза Хабуловна родилась 11 апреля 1947 г. в д. Кирби. После успешного окончания ею Кирбинской средней школы директор учебного заведения Зариф Галиев написал в районный отдел образования письмо с просьбой оставить Розу в родной школе старшей пионервожатой. Этот документ сыграл важную роль в ее судьбе, поэтому сохранился у Розы Хабуловны до сих пор. Как только

она приступила к своим обязанностям, у местных пионеров началась новая, активная жизнь. У школьной пионерской организации словно открылось второе дыхание: Розой Хабуловной был организован летний пионерлагерь, учащиеся стали регулярно участвовать в районных и республиканских форумах, пионерских слетах, проводились военно-патриотические игры, такие как «Зарница», «Поиск знамени дружины» и другие. Дети тянулись к ней как к магниту. Об этом свидетельствуют многочисленные фотографии тех лет. В 1971 и 1973 гг. Р. Х. Кушмина награждалась нагрудным знаком ЦК ВЛКСМ «Лучший пионервожатый»².

В дальнейшем Роза Хабуловна окончила филологический факультет Казанского педагогического института, преподавала татарский язык и литературу. Ее выбор данной профессии не был случаен, родители Розы Хабуловны также работали педагогами. Трудовой стаж Р. Х. Кушминой в Кирбинской школе составил 41 год³. «Педагогом не рождаются, педагогом становятся» – эта фраза отображает сущность ее выбора. На своих уроках татарского языка и литературы Роза Хабуловна воспитывала в детях любовь к родному языку, традициям татарского народа. Организованный ею школьный кружок «Юный литератор» был популярен среди детей. Ученики вместе с Р. Х. Кушминой посещали татарские театры в Казани, проводили встречи с известными людьми, неоднократно снимались в детских передачах на татарстанском телевидении, организовывали экскурсии

в Дом печати, в музеи Татарстана и т. д.⁴ Для ученика сельской школы эти мероприятия становились незабываемыми событиями!

Самым запоминающимся, традиционным для жителей села Кирби стал праздник «Солдатские письма», организованный Розой Хабуловной. Он ежегодно проводится 23 февраля. Подготовка к нему начинается с осени: дети выясняют адреса солдат, проходящих службу в армии, пишут им письма, затем ожидают ответы, изучают солдатские песни, посвященные их родителям, – все это приносит в жизнь села дух праздника. В этот день, как правило, сельский клуб бывает полон людей, в каждой семье ждут этот праздник. И хотя само мероприятие ограничено одним днем, воспоминания о нем надолго остаются в памяти.

Запомнился односельчанам и такой эпизод, ярко характеризующий характер Розы Хабуловны. В Кирби для съемок передачи «Каз омэсе» должна была приехать телевизионная съемочная группа. Р. Х. Кушмина очень ответственно подошла к подготовке: привлекла к приготовлениям и детей, и жителей села. Группу собрали со всех дворов. Передачу снимали у нее дома – для этого пришлось вытаскивать всю мебель на улицу. А ведь на улице было холодно – ноябрь! Люди удивлялись, как же ее муж, Шамиль Ахметзянович, на это согласился⁵.

За многолетнюю плодотворную деятельность Роза Хабуловна удостоена нагрудного знака «Отличник народного просвещения РСФСР» (1994 г.), ее труд отмечен много-

численными благодарственными письмами и почетными грамотами. В настоящее время Р. Х. Кушмина находится на заслуженном отдыхе, но активно занимается общественной работой: руководит Советом ветеранов села Кирби и местным вокальным ансамблем, инициатором создания которого была она сама⁶. Фольклорный ансамбль «Аулак ой» организован в январе 2018 г. при Кирбинском сельском доме культуры. В состав ансамбля входят более 20 человек самого разного возраста, большую часть из них составляют пенсионеры. Цели руководителя ансамбля: познакомить людей с образцами устного народного творчества, обычаями, закрепить их в современных традициях, научить чувствовать красоту и многообразие родного языка, в процессе воспитания детей создать условия для сохранения национальных особенностей. В 2019 г. коллектив был переименован в «Ак калфак» в связи с его вхождением в состав фольклорного ансамбля «Ак калфак» Всемирной общественной организации татарских женщин.

Супруг Розы Хабуловны – Кушмин Шамиль Ахметзянович – ученый-агроном, заслуженный агроном Республики Татарстан (2002 г.) и Российской Федерации (2007 г.). Он знает агроэкологические характеристики каждого поля в селе как свои пять пальцев, где и какая культура даст высокий урожай. Общий стаж его трудовой деятельности составляет 50 лет⁷.

Значительных успехов Розе Хабуловне удалось достичь не только

в педагогической и общественной деятельности, но и в деле изучения истории родного края, окружающей среды. Она является авторитетным краеведом, накопившим глубокие знания и опыт в этой области, многие годы Р. Х. Кушмина собирает сведения об истории родного села и района и популяризирует их с помощью средств массовой информации, личных выступлений. Также Роза Хабуловна создала страницу в социальных сетях «Родное село Кирби. Прошлое, настоящее, будущее»⁸.

Счастлив человек, видящий результаты своего труда. Односельчане уважают Розу Хабуловну, прислушиваются к ее мнению. Когда дело касается вопросов, связанных с историей села, жители уверенно утверждают: «Надо спросить у Розы Кушминой, она-то наверняка знает».

Село живет благодаря памяти о прошлых поколениях и активной деятельности ныне живущих людей: животноводов и полеводов, механизаторов, медиков и учителей, руководителей. Именно таким лидером, всей душой радеющим за родное село, является Роза Хабуловна Кушмина. В ее биографии нашли отражение значимые в истории села и республики в целом события. Изучение истории населенного пункта сквозь призму жизнеописаний его известных уроженцев способствует более глубокому пониманию причин исторических процессов и повышению качества краеведческих исследований.

Сведения об авторе: Насибуллина Алсу Булатовна, научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: bulat.alsu1971@yandex.ru.

Аннотация: В статье рассматривается деятельность жительницы села Кирби Лаишевского района РТ Розы Хабуловны Кушминой, которая внесла значимый вклад в изучение истории и сохранение историко-культурного наследия своей малой родины, в дело воспитания чувства патриотизма в подрастающих поколениях. Обосновывается точка зрения, что изучение биографий известных уроженцев населенных пунктов позволяет воссоздать общую социокультурную картину, сложившуюся в поселении в анализируемый период, повысить качество регионоведческих исследований.

Ключевые слова: село Кирби, Лаишевский район, Республика Татарстан, населенные пункты, Кирбинская школа, Кушмина Роза Хабуловна, учитель, трудовая деятельность.

Abstract: The article examines the activities of Rosa Khabulovna Kushmina, a resident of the village of Kirbi, Laishevsky district of the Republic of Tatarstan, who made a significant contribution to the study of history and the preservation of the historical and cultural heritage of her small homeland, to foster a sense of patriotism in the younger generations. The point of view is substantiated that the study of the biographies of famous natives of settlements makes it possible to recreate the general socio-cultural picture that developed in the settlement during the analyzed period, to improve the quality of regional studies.

Key words: Kirby village, Laishevskiy district, Republic of Tatarstan, settlements, Kirby school, Kushmina Rosa Khabulovna, teacher, work.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Галимуллина Г.Х., Насибуллина А.Б. Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр.– Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 500 б., илл.
- 2 Там же.
- 3 Насибуллина А.Б., Галимуллина Г.Х. Семья Нигматовых в истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения. Сб. трудов Всероссийской научной конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. 2019. С. 89–93.
- 4 Галимуллина Г.Х., Насибуллина А.Б. Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр.– Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 500 б., илл.
- 5 Там же.
- 6 Насибуллина А.Б., Галимуллина Г.Х. Семья Нигматовых в истории села Кирби Лаишевского района Республики Татарстан // Историческая наука и образование: прошлое, настоящее и будущее. IV Смирновские чтения. Сб. трудов Всероссийской научной конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. 2019. С. 89–93.
- 7 Шәрифүллина Э. Хәербидә ниләр бар? // Ватаным Татарстан. 2019. 26 март. № 43.
- 8 Галимуллина Г.Х., Насибуллина А.Б. Хәерби авылы тарихыннан сәхифәләр.– Казан: ТР ФАнең Татар энциклопедиясе һәм төбәкне өйрәнү институты, 2019. 500 б., илл.

ВКЛАД АКАДЕМИКА М.А.УСМАНОВА В КАЗАНСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И ТАТАРСКУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИСТИКУ

Калимуллина Ф.Г., кандидат исторических наук

CONTRIBUTION OF ACADEMICIAN M.A.USMANOV TO KAZAN ORIENTAL STUDIES AND TATAR ENCYCLOPEDIA

Kalimullina F. G.

Историк, востоковед, источниковед, писатель, профессор М. А. Усманов оставил яркий след в истории татарского народа. К сожалению, приходится писать о нем в прошедшем времени, так как любимого и уважаемого наставника нет уже с нами более десяти лет. Его вклад в изучение истории, историографии, источниковедения татар, организацию татарстанской науки не оценим. Направления исследований М. А. Усманова до того широко масштабны, что должны стать материалом для серии статей и даже фундаментальной монографии. В данной статье мы взяли лишь отразить лишь небольшую часть его титанической деятельности, а именно – области востоковедения и энциклопедистики.

М. А. Усманов родился 31 марта 1934 г.г. Кульджа (Западный Китай, провинция Синьцзян) в семье служащего. Его прадед по линии отца, купец Муэмин Усманов, переселился из-под Казани в Казахстан в середине XIX в., в начале XX в. сын Муэмина Бари Усманов (дед Миркаси́ма) обосновался в соседней

с Казахстаном китайской провинции Синьцзян. Начальное образование М. А. Усманов получил в Кульджинской татарской школе, куда он поступил в 1941 г., затем обучался в русской гимназии города. Жизнь в разноязычном регионе естественным образом содействовала овладению такими тюркскими языками, как казахский, уйгурский, киргизский и узбекский. Все это впоследствии оказало благотворное влияние на профессиональные занятия М. А. Усманова в качестве историка-источниковеда и на его переводческую деятельность.

В 1955 г. семья Усмановых возвратилась в СССР – в Казахстан. Там, обучаясь в школе рабочей молодежи поселка Кирово Талды-Курганской области, он получил аттестат зрелости советского образца. М. А. Усманова тянула родина предков – Казань. В 1958–1963 гг. он учился в Казанском государственном университете, сначала на отделении татарской филологии. После окончания третьего курса был переведен на историческое отделение истори-

ко-филологического факультета, где на кафедре истории СССР специализировался по источниковедению истории. В годы учебы в университете активно включился в студенческую научно-исследовательскую деятельность, участвовал в работе диалектологических и археологических экспедиций.

После окончания учебы М. А. Усманов был оставлен при кафедре истории СССР. В 1964–1967 гг. учился в аспирантуре, в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Татарские нарративные источники XVII–XVIII вв. и их особенности». С 1967 г. преподавал на кафедре истории СССР. В 1981 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв.». В те времена, когда изучение истории Золотой Орды в СССР находилось под запретом, ему одному из первых удалось поднять эту тему на международный уровень. С 1982 г. был профессором и заведующим кафедрой истории СССР досоветского периода. С 1989 г. заведовал кафедрой истории татарского народа, созданной им на вновь открытом факультете татарской филологии, истории и восточных языков. Одновременно с 1988 г. являлся руководителем также основанной им научно-исследовательской археографической лаборатории Казанского университета. В 1985–1991 гг. был проректором Казанского университета по учебной работе. С 1964 по 1989 гг. М. А. Усманов являлся научным руководителем и постоянным участником регулярно действующих археогра-

фических экспедиций КГУ¹. В общей сложности им опубликовано более 450 названий научных трудов, в том числе 11 книг (монографии, сборники). С 1989 г. М. А. Усманов был председателем фонда «Джиен», созданного с целью содействия возрождению и развитию татарского языка и культуры, где занимался издательской деятельностью². Он являлся одним из учредителей АН РТ, в 2006–2007 гг. – ее вице-президент, с 2007 г. – советник Президента. Он также являлся членом комиссии по установлению 1000-летия Казани³.

М. А. Усманов скончался 10 октября 2010 г. в Казани. Незадолго до смерти в журнале «Научный Татарстан» им была опубликована статья о казанском востоковедении, где автор подробно остановился на истории становления и развития научной ориенталистики в Казани⁴. Ученый рассматривал направление татароведения, дал характеристику основным этапам изучения. Нужно отметить, что именно при поддержке М. А. Усманова в Татарскую энциклопедию, разрабатываемую Институтом татарской энциклопедии АН РТ, было введено понятие «татароведение» и много других терминов и персоналий, связанных с историей и культурой татарского народа и местного края. «Безусловно, он обладал даром исторического предвидения: спустя почти 20 лет после введения в энциклопедический оборот термина «татароведение», в Казанском федеральном университете открылась одноименная кафедра», – пишет об этом профессор Р. В. Шайдуллин⁵.

О том, что первый в стране востоковедческий центр – Восточный разряд, созданный на базе университета, появился именно в Казани, М. А. Усманов объяснил следующим образом: «Казань являлась наиболее оптимальным местом для этой цели: в ее пределах жили нескольких восточных (тюркских) языков; у населения (татар) в большом количестве имелись необходимые, хотя бы частично, для использования в учебном процессе текстовые материалы – рукописи на арабском, персидском языках и различных тюркских наречиях. На значение этих рукописей здесь обращается внимание потому, что как на Руси периода ее зависимости и обретения самостоятельности от Улуса Джучи (до конца XV в.), так и в позднейшей России (почти до 20-х гг. XIX в.) из восточных языков наиболее освоенным был тюрко-татарский, то есть старотатарский письменный язык. Он сложился в золотоордынский период, в XIII–XV вв., а также во времена существования самостоятельных татарских ханств и являлся языком межгосударственного общения почти во всей северо-западной Евразии».

Перевод Восточного разряда в 1854–1855 г. в Санкт-Петербургский университет М. А. Усманов связал с тем, что «правительство, с одной стороны, хотело укрепить ориенталистику в столице, а не в провинции, с другой, – надо полагать, имея квалифицированных востоковедов «под рукой», желало усилить контроль над их деятельностью».

Ученый подробно остановился на том, как Казанская университетская ориенталистика повлияла на представителей татарской научно-просветительской мысли. Это влияние особенно усилилось в период становления обновленческого движения, ставшего известным несколько позднее под названием джадидизм, – отметил М. А. Усманов.

М. А. Усманов подробно остановился на состоянии Казанского востоковедения в советский период, подчеркивая идеологизм и трагичность времени. «Ликвидация Восточного разряда в Казанском университете, как оказалось, стала лишь половиной или даже малой долей беды для развития ориентально-гуманитарных дисциплин в Казани и регионе. Настоящая беда, даже подлинная катастрофа, постигла гуманитарно-культурную действительность (а, следовательно, и востоковедческие знания) после 1917 г.», – подчеркнул ученый.

Некоторые элементы относительно мирной и нормальной жизни появились лишь во времена НЭПа – в середине 1920-х гг. В этот период были изданы книги по истории татар А. Рахима, Г. Губайдуллина, М. Г. Худякова, Дж. Валиди, имеющих огромное значение и в современности. Но вскоре обстановка в стране резко изменилось, началась тотальная борьба с национальными кадрами. В разные годы были арестованы и уничтожены передовые татарские общественные деятели, ученые – из-за жестоких пыток в 1932 г. умер в тюремном лазарете Дж. Валиди, в 1938 г. казнены Г. Губайдуллин,

Х. Атласи, в 1940 г. – М. Султангалиев. Инвалидом вернувшийся из лагеря А. Рахим замерз в холодном полуподвальном помещении⁶. Р. Фахретдин советской властью против его воли был назначен на должность муфтия (главы) Духовного управления мусульман в Уфе и до конца жизни был лишен всех гражданских прав. Продавая книги из своей личной библиотеки, он платил положенные служителям культа высокие налоги⁷.

Муса Бигиев, занимавший должность имама, постоянно подвергался всяческим притеснениям и каждую ночь ожидал ареста. Поэтому в 1930 г. тайно, через Среднюю Азию и Восточный Туркестан, эмигрировал из страны.

«С середины 20-х гг. в Казани не было никаких реальных условий не только для развития, даже появления востоковедческих, в особенности исламоведческих изысканий. Хотя авторам вульгарно-атеистических публикаций жилось вольготно... Начиная с конца 20-х гг. все арабографические книги изымались из всех библиотек, за исключением университетской. Как показывают результаты наших археографических экспедиций, старопечатные (арабографические) книги и рукописи у населения сохранились случайно, причем лишь те, которые оказались на чердаках старых домов или в забытых уголках чуланов, хозяйственных сараев», – писал ученый⁸.

М. А. Усманов подчеркнул, что в советское время было запрещено не только изучение истории отдельных народов, но и сами народы под-

вергались репрессиям. «Многие нерусские, неславянские народы СССР, принимавшие участие в изгнании из страны фашистских интервентов, то есть внесшие вклад в победу над врагом, были «отблагодарены» советской властью весьма своеобразно. В 1944 г. были депортированы балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, чеченцы и т. д.

Для татар у «великого вождя всех времен и народов», согласно некоторым сведениям, также было желание подыскать новое «местожительство». Предполагались два варианта: болотистые районы Западной Сибири или каменистые горы аннексированной в 1944 г. и до этого зависимой от СССР Тувы... Но как собрать для осуществления поголовной депортации разбредшееся по всему Советскому Союзу, от Прибалтики до Сахалина, пяти-шестимиллионное население? Поэтому и пришлось «ограничиться» принятием известного постановления Центрального Комитета ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О запрете татарского дастана «Идегей»⁹. В действительности постановление преследовало другую далекоидущую цель: объявить Золотую Орду «паразитическим», диким по природе и происхождению государственным образованием, возникшим как бы случайно, поэтому лишенным всякой культурности, закономерности развития, занимавшимся исключительно грабежом, разорением Руси и русских. То есть Восток, тюркский мир, мусульманская культура Золотой Орды, татары-мусульмане противопоставляются западу, а также Руси

и русским, тем самым логически под сомнением оказалось историческое право на существование тех народов, которые являлись наследниками Золотой Орды и других татарских ханств»¹⁰.

В свете постановления 1944 г. история татар стала разрабатываться прежде всего в этногенетическом плане. В дальнейшем делалось все, чтобы доказать, что «татары – не татары», а «только лишь болгары», тем более они «не имеют никакого отношения» к... Золотой Орде! Первая наукообразная, но, в сущности, политизированная, попытка решения вопросов этногенеза казанских татар имела место в 1946 г., когда в Москве на специальной сессии отделения АН СССР был вынесен официальный вердикт по данной проблеме¹¹. Тем самым целенаправленными усилиями многих авторитетов исторической науки страны была сделана попытка отвести возможную угрозу сталинской репрессии против казанских татар в целом. Несмотря на односторонность и спорность основных выводов сессии, это было в целом благородное по намерениям мероприятие. Следует лишь отметить, что лицо принципиального и научно объективного, честного ученого до конца сумел сохранить профессор (будущий академик) М. Н. Тихомиров», – отметил М. А. Усманов¹².

После смерти «отца народов» и критики культа личности Сталина на XX и XXI съездах КПСС, то есть под влиянием хрущевской оттепели, были предприняты отдельные попытки исправить некоторые «перегибы» сталинских времен. В 1962 г.

возобновилась работа Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В первой половине 1970-х гг. в университете стала обсуждаться идея о необходимости открытия востоковедческой кафедры. Инициатором этого проекта был ректор М. Т. Нужин. С 1963 г. при кафедре истории СССР успешно функционировала археографическая экспедиция по выявлению и сбору среди населения восточных (арабографических) рукописей. Среди них было много и арабоязычных сочинений. Экспедиция была организована М. А. Усмановым при активной поддержке Ш. Ф. Мухамедьярова и профессора Х. У. Усманова, в то время руководившего отделением татарской филологии. К этому времени также было опубликовано исследование татарских письменных исторических источников до XIX в.¹³ Можно сказать, что в университете в какой-то степени началось постепенное возрождение отдельных направлений прежнего казанского востоковедения. М. А. Усманов подчеркнул, что до новейшего времени во многих публикациях, претендующих на научность в освещении творчества, наследия и мировоззрения деятелей прошлого, авторы были вынуждены умалчивать и скрывать от современных читателей некоторые аспекты их биографии. Прежде всего, речь идет о религиозно-богословской стороне их деятельности, в результате чего обеднялась и фактически искажалась сложная действительность.

На гребне перестройки, в 1989 г. в Казанском университете М. А. Усмановым была создана кафедра исто-

рии татарского народа. «Историю татар нельзя изучать, ограничиваясь пределами нашей республики. Яркий пример: в начале XX столетия татарская культура развивалась не только казанскими татарами, но и теми, кто родился и жил в Башкирии, на Южном Урале, в Пензенской и Нижегородской областях. Достаточно назвать такие имена, как Г. Ибрагимов, Ш. Камал, Х. Такташ, А. Кутуй, К. Наджми, К. Тинчурин – все они выходцы из других регионов... Так у меня и возникла идея – создать кафедру истории не Татарстана, а татарского народа», – вспоминал М. А. Усманов.

Ученый заметил, что лишь в новое и новейшее время открылась возможность для объективного изложения истории, востоковедения. Изучение истории Золотой Орды стало объектом исследования множества организаций, ученых и исследователей Казанского университета в том числе. На ученое поприще пришли молодые востоковеды, источниковеды. Наблюдается возрождение Казанского востоковедения. Следует отметить, что в 2003 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ был создан Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств, а в 2010 г. Центру было присвоено имя М. А. Усманова¹⁴.

Насчет расхожего мнения о зависимости истории как науки от политики, М. А. Усманов заявил: «История – это область знаний о прошлом, и она неизбежно находится под воздействием и политики, и культуры, и философии... На мой взгляд, и сама политика от этого не

выигрывает, и историческая наука утрачивает свой авторитет и свою общественную функцию. Историкам надо помнить, что фальсификаторы канут в лету, а историки типа Карамзина остаются на века. А политикам надо понять: чтобы политические явления приобрели значение и смысл в истории, нужно, чтобы прошло время, и здесь нельзя торопиться»¹⁵.

Как было отмечено выше, при поддержке М. А. Усманова в Татарскую энциклопедию был введен термин «татароведение». Здесь нужно подчеркнуть, что ученый внес значимый вклад в развитие татарской энциклопедистики. В 1999–2020 гг. Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ издал Татарский энциклопедический словарь, 6 томов Татарской энциклопедии на русском и татарском языках. М. А. Усманов, став академиком Академии наук Республики Татарстан, вошел в состав главной редакционной коллегии Татарской энциклопедии и служил этому делу до самой кончины. При создании энциклопедии нужно было уделить особое внимание правильному написанию имен татарских ханов, религиозных деятелей и просветителей, разработать правильную транскрипцию на русском языке, словник. М. А. Усманов активно работал в этих направлениях. Он говорил, что эти разработки должны лечь в основу школьных учебников и являться руководством для журналистов и исследователей¹⁶. М. А. Усмановым написаны несколько десятков статей для Татар-

ской энциклопедии, посвященных жалованным актам, фискальным понятиям, печатям и титулатуре знати Золотой Орды и татарских ханств, возникших после ее распада, свыше 10 статей о видных представителях татарской диаспоры китайского Восточного Туркестана, а также такие масштабные статьи, как «Археографические экспедиции», «Археография», «Источниковедение» (совместно с З. С. Миннуллином), «Шаджара» (совместно с Ф. Г. Калимуллиной). Он также редактировал такие статьи, как Золотая Орда, Казанское ханство, Крымское ханство. Именно благодаря его профессионализму, опыту и трудолюбию Татарская энциклопедия обогатилась исторически вы-

веренными фактами и событиями прошлого.

Подводя итоги, отметим, что М. А. Усманов не только изучал историю Казанского востоковедения, но и сам являлся одним из творцов этой дисциплины в Казани во второй половине XX – начале XXI вв. Ученый стоял у истоков создания Татарской энциклопедии, разработки ее словника. Его многогранность знаний не раз помогала в разрешении сложных вопросов, касающихся правописания имен и терминов или же оценки тех или иных событий прошлого. Он – автор нескольких десятков оригинальных статей Татарской энциклопедии по истории татар и о выдающихся представителях татарского народа.

Сведения об авторе: Калимуллина Фирдаус Гумаровна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: kfirdaus@list.ru.

Аннотация: Статья посвящена анализу многогранной деятельности в области востоковедения и энциклопедистики известного ученого, писателя, востоковеда и археографа М. А. Усманова (1934–2010). Выявлены взгляды ученого на казанское востоковедение различных периодов его существования, подчеркнуты заслуги в создании многотомной Татарской энциклопедии.

Ключевые слова: Казанский университет, Казанское востоковедение, татароведение, ориенталистика, археография, биография, М. А. Усманов, Татарская энциклопедия, татарская энциклопедистика, Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова.

Abstract: The article is devoted to the analysis of the multifaceted activity in the field of oriental studies and encyclopedia of the famous scientist, writer, orientalist and archeographer M. A. Usmanov (1934–2010). The scientist's views on the Kazan oriental studies of various periods of its existence are revealed, the merits in the creation of the multivolume Tatar encyclopedia are emphasized.

Key words: Kazan University, Kazan oriental studies, Tatar studies, oriental studies, archeography, biography, M. A. Usmanov, Tatar encyclopedia, Tatar encyclopedia, Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates named after M. A. Usmanov.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Айнутдинова Л. М. Усманов Миркасым Абдулахатович // Татарская энциклопедия. – Казань, 2014. Т. 6. С. 52–53.

2 Миркасыйм Абдулахатович Усманов. [Электронный ресурс] / Национальная библиотека Республики Татарстан. – Режим доступа: http://kitaphane.tatarstan.ru/rus/outstanding_people/mirk.htm (дата обращения 12.10.2017).

- 3 Калимуллина Ф. Г. Усманов Миркасым Абдулахатович // Татары Казахстана. Иллюстрированный энциклопедический справочник. – Казань, 2017. С. 404–406.
- 4 Усманов М. А. О судьбе Казанского востоковедения // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 176–192.
- 5 Шайдуллин Р. В. Роль М. А. Усманова в становлении и развитии современной Татарской энциклопедистики // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения (К 80-летию профессора М. А. Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д. М. Усманова, Д. А. Мустафина, М. Кемпер. – Казань, 2015. С. 85.
- 6 Султан-Галиев Мирсаид. Избранные труды. – Казань, 1998. С. 9–22; Гади Атласи: Тарихи-документаль жьыентьк. – Казань, 2007. Б. 203–251; Газиз Гобәйдуллин: Фәнни-биографик жьыентьк. – Казань, 2002. Б. 7; Гали Рәхим: Тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьыентьк. – Казань, 2008. Б. 10; Габдрахман Сәгъди: Фәнни-биографик жьыентьк. – Казань, 2008. Б. 30.
- 7 Госманов М. Ризаэддин Фәхрединов мирасы // Үткәннән – киләчәккә. – Казань, 1990. Б. 65–67.
- 8 Усманов М. А. Сколько потерь в каждой находке // Памятники Отечества: Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М., 1989. Вып. 1. С. 115–123.
- 9 Усманов М. А. О судьбе Казанского востоковедения. . .
- 10 Усманов М. А. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Татарский народный эпос. Перевод Семена Липкина. – Казань, 1990. С. 247–254.
- 11 Происхождение казанских татар: Материалы сессии Отделения истории и философии Академии наук СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 года в г. Москве (по стенограмме). – Казань, 1948. С. 27.
- 12 Усманов М. А. О судьбе Казанского востоковедения. . .
- 13 Усманов М. А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв.: «Сборник летописей», «Дафтар-и Чингиз-наме», «Таварих-и Булгария», Татарские шаджара. – Казань, 1972.
- 14 Центр исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn-80aagie6cnnb.xn-p1ai/departments/6> (дата обращения 08.02.2021).
- 15 Миркасым Усманов: неутраченное время. [Электронный ресурс] / Татарский мир. 2004. № 8. – Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=556§ion=0&heading=0> (дата обращения 12.10.2017).
- 16 Сабирзянов Г. С. О роли М. А. Усманова в создании первой в истории «Татарской энциклопедии» // Тюрко-мусульманский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения (К 80-летию профессора М. А. Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д. М. Усманова, Д. А. Мустафина, М. Кемпер. – Казань, 2015. С. 80.

**ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ О ЖИВОЙ СТАРИНЕ...
(ПАМЯТИ АКАДЕМИКА МАМЕДАГИ ШИРАЛИЕВА)**

Мустафаев Н.

**LIFE DEDICATED TO THE SCIENCE OF LIVING
ANTIQUITY... (IN MEMORY OF ACADEMICIAN
MAMEDAG SHIRALIYEV)**

Mustafaev N.

С огромным интересом беру в руки изданный в 1970 г. первый номер журнала «Советская Тюркология» и знакомлюсь с его содержанием. Меня воодушевил тот факт, что научно-теоретический журнал такого высочайшего уровня, деятельность которого была регламентирована постановлением Президиума Академии Наук СССР «Об издании всесоюзного журнала» «Советская тюркология», впервые начал издаваться в г. Баку и главным редактором этого издания был наш соотечественник, выдающийся ученый – Мамедага Ширалиев.

Азербайджанские ученые во все времена вносили большой вклад в развитие тюркологической науки. Знаменательно, что в этом номере была опубликована передовая статья академика М. Ширалиева в соавторстве с профессором С. Асадуллаевым «Советская тюркская филология и задачи журнала»¹, где были определены цели и многогранные направления издания по развитию тюркской филологии. В этой связи у меня появилось желание обратиться

к научной деятельности этого крупного ученого, различным этапам его жизни, встретиться с его коллегами, поговорить о нем с его учениками.

Академик Мамедага Ширали оглы Ширалиев родился 13 сентября 1909 г. в древнем азербайджанском городе Шемаха, в семье служащего. Среднее образование получил в бакинской школе № 18. В 1927 г. юноша поступил на языковедческое отделение восточного факультета Азербайджанского государственного университета, преобразованного в 1930 г. в Педагогический институт, по окончании которого был направлен в Агдамский район Азербайджанской ССР на педагогическую работу. Начавший трудовую деятельность в Агрехимическом техникуме г. Агдам, М. Ширалиев в 1931–1933 гг. работал учителем азербайджанского языка, а также заведовал учебной частью техникума. Именно в эти годы он проявился глубокий интерес к науке о так называемой живой старине, то есть о диалектах и говорах. В сво-

ей статье «Новые диалектные данные для истории тюркских языков» академик М. Ш. Ширалиев писал: «... Не случайно крупные языковеды, анализируя язык письменных памятников, многие возникавшие при этом спорные вопросы языка решали, обращаясь к диалектным материалам». И поэтому он всегда считал ценным мнение крупного российского востоковеда П. М. Мелиоранского, который по этому поводу отмечал, что «... современные диалекты сохраняют часто, как показало уже неоднократно наблюдение, многие формы и слова, недошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, представляют таким образом драгоценное, часто незаметное пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников»². Молодой ученый активно участвовал в различных экспедициях на территории Закавказья и в районах Азербайджана, где собирал материалы о диалектах и говорах, интересовался проблемами взаимоотношений азербайджанского и кавказских языков. М. Ш. Ширалиев, как и его соотарищи, талантливые молодые ученые А. Дамирчизаде и М. Гусейнзаде являлись аспирантами известного азербайджанского языковеда Б. Чобанзаде, ставшего впоследствии жертвой репрессий, который направлял их научные поиски в различных областях языкознания.

В мае 1941 г. М. Ширалиев представил свое фундаментальное исследование «Бакинский диалект», посвященное изучению тюркских диалектов и говоров на соискание

ученой степени кандидата филологических наук. 13 мая, на заседании ученого совета Азербайджанского государственного университета им. С. Кирова, присутствующие на защите официальные и неофициальные оппоненты дали высокую оценку представленной диссертации. Крупный украинский ученый, доктор филологических наук, профессор А. В. Багрий, работавший в эти годы деканом филологического факультета и присутствующий на защите, внес предложение о присуждении молодому ученому степени доктора филологических наук. Комиссия в составе известных ученых, профессоров П. Жузе, П. Тумбиля, тюрколога Н. Дмитриева, весьма высоко оценила труд азербайджанского диалектолога. Защиту поддержали присутствующие профессора П. Ростовцев, Н. Дмитриев и доцент А. Демирчизаде. Ученый Совет большинством голосов – 19 «за», 9 «против», 1 «воздержался» – принял решение об утверждении М. Ш. Ширалиева в ученой степени доктора филологических наук. М. Ш. Ширалиев стал первым в Азербайджане языковедом-азербайджанцем и самым молодым доктором наук в СССР в этой области. Диссертация в виде монографии «Бакинский диалект» была издана в 1949 г.³ В отзыве на книгу академик АН СССР Н. К. Дмитриев писал: «М. Ширалиева с полным основанием можно назвать основателем азербайджанской диалектологии, стоящей на уровне современной науки».

В 1941 г. М. Ширалиев написал статью «Диалог и речь азербайджан-

ского языка», где впервые представил научную классификацию диалектов азербайджанского языка на основе географического принципа. В ней прослежены взаимосвязи между диалектами и говорами азербайджанского и кавказского языков, определены основные проблемы дальнейшего развития советской тюркологии. Представленная ученым классификация нашла отражение в изданной UNESCO в 1959 г. книге «Fundamental turcise».

Однако война Германии против СССР не позволила осуществиться многим научным планам молодого ученого. Несмотря на трудности военного времени, ценой огромных усилий всего советского народа, направленных на защиту своей Родины, значительный вклад внесли многие представители науки, культуры и искусства Азербайджана, оставшиеся в тылу. В 1942 г. М. Ш. Ширалиев перешел на работу в Азербайджанский государственный университет. В 1942–1945 гг. он работал заведующим кафедрой азербайджанского языкознания и деканом филологического факультета, а с 1945 г. – проректором АГУ. Он активно участвовал в создании групп самозащиты студентов, взводов народного ополчения, курсов медсестер, занятий по военной подготовке. Одновременно в центре его внимания находятся вопросы комплектования студенческих рядов университета. В 1942 г. вышла его книга «Азербайджанская диалектология», в которой им впервые было дано описание звукового состава и фонетических явлений азербай-

джанских диалектов и говоров, их морфологических особенностей, охарактеризованы отличия от литературного языка. В 1943 г. Высшая аттестационная комиссия Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР присудила Ширалиеву ученую степень доктора филологических наук и звание профессора. Ученому была предоставлена квартира в Доме ученых, расположенном рядом с бакинским бульваром. В 1944 г. профессор М. Ширалиев вступил в ряды КПСС. Он был награжден медалями «За оборону Кавказа» (1944 г.) и «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (1946 г.).

27 марта 1945 г. правительство Азербайджанской ССР утвердило создание Академии наук Азербайджана. В 1949 г. профессор М. Ширалиев был избран членом-корреспондентом АН, а также назначен первым директором Института языка АН. В 1947 г. в «Известиях ОАЯ АН СССР» М. Ширалиев опубликовал свою новую статью под названием «Изучение диалектов азербайджанского языка», в которой впервые освещаются проблемы взаимосвязи между диалектами и говорами азербайджанского языка и кавказскими языками, приводится ряд новых фактов в подтверждение наличия кыпчакских элементов в азербайджанском языке. Ученый определяет некоторые проблемы дальнейшего развития советской тюркологии, раскрывает ее важную роль в изучении истории языка.

В 1950 г. профессор М. Ш. Ширалиев приступил к сравнительно-

му изучению диалектов и говоров азербайджанского языка. Результаты своих исследований он описал в научной работе «Изучение диалектов азербайджанского языка» (на фонетическом материале). В этой связи представляется интересным мнение крупного казахского языковеда, академика Национальной академии наук Республики Казахстан Ш. Сарibaева: «В казахской диалектологии существует много противоречивых вопросов, одним из которых является классификация диалектов. Известный тюрколог Азербайджана М. Ширалиев определил эту цель в тюркском мире».

В 1951 г. под руководством профессора М. Ш. Ширалиева в Институте литературы и языкознания АН был создан отдел диалектологии (он руководил отделом в 1951–1953, 1954–1960 гг.). В 1953 г. по приглашению правительства Болгарской народной республики профессор М. Ш. Ширалиев перешел на работу в Софийский университет Святого Климента Охридского, где в 1953/1954 учебном году заведовал кафедрой турецкой филологии. Здесь на основе собранных студентами в турецких селениях материалов, ученый написал ряд работ «Турецкая филология», «Введение в языкознание».

Академик НАН Болгарии В. Георгиев в своем письме на имя президента АН Азербайджана в 1959 г. писал: «Профессор М. Ш. Ширалиев был нашим гостем в 1953/1954 учебном году... Научный кружок современного турецкого языка и турецкой диалектологии, созданный

и руководимый профессором М. Ширалиевым, объединял лучшие силы среди студентов и долго после этого продолжал свою деятельность по поставленному им тематическому плану. Кружок и сейчас руководствуется его программой».

Наряду с изучением диалектов и говоров азербайджанского языка, профессор М. Ш. Ширалиев уделял особое внимание проблемам азербайджанского литературного языка, развития национальной литературы. В своих работах он стремился раскрыть борьбу за литературный язык в XIX – начале XX вв. В 1956 г. профессор опубликовал в «Известиях АН Азербайджанской ССР» статью под названием «Революция 1905 года и борьба за народность азербайджанского литературного языка». В статье «К вопросу развития азербайджанского литературного языка в советский период» (1957) были отражены пути развития современного азербайджанского литературного языка. Кроме этого, он обращался к литературному творчеству великого азербайджанского поэта М. А. Сабира и создал труд «Заметки о языке Сабира», в котором в сжатой форме раскрыл характерные особенности литературного языка начала XX в., на базе взаимоотношений языка поэта с общенародным языком и диалектами.

В 1957 г. ученый принял участие в работе VIII съезда Турецкого лингвистического общества, где был избран членом-корреспондентом и почетным членом.

В 1952–1960 гг. профессор М. Ш. Ширалиев работал заведую-

щим отделом диалектологии Института литературы и языка им. И. Насими АН Азербайджанской ССР и одновременно профессором кафедры азербайджанского языкознания АГУ. В 1960–1968 гг. М. Ш. Ширалиев возглавлял Институт литературы и языка им. И. Насими, а с февраля 1968 г. являлся академ-секретарем Отделения общественных наук АН Азербайджанской ССР.

Одной из фундаментальных работ профессора М. Ш. Ширалиева является монография «Основы азербайджанской диалектологии», изданная в 1962 г. Она является результатом многолетнего изучения диалектов и содержит глубокий теоретический анализ особенностей азербайджанских диалектов и говоров, их специфические и общие черты. В 1972 г. за этот труд М. Ш. Ширалиев был удостоен Государственной премии Азербайджанской ССР.

В 1962 г. профессор М. Ш. Ширалиев был избран академиком АН Азербайджанской ССР, в этом же году ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки». В 1969 г. он был назначен первым директором Института языкознания им. И. Насими АН. В это время под его руководством в институте начато издание общесоюзного периодического сборника «Вопросы диалектологии тюркских языков». В 1963 г. по приглашению Института востоковедения Польской академии наук М. Ш. Ширалиев предоставил цикл лекций и докладов, посвященных актуальным вопросам советской тюркологии в Варшавском университете, а также в Институте востоковедения

Краковской ориенталистической комиссии по теме «О составлении диалектологических атласов». Текст доклада был опубликован на французском языке в 1966 г. в издаваемом в Кракове востоковедческом сборнике «Fiona Orientalia».

Он выступал на VII Международном конгрессе тюркологов и этнографов в Москве (1964 г.), Всесоюзном диалектологическом совещании в г. Баку (1965 г.), научной сессии в Кишиневе в (1967 г.), XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве (1980 г.) и др.

С именем академика М. Ш. Ширалиева связано составление первого диалектологического атласа и словарей азербайджанского языка. М. Ш. Ширалиев является автором идеи изучения тюркских языков путем географического языкознания. Следует отметить, что еще в 1960 г. М. Ш. Ширалиев в своей статье «Азербайджанская диалектология на новом этапе» изложил научные основы и пути создания диалектологического атласа азербайджанского языка и добился его издания. Именно поэтому на состоявшемся в Баку Всесоюзном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков возглавить всю работу по составлению диалектического атласа было поручено именно академику М. Ш. Ширалиеву (1965 г.). Под руководством академика М. Ш. Ширалиева азербайджанские диалектологи в течении 20 лет смогли создать из 128 карт и опубликовать «Диалектологический атлас азербайджанского языка» (1980 г.). Редакторами этого атласа являлись академик М. Ш. Ширалиев

и профессор М. Исламов. Издание атласа стало первым шагом в мировой практике и было воспринято тюркологами мира с глубоким интересом и высоко оценен ими. Так, Президент АН Туркменской ССР Р. Азимов писал: «Туркмены создали свой диалектологический атлас на основе школы М. Ш. Ширалиева».

Принимая во внимание большой вклад азербайджанских ученых в развитие тюркологии, а также в целях дальнейшего развития советской тюркологии было принято постановление Президиума АН СССР «Об издании всесоюзного журнала «Советская Тюркология» (издавался с 1970–1987 гг.), целями которого были объединение усилий ученых-тюркологов, обеспечение широкого обмена идеями и опытом, результатами исследований, освещение проблем взаимодействия тюркских языков с другими языками, публикация материалов о многовековых литературных и культурных связях между тюркскими народами и др.⁴ Главным редактором журнала был назначен академик М. Ш. Ширалиев.

М. Ш. Ширалиев успешно передавал свой научный и педагогический опыт не только студентам в Азербайджане, но и в зарубежных странах. Работая в Софийском университете, он создал программу и учебники для нескольких курсов. Под его руководством и при соавторстве с известными языковедами, им написаны ряд учебников для высших школ. Вот уже более 50 лет в средних школах Азербайджана пользуются написанным совместно с профессором М. Гусейнзаде и изданным в 1940 г.

учебником «Грамматика азербайджанского языка: синтаксис».

Академик М. Ш. Ширалиев сыграл большую роль в подготовке кадров в области языкознания как для Азербайджана, так и для многих республик СССР и зарубежья. Им было подготовлено 10 докторов и свыше 50 кандидатов наук, среди которых академики А. Ахундов, Т. Гаджиев, доктора филологических наук М. Рагимов, И. Мамедов, Р. Магеррамова, М. Исламов, Г. Кязимов, М. Мамедов. Одним из талантливых и ярких учеников-последователей М. Ш. Ширалиева является доктор филологических наук Г. Пашаев. Он был первым аспирантом М. Ш. Ширалиева и работчиком его научного направления. «Мамед Ширалиевич, – писал в 1959 г. член-корреспондент АН СССР Б. А. Серебряников, – имеет многочисленных учеников и по праву считается основателем своей школы тюркологов». За педагогическую работу академик М. Ш. Ширалиев был награжден Почетными грамотами Министерства высшего и среднего специального образования Узбекской ССР (1977 г.) и Каракалпакской автономной республики Узбекской ССР (1979 г.), за плодотворную научную деятельность – орденами «Знак Почета» (1954 г.) и «Дружбы народов» (1975 г.).

16 апреля 1991 г. всемирно известного ученого-языковеда не стало. Но и сегодня деятельность выдающегося востоковеда привлекает внимание. Состоявшийся в октябре 2014 г. в Баку I Международный симпозиум тюркологов «Предшественники и последова-

тели», посвященный 150-летию со дня рождения лингвиста Алибека Гусейн оглу Гусейнзаде и 105-летию языковеда и тюрколога академика Мамедаги Ширали оглы Ширалиева, подчеркнул значимость ученого для азербайджанской науки. 10 декабря 2019 г. на телевизионном канале ATV зрителям была представлена передача, посвященная научно-образовательной деятельности ученого.

Сведения об авторе: Мустафаев Намазали, руководитель общественного объединения «Развитие и мир» (г. Баку, Азербайджанская республика), e-mail: m-namazasker@mail.ru.

Аннотация: Статья посвящена биографии ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора М. Ш. Ширалиева.

Ключевые слова: Азербайджан, Национальная академия наук Азербайджана, биография, М. Ш. Ширалиев.

Abstract: The article is devoted to the biography of the scientist-Turkologist, Doctor of Philology, Professor M. Sh. Shiraliev.

Key words: Azerbaijan, Azerbaijan National Academy of Sciences, biography, M. Sh. Shiraliyev.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Ширалиев М. Ш., Асадуллаев С. Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология // Советская Тюркология. 1970. № 1. С. 3–15.
- 2 Кононов А. П. М. Мелиоранский и Отечественная тюркология // «Советская тюркология». 1971. № 1. С. 6–23.
- 3 Ширалиев М. Ш. Бакинский диалект. – Баку: Академия наук Аз. СССР, 1949.
- 4 Ширалиев М. Ш., Асадуллаев С. Советская тюркская филология и задачи журнала «Советская тюркология // 1970. № 1. С. 3–15.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Мухаметшина Л. Т.

INFORMATION POTENTIAL OF THE ENCYCLOPEDIA «SETTLEMENTS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN»

Mukhametshina L. T.

Необходимость в обобщении и систематизации накопленных к настоящему времени краеведами и историками сведений о населенных пунктах Республики Татарстан возникла достаточно давно. В 1997 г. Институтом Татарской энциклопедии был выпущен справочник «Населенные пункты Республики Татарстан»¹, который содержит краткую информацию обо всех существовавших на тот период населенных пунктах республики. Он стал своего рода основой для создания в будущем расширенных статей «Татарской энциклопедии» (ТЭ)². Однако формат универсальной энциклопедии, безусловно, накладывал ограничения на объем включаемой в статьи о населенных пунктах информации. Поэтому после выпуска в 2014 г. последнего, 6-го тома «Татарской энциклопедии» на русском языке закономерно встал вопрос об издании отраслевой энциклопедии о населенных пунктах РТ в трех томах.

Разработка этого проекта в 2016 г. была возложена на сотрудников Центра регионоведения и социокультур-

турных исследований Института татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. Одной из главных задач создателей энциклопедии стало расширение ее информационного потенциала. К настоящему времени увидел свет 1-й том энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан»³, включающий 14 районов (на буквы А–Б). 2-й том, содержащий сведения о 15 районах (на буквы В–М), планируется издать в 2021 г.

Ранее мы рассмотрели особенности проверки сведений⁴ и работы над текстами⁵ в процессе подготовки энциклопедических статей. Целью данной публикации стала оценка информационного потенциала энциклопедии «Населенные пункты РТ». Для этого был проведен анализ подготовленной к печати рукописи раздела «Заинский район». Методом нашего исследования стал традиционный интерпретативный анализ текстов. В выборку вошли статьи о Заинском районе, г. Заинске и 85 ныне существующих населенных пунктах района, включенных в «Реестр административно-терри-

ториальных единиц и населенных пунктов в Республике Татарстан»⁶.

За основу статей иллюстрированной энциклопедии были взяты схемы, разработанные для ТЭ, однако они были доработаны и дополнены. В начале статьи приводятся сведения о расстоянии и направлении от районного центра, географическом и транспортном расположении поселения. Дается историческая справка о годах основания или упоминания в документах; первоначальном названии или переименовании; переносе населенного пункта на другое место, его разрушениях. Версии о происхождении названия поселения не приводятся, однако легко устанавливается связь этимологии наименований многих населенных пунктов с их географическим расположением. Так, реки Аксарка, Батраска, Лузинка, Шипка, Багряжка, Налимка дали названия селам и деревням Аксарино, Большой Батрас, Верхние Лузы, Верхние Шипки, Верхний Багряж, Верхний Налим и др.

Историческая часть статей включает сведения об экономическом положении населенного пункта на рубеже XIX–XX вв. Приводится информация об учреждении школ, училищ, строительстве церквей и мечетей, функционировавших в тот период торговых заведений. Занятия жителей характеризуют данные о распространенности того или иного промысла. Анализ данной информации показал широкое распространение в начале XX в. в 33 селах и деревнях Заинского района пчеловодства, колесного, санного,

ткацкого, швейного, сапожного, валяльного, кузнечного, бондарного, плотницкого, столярного, рогожного и др. промыслов. Плотники д. Ахметьево (создавали артели и подряджались на строительство домов, мостов, общественных зданий), каменщики с. Кара-Елга, а также сани, изготовленные мастерами с. Имянлебаш, и продукция тележных мастеров с. Тюгеевка славились по всей округе. Изготовленную в с. Бегишево посуду продавали в Сибири, в г. Семипалатинске и др. регионах.

Жители 25 поселений, располагавшихся на территории современного Заинского района, приняли активное участие в Крестьянской войне 1773–1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева. Старшина с. Аксарино А. Асеев сформировал в округе самый крупный отряд повстанцев, участвовавший в осаде Заинска. Село Александровская Слобода стало местом сосредоточения повстанцев, местный отставной унтер-офицер лейб-гвардии М. Т. Голев был назначен Пугачевым атаманом. В д. Ахметьево и с. Дурт-Мунча были сформированы вооруженные отряды в составе 300 человек каждый. Активно поддержали местные жители и «вилочный» мятеж 1920 г.: в с. Новоспасск, в доме Мельгуновых, располагался временный штаб восставших; в центре с. Старый Токмак, как напоминание о тех событиях, сохранилась могила секретаря волисполкома И. К. Киселева, убитого восставшими.

Экономическое положение жителей на рубеже XIX–XX вв. ярко иллюстрируют данные подворной пе-

реписи 1912–1913 гг., приведенные в 62 статьях о населенных пунктах. На их основе возможно составление сводной таблицы (ее фрагмент представлен в табл. 1), которая позволит сделать выводы в целом по району.

Историческую часть статей завершает информация об административно-территориальной принадлежности населенных пунктов, вплоть до настоящего времени.

Таблица 1. Характеристика хозяйств населенных пунктов, располагавшихся на территории современного Заинского района РТ, согласно подворной переписи 1912–1913 гг.

	<i>Всего хозяйств</i>				<i>Кол-во голов крупного рогатого скота</i>	<i>Кол-во пчелосемей</i>	<i>Кол-во хозяйств, сочетающих земледелие с кустарными промыслами</i>
	<i>Из них безлошадные</i>	<i>Из них 1-, 2-лошадные</i>	<i>Из них имеющие 3 и более лошадей</i>				
<i>с. Аксарино</i>	199	40 (20%)	157 (79%)	2 (1%)	1275	123	175 (88%)
<i>с. Александровская Слобода</i>	293	36 (12%)	248 (85%)	9 (3%)	3111	732	54 (18%)
<i>с. Алкино</i>	95	10 (10,5%)	77 (81%)	8 (8%)	1442	-	-
<i>д. Ахметьево</i>	212	78 (37%)	133 (63%)	1 (0,5%)	2197	143	51 (24%)
<i>д. Большой Батрас</i>	101	11 (11%)	85 (84%)	5 (5%)	1320	-	20 (20%)

Описание советского периода в истории поселений, как правило, включает сведения об организации колхозов, культурно-просветительских и образовательных учреждений, сельскохозяйственных предприятий. Здесь следует отметить, что, в отличие от статей «Татарской энциклопедии», тексты иллюстрированной энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» дополнены информацией о действовавших в селах и деревнях колхозах и функционирующих в настоящее время сельскохозяйственных предприятиях, а также домах культуры, самодеятельных творческих коллективов при них, школах, библиотеках, фельдшерско-акушерских пунктах и многом др.

Завершают статью данные об имеющихся в населенном пункте

археологических памятниках, благоустроенных родниках, приводятся краткие сведения о выдающихся уроженцах поселений, а также о динамике численности населения.

Таким образом, проведенный анализ статей, посвященных населенным пунктам Заинского района РТ, включенного во 2-й том иллюстрированной энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан», показал, что информационный потенциал издания был значительно расширен за счет включения сведений об экономическом положении жителей поселений на рубеже XIX–XX вв. (по материала подворной переписи 1912–1913 гг.), их участия в исторических событиях, а также информации об организации колхозов, культурно-просветительских и образовательных учреждений,

сельскохозяйственных предприятий, которые отсутствовали в ранее выпущенных Институтом татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ изданиях. Это способствовало повышению значимости рассматриваемой энциклопедии как источника полных и достоверных сведений обо всех ныне существующих населенных пунктах Республики Татарстан.

Сведения об авторе: Мухаметшина Лилия Талгатовна, старший научный сотрудник Центра энциклопедистики Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: L2002@mail.ru

Аннотация: В статье на основе анализа рукописи статей о населенных пунктах Заинского района РТ, включенных во 2-й том иллюстрированной энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан», оценивается информационный потенциал издания. Делается вывод о значительном усилении информационной составляющей энциклопедии, по сравнению с ранее выпущенными справочником о населенных пунктах республики и «Татарской энциклопедией».

Ключевые слова: энциклопедия, информационный потенциал, населенные пункты Республики Татарстан, энциклопедическая статья.

Abstract: In the article, based on the analysis of the manuscript of articles about the settlements of the Zainsk region of the Republic of Tatarstan, included in the 2nd volume of the illustrated encyclopedia «Settlements of the Republic of Tatarstan», the information potential of the publication is estimated. The conclusion is made about a significant increase in the informational component of the encyclopedia, in comparison with the previously published reference book about the settlements of the republic and the «Tatar Encyclopedia».

Key words: encyclopedia, information potential, settlements of the Republic of Tatarstan, encyclopedia article.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Населенные пункты Республики Татарстан. Краткий справочник. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 1997. 390 с.
- 2 Татарская энциклопедия: в 6 т. Т. 1–6. – Казань: Институт Татарской энциклопедии, 2002–2014.
- 3 Населенные пункты Республики Татарстан: иллюстрированная энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. Л. М. Айнутдинова, Б. Л. Хамидуллин. – Казань, 2018. Т. 1. 712 с.
- 4 Мухаметшина Л. Т. Особенности проверки сведений об организации колхозов при подготовке энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» // Актуальные проблемы регионоведения и науковедения: сборник статей научной конференции (г. Казань, 30 апреля 2019 г.) / ред. И. А. Гилязов, М. З. Хабибуллин. – Казань, 2019. Вып. 8. С. 70–76.
- 5 Мухаметшина Л. Т. Унификация синтаксических конструкций и используемой лексики как особенность подготовки статей энциклопедии «Населенные пункты Республики Татарстан» // Современная российская энциклопедистика: место и роль в обществе, перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Уфа, 21–22 ноября 2019 г.). – Уфа: Башк. энцикл., 2019. С. 140–143.
- 6 Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов в Республике Татарстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.tatarstan.ru/reestr-administrativno-territorialnih-edinits-i.htm> (дата обращения: 05.02.2021).

**КНИГА «ТАТАРСТАНУ – 100 ЛЕТ: ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ
ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ» КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОГО
ДВИЖЕНИЯ В ТАТАРСТАНЕ**

Нигъмәтзянова Л. Т.

**THE BOOK «TATARSTAN IS 100 YEARS OLD: ILLUSTRATED
ENCYCLOPEDIA SKETCHES» AS A SOURCE FOR THE
STUDY OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS MOVEMENT
IN TATARSTAN**

Nigmatzyanova L. T.

К 100-летию со дня образования Татарской АССР коллектив Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан подготовил иллюстрированные энциклопедические очерки, отражающие общественно-политическую, социально-экономическую и культурную жизнь республики в период с 1920 по 2020 гг. В книге «Татарстану – 100 лет: иллюстрированные энциклопедические очерки»¹ представлен богатый фактический и иллюстративный материал, раскрывающий перед читателем важнейшие вехи истории Татарстана, его государственного строительства, основные этапы развития промышленности и сельского хозяйства, науки и образования, культуры и средств массовой информации, здравоохранения и спорта.

Книга опубликована к 100-летию Республики Татарстан в соответ-

ствии с Постановлением Кабинета Министров РТ от 28.12.2016 г. № 1020 «Об утверждении Плана мероприятий по подготовке и празднованию 100-летия образования Татарской Автономной Советской Социалистической Республики».

Данные очерки продолжают серию энциклопедических изданий, разработка которых была начата институтом еще в 1990-е гг.² В 9-й части «Здравоохранение и спорт» 2-го раздела «Спорт и спортивные объекты» представлено описание возникновения и развития физкультурно-спортивного движения, что было связано с организацией в городе Казани добровольных спортивных обществ и объединений, которые начали учреждать в конце 19 – начале 20 в. После Революции 1917 г. процесс создания спортивных обществ активизировался, что привело к возникновению последних не только в Казани, но и в районах

республики. Спортивное движение в республике возглавил созданный в 1919 г. отдел физического развития и спорта при Казанском губернском военном комиссариате и Казанском губернском спортивном союзе. Все-татарский спортивный союз, учрежденный в 1921 г. в Казани, объединил все спортивные общества, секции и кружки. Уже в 1920–1930-е гг. были созданы многочисленные физкультурные общества («Татпечать», «Железнодорожник», «Флорида», Центральный дом физической культуры, ФСО «Динамо», «Спартак» и др.), где функционировали различные секции: легкой и тяжелой атлетики, плавания, бокса, борьбы, шахмат, шашек, фехтования и др. Некоторые спортсмены и сборные команды республики становились призерами крупных соревнований, проходивших в стране. В эти годы в отделах физического воспитания, созданных при наркоматах здравоохранения и просвещения ТАССР, стали разрабатывать программы занятий физической культурой в школах 1-й и 2-й ступеней, что привело к росту физкультурно-массового и спортивного движения в Татарстане. Организация в начале 1930-х годов физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) и Единой всесоюзной спортивной классификации привела к активному развитию физкультурного движения, что стало причиной изменения традиционных форм организации и руководства. В результате, в 1935 г. по всей стране начали учреждаться добровольные спортивные общества (ДСО) со своими уставами,

эмблемами, членскими значками и спортивными формами. Эти же обстоятельства коснулись и физкультурного движения в сельской местности: в этот период оно стало интенсивно расти. Квалифицированные кадры для спортивных организаций готовили Казанский техникум физической культуры и физическое отделение Казанского педагогического училища. Весомый вклад в развитие технических видов спорта внесло созданное в 1927 г. добровольное общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (ОСОАВИАХИМ, ныне Региональное общественно-государственное объединение «Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту (ДОСААФ) Республики Татарстан»).

С началом Великой Отечественной войны физкультурные и спортивные организации ТАССР решали задачи по подготовке резервов для Красной армии и реабилитации здоровья раненых военнослужащих. Было подготовлено большое количество руководителей и инструкторов военно-учебных пунктов, рукопашного боя, лыжной подготовки, лечебной физической культуры.

В послевоенные годы были созданы детско-юношеские ДСО «Смена» и «Трудовые резервы», значительно возросло число занимавшихся физической культурой и спортом. Спортивные команды и отдельные спортсмены ТАССР по разным видам спорта добивались больших успехов на многих соревнованиях.

В 1980-е гг. спортивное движение в республике поднялось на новые

высоты. В результате, к концу 1980-х гг. Татарстан занимал 1-е место среди автономных и 8-е место (делил с Эстонией) среди союзных республик СССР. Несмотря на ограничение финансирования в перестроечные и постперестроечные годы, что препятствовало развитию спортивного движения в стране, к началу 1990-х годов в Татарстане были подготовлены: 1901 мастер спорта СССР, 68 мастеров спорта международного класса, 14 заслуженных мастеров спорта СССР; звания заслуженного тренера СССР были удостоены 8, заслуженного тренера РСФСР – 47 человек.

Факторами, активировавшими развитие физической культуры и спорта в Татарстане в начале 21 века, стали реализация республиканской и федеральной программ развития физической культуры и спорта, а также проведение в республике всероссийских и международных спортивных соревнований по различным видам спорта: чемпионаты России по фигурному катанию на коньках, по легкой атлетике, Всемирная летняя Универсиада 2013 г., чемпионат мира по водным видам спорта, матчи чемпионата мира по футболу, этап чемпионата мира по авиагонкам и др. Началось строительство многих спортивных объектов: «Баскет-холл», ледовый дворец спорта «Татнефть Арена», универсальный футбольный стадион «Казань Арена» (ныне «Ак Барс Арена»), Дворец водных видов спорта, Центр хоккея на траве, Международный конноспортивный комплекс «Казань», культурно-спор-

тивный комплекс «КАИ Олимп», Дворец единоборств «Ак Барс», Казанская академия тенниса и др. По данным Министерства спорта РТ, на начало 2019 г. в республике функционировало 11 013 спортивных сооружений с единовременной пропускной способностью 288,3 тыс. человек. Большое внимание уделяется развитию физкультурно-спортивного движения в сельской местности.

Мощным толчком к развитию адаптивной физической культуры и спорта послужило создание в Казани в 2015 г. Детско-юношеской спортивно-адаптивной школы. В настоящее время в школе функционируют отделения по спорту для глухих (вольная борьба, керлинг, плавание, легкая атлетика) и слепых (плавание, легкая атлетика), для лиц с поражением опорно-двигательного аппарата (академическая гребля, бочче, плавание, лыжные гонки, легкая атлетика), лиц с интеллектуальными нарушениями (легкая атлетика, настольный теннис, плавание).

Высокие показатели и достижения в различных видах спорта татарстанских спортсменов позволяют говорить о республике как об одном из спортивных регионов Российской Федерации.

В отдельном подразделе «Ведущие спортивные клубы» описана история возникновения первых общественных физкультурно-спортивных объединений на предприятиях, в учебных организациях и т. д. После выхода постановления ЦКВКП (б) от 27 декабря 1948 г., которое предусматривало выделение стипендий спор-

тсменам, активизировалась профессионализация большого спорта. Это послужило толчком к увеличению числа желающих профессионально заниматься спортом. Созданные много лет назад коллективы физической культуры в наши дни получили статус спортивных клубов, например, «Рубин» (1962 г.), им. М. Урицкого (1963 г.), им. Я. Юдина (1963 г.), им. В. Воровского (1965 г.), «КАМАЗ» (1975 г.), «Электрон» (1987 г.) и др. Представлена подробная информация обо всех спортивных клубах, сформированных в Республике Татарстан в конце 20 – начале 21 вв.

В подразделе «Международные соревнования» приведены и описаны все крупные и значимые соревнования и спортивные мероприятия, прошедшие за последние годы на территории республики Татарстан, в том числе Всемирная летняя Универсиада 2013 г., чемпионат мира по водным видам спорта 2015 г., матчи Кубка конфедераций 2017 г., чемпионата мира по футболу 2018 г.

В подразделе «Спортивные объекты» представлена история строительства в республике спортивных сооружений, начиная от стадиона и стрелкового тира ФСО «Динамо» в 1927 г., стадиона и водной станции Татарского совета профсоюзов и заканчивая современными стадионами («Ак Барс Арена»), спортивными центрами (Центр гимнастики), плавательными бассейнами (Дворец

водных видов спорта), плоскостными сооружениями (Международный конноспортивный комплекс «Казань»), крытыми спортивными объектами с искусственным льдом («Татнефть Арена»).

В книге «Татарстану – 100 лет» размещены архивные фотографии и документы, свидетельствующие об активном и повсеместном распространении физкультурных и спортивных обществ на территории республики. Например, фотография футбольной команды 1-го татарского стрелкового полка, сделанная в 1928 г. В качестве иллюстраций использовано множество фотографий современных спортивных сооружений, значимых не только для Татарстана, но и для Российской Федерации в целом; спортивных мероприятий, прошедших в Казани и других городах республики; фотографии ведущих спортивных клубов и команд РТ, а также достижений в личном зачете.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в книге «Татарстану – 100 лет» наиболее полно и достоверно представлена история развития спорта и спортивного движения на территории Республики Татарстан, начиная с периода становления ТАССР и заканчивая современным положением в области спорта и физического воспитания подрастающего поколения.

Сведения об авторе: Нигъмязянова Лилия Талгатовна, старший научный сотрудник Института татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук РТ, e-mail: flilily@mail.ru.

Аннотация: В статье рассматривается возникновение и процесс развития спортивного движения в Республике Татарстан, описанные в книге «Татарстану – 100 лет»: ил-

люстрированные энциклопедические очерки»; освещена история ведущих спортивных клубов республики.

Ключевые слова: Республика Татарстан, спортивное движение, физкультурное общество, массовый спорт, здоровый образ жизни, энциклопедические очерки.

Abstract: The article discusses the emergence and development of the sports movement in the Republic of Tatarstan, described in the book «Tatarstan – 100 years: illustrated encyclopedic essays»; highlights the history of the leading sports clubs of the Republic.

Key words: Republic of Tatarstan, sports movement, physical culture society, mass sports, healthy lifestyle, encyclopedic essays.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Татарстану – 100 лет: иллюстрированные энциклопедические очерки. – Казань: ОСП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2019. 600 с.
- 2 Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. 703 с.; Татарская энциклопедия: в 6 т. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2002–2014; Республика Татарстан. Природа, история, экономика, культура, наука. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. 194 с.; Татарстан: Иллюстрированная энциклопедия. – Казань: ГУ «Институт Татарской энциклопедии АН РТ», 2013. 816 с.

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОЛЯ В СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Айтпаева Г.А., доктор филологических наук

CHANGES IN THE STRUCTURE OF THE LITERARY FIELD IN SOVIET KYRGYZSTAN DURING THE PERESTROIKA PERIOD

Aitpaeva G. A.

Введение. В данной статье к рассмотрению предлагается идея о том, что разнородность современной кыргызской литературы в основе своей была сформирована в 1985–1991 гг. В новейшей истории эти годы известны как время перестройки¹. Я предполагаю, что именно в годы перестройки в Кыргызстане началось такое взаимодействие «поля литературы» и «поля власти», которое стало влиять не только на состояние художественной литературы, но и на строение самого общества. Для развития и доказательства предлагаемой идеи я использую теорию поля, предложенную французским ученым Пьером Бурдьё. Полями Бурдьё называет социальные пространства, «в которые помещены агенты, принимающие участие в культурном производстве»². Бурдьё выделяет литературное, артистическое, научное, философское и другие поля.

Начало перестройки: кыргызская литература внутри «поля власти». Пьер Бурдьё утверждал, что «поля культурного производства занимают политически и экономически подчи-

ненную позицию в поле власти»³. До сих пор трудно найти специализированные работы, которые бы изучали экономический аспект развития кыргызской советской литературы. Впервые факт прямой связи между художественной литературой и экономикой стал очевиден в годы перестройки, когда в СССР возник бум «толстых журналов»⁴, а в республике колоссально возросли тиражи журнала «Литературный Кыргызстан»⁵.

В кыргызском литературоведении о связи производства литературы с экономикой заговорили в начале 2000-х гг. так же на основе процессов периода перестройки. Автор учебника «История кыргызской литературы двадцатого века» («XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы») профессор Качкынбай Артыкбаев сетует: «Ухудшилась работа творческих союзов, писатели больше не могли выпускать написанные произведения. Открылась дорога для появления халтуры, изданий, претендующих считаться книгами. Авторы, у кого есть деньги или богатые родственники, платили

и начали выпускать нечто книгоподобное. Таким образом, во внимание перестали приниматься высокие идейно-эстетические требования, которые предъявлялись художественной литературе. Наступило время самоуправления посредственности или творчески бездарного человека, у которого были деньги»⁶.

Как видим, вопрос о связи литературы и экономики впервые возник не на уровне анализа объективных процессов и закономерностей, а в виде реакции на кризисную ситуацию конца 1980-х гг. И реакция эта появилась в форме сетований и сожалений, похожих по содержанию и стилистике на «жалобы» и «плач», которые описала Нэнси Рис в «Русских разговорах»⁷. Намного позже, в 2012 г., профессор Ибраимов заметил: «Самым существенным ущербом литературному процессу в Кыргызстане 1980-х гг. было снятие с государственной дотации газет и журналов, таких как «Ала-Тоо», «Литературный Кыргызстан» и еженедельник «Кыргызстан маданияты» из-за экономического кризиса»⁸.

То, что Бурдые назвал «позицией политической подчиненности», может быть сформулировано иначе, в более привычном и узнаваемом для нашего контекста виде, – следование принципам социалистического реализма. Известный кыргызский литературовед Кеңешбек Асаналиев утверждал: «То, что конформизм, существование в приспособлении к идеологическому диктату является основным достоинством и качеством, внутренней природой литерату-

ры социалистического реализма, ни для кого не было секретом. Противостояние ему, инакомыслие, попытки отличиться никому и в голову не приходили. Художественная литература выстраивалась точно на том же принципе иерархии и субординации, на котором была построена верховная власть; тот, кто быстрее и плотнее приближался к власти и политике, получал соответствующую славу и его творческое признание возрастало и усиливалось. Не что-то другое – само художественное произведение взвешивалось и оценивалось на основе того же принципа»⁹. На основе анализа взаимоотношений известных кыргызских писателей, а также билингвизма в творчестве Чингиза Айтматова, Кенешбек Асаналиев показал конкретные механизмы и примеры политической зависимости кыргызской литературы¹⁰.

Отношения власти к литературе как «макрокосмоса» к «микрокосмосу», которое описал Бурдые, первичность власти и вторичность литературы можно зримо наблюдать, перелистывая страницы любого учебника по истории кыргызской литературы, изданного в советский и ранний постсоветский периоды: сначала идет детальное описание общественно-политической ситуации, съездов и других собраний КПСС и только потом – описание литературных процессов.

Бурдые предложил следующую формулу расчета автономности культуры от власти: «Степень автономности поля производства культуры зависит от того, насколько внешний (гетерономный) принцип ие-

рархизации подчинен внутреннему (автономному) принципу иерархизации»¹¹. Согласно этой формуле, на начальном этапе перестройки, в 1985–1987 гг., кыргызская литература не обладала никакой автономностью и не владела механизмами воздействия на власть. В этой связи важным становится вопрос: как в годы перестройки «поле литературы» отреагировало на изменения в «поле власти»?

Публичное противостояние полей власти и литературы. 1986 год отмечен несколькими крупными событиями, которые, без сомнения, сигнализировали о переменах в литературном поле Советской Киргизии. Три из них связаны с именем выдающегося кыргызского писателя Чингиза Айтматова. Весной 1986 г. Чингиз Айтматов стал председателем Союза писателей Кыргызской ССР. Летом, в июне 1986 г. журнал «Новый мир» начал публикацию романа «Плаха». Осенью, в октябре Чингиз Айтматов организовал событие, вошедшее в историю как «Иссык-кульский форум»¹².

VIII съезд Союза писателей Кыргызской ССР, который состоялся в июне 1986 г., – ключевое мероприятие периода перестройки. Союз писателей СССР был инстанцией литературной власти и инструментом политического управления¹³. Союз писателей Кыргызской ССР не был исключением из правил и так же контролировал развитие литературы и был подотчетен власти¹⁴. Ко времени перестройки Чингиз Айтматов был уже всемирно известным прозаиком, народным писателем Кир-

гизской ССР, Героем Социалистического Труда, академиком Академии наук Кыргызской ССР¹⁵. При этом, в республике отношение к нему как со стороны власти, так и некоторых коллег по перу было очень неоднозначным¹⁶. Писатель Казат Акматов в своих воспоминаниях факт появления Чингиза Айтматова на посту Председателя Союза Писателей напрямую связывает с отставкой первого секретаря ЦК Компартии Кыргызской ССР

Т. Усубалиева: «Только после ухода из власти Т. Усубалиева Ч. Айтматов занял свое законное место председателя Союза писателей республики»¹⁷. Тема взаимосвязи между уходом самого влиятельного «человека власти» и приходом самого известного за пределами республики писателя несколько раз возникала в наших интервью с деятелями культуры старше 50 лет. Кстати, на вопрос, был ли Чингиз Айтматов тогда назначен или выбран, главный редактор журнала «Литературный Кыргызстан», писатель Александр Иванов ответил: «Во всяком случае, я не помню широких выборов. Это ведь как было: выбрали того, кого назначали»¹⁸. Однако утверждать, что председательство всемирно известного писателя Чингиза Айтматова мгновенно усилило позиции литературы в отношении власти и увеличило ее автономию, безосновательно. VIII съезд Союза писателей Кыргызской ССР стал одной из первых арен публичного противостояния лидеров литературы против лидеров власти. Основоположник кыргызской советской лите-

ратуры, или, согласно Бурдые, один из главных «агентов» литературного поля, Түгөлбай Сыдыкбеков выступил с открытой критикой компартии. По воспоминаниям очевидцев, Сыдыкбеков в течение часа делал такие заявления, как «материнский язык стал высохшим родником», «наша история – изошренная ложь», «наша культура – невыстоянный напиток, лишенный национальной заправки»¹⁹. Особое внимание патриарх уделил несправедливой критике и репрессиям против мастеров слова, писавших на историческую тему. На следующий же день, вспоминая в интервью Казат Акматов, раздался звонок из ЦК КПСС. Его, как одного из секретарей Союза писателей, обязали разобраться и провести воспитательную работу с «националистом Сыдыкбековым»²⁰.

На основе таких событий, как назначение Ч. Айтматова и характер дискуссии на VIII съезде Союза писателей Киргизской ССР, можно утверждать, что в 1986–1988 гг. в республике началось публичное противостояние и открытая борьба полей власти и литературы. С одной стороны, писатели и литераторы республики на волне новой политики, исходившей из Москвы, требовали права на свободу творчества. И, прежде всего, права на принципиально новое исследование и освещение национальной истории. С другой стороны, Абсамат Масалиев, ставший в 1986 г. первым секретарем ЦК КПСС Киргизии, активно участвовал в жестком контроле и воспитании литераторов и литературных инстанций, нарушающих идеологические

нормы коммунистической партии. Он непосредственно давал указания заставить патриарха кыргызской литературы Т. Сыдыкбекова признать свои ошибки, читал произведения запрещенных авторов и не видел причин для их реабилитации²¹.

Перемены в поле кыргызской литературы. Возвращение в 1988 г. в кыргызскую литературу двух строго запрещенных в советский период деятелей – поэта Молдо Кылыча (1866–1917) и поэта, ученого, общественного деятеля Касыма Тыныстанова (1901–1938) можно рассматривать как первую победу деятелей литературы и культуры над властью.

Рассмотрение вопроса о реабилитации творчества Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова длилось на протяжении двух лет, с 1986 по 1988 г. Молдо Кылыч был обвинен в том, что, являясь выходцем из аристократии, выражал «буржуазно-националистическую идеологию»²². Тыныстанова обвинили в «протаскивании контрреволюционных, буржуазно-националистических идей алаш-орды»²³. Поводом для возникновения острой общественной дискуссии стала статья Кеңешбека Асаналиева. Ученый считал, что творчество Молдо Кылыча и Касыма Тыныстанова должно войти в новую версию «Истории кыргызской советской литературы»²⁴. Осенью 1986 г. была создана республиканская комиссия для изучения творчества этих писателей. В ноябре 1986 г. комиссия во главе с Чингизом Айтматовым представила свое заключение на рассмотрение расширенного заседания специалистов в Академии Наук

Киргизской ССР. Но в начале 1987 г. против заключения профессионалов выступил партийный лидер Абсамат Масалиев²⁵. Эта ситуация периода перестройки демонстрирует классический для советской системы подход: представитель власти решает судьбу литературных произведений.

Однако в центре, в Москве, перестройка набирала силу. В рядах республиканской партии чиновники среднего звена осмеливались на инакомыслие²⁶. В итоге, в 1988 г. была создана новая, теперь уже всесоюзная комиссия, в которую вошли местные и московские литературоведы. Прецедент с Молдо Кылычем и Касымом Тыныстановым стал в определенном смысле спусковым крючком. После положительного решения этого вопроса в киргизскую литературу стали возвращаться произведения забытой, умалчиваемой, вытесненной и другой мало или совсем неизвестной литературы²⁷.

Этот случай показывает, как в годы перестройки менялась диспозиция полей власти и литературы. В литературное поле прорывались или изнутри прорастали новые темы, жанры, формы. Они меняли структуру литературного поля. Согласно теории Бурдые: «Структура поля – это структура распределения разновидностей капитала (или власти), обладание которыми приносит специфические выгоды»²⁸. До перестройки основным выгодным капиталом была тема строительства социалистического общества в разных вариациях.

Однако если изучить сводный библиографический указатель «Киргиз-

ская книга» (Кыргыз китеби) с 1986 по 1990 г.²⁹, то можно явственно увидеть перемены в поле киргизской литературы. Принципиальное отличие структуры литературного поля данного периода заключается в его идеологической и тематической неоднородности. Здесь возникают и соседствуют разные виды капитала, и границы этого разнообразия простираются от сборников поэта Токтогула Сатылганова «Какая женщина породила Ленина» до сборника «Мурас», в котором напечатаны прежде строго запрещенные поэты-заманисты и поэты-муллы³⁰.

Заключение: предчувствие 21 века. В период перестройки менялась позиция литературного поля внутри «поля власти»: возростала степень автономности и самоорганизации «поля литературы», кристаллизовались концепции, которые преодолевали властные режимы. Природа творческого мышления позволила киргизским писателям раньше историков и других интеллектуалов преодолеть стандарты и принципы советского воспроизводства идей.

Изменение идеологических диспозиций власти и литературы вело к изменению внутреннего строения литературного поля. Это период, когда, говоря словами Бурдые, «свобода и дерзость входят как объективная потенция, или даже как необходимость, в специфический конструктивный принцип поля». Свобода и дерзость литераторов расшатывали жестко закрепленные системные связи и конфигурация поля менялась, его тематическая однородность

распадалась. В литературу входили новые виды капитала, в первую очередь, в виде тем по эпосу «Манас» и древней национальной истории. При этом прежние связи и приоритеты были еще в силе и активном действии. Иначе говоря, в литературе периода перестройки создалась ситуация разнообразия и множества возможностей. Именно неоднородность, широта и сосуществование идеологически взаимоисключающих произведений составляет неповторимую уникальность «поля литературы» периода перестройки.

Переломный момент истории оказался глубоко и тонко прочувствованным и осознанным именно литературой на историческую тему. До политологов и политтехнологов, до историков и историографов, литература создала первые модели в области национального возрождения и строительства. Именно в «поле литературы» начался процесс «возрождения» и «актуализации» тра-

диций самого разного типа. Здесь впервые возникли нарративы, которые позже стали главными дискурсами независимого общества. Те модели и конструкции, которые были выкристаллизованы в литературе на кыргызском языке, стали привлекательны для политиков и общественных деятелей.

Именно в период перестройки началось такое взаимодействие полей литературы и власти, которое изменило не только структуру литературного поля, но и структуру самой власти. Поэтому вряд ли будет преувеличением утверждать, что кыргызская литература периода перестройки выполнила одновременно кристаллизующую и социологизирующую функции. И заложила основы национального мифотворчества, которое активно практикуется в литературе, политике, истории и многих других сферах жизни современного Кыргызстана.

Сведения об авторе: Айтпаева Гульнара Амановна, доктор филологических наук, и. о. профессора, Культурно-исследовательский центр Айгине (Киргизская Республика, г. Бишкек), e-mail: aitgul@yahoo.com.

Аннотация: Многообразие поля современной кыргызской литературы зародилось в 1985–1991 гг. Новое разнообразие кыргызской литературы времен перестройки отражало ключевые тенденции, нарождавшиеся в обществе, и в дальнейшем само способствовало трансформации общества. Литература периода перестройки первой ввела в общественное пространство темы строительства нации и государства и стала символическим капиталом перестроечного времени.

Ключевые слова: кыргызская литература, перестройка, эпос «Манас».

Abstract: The article argues that the diversity of the modern literary field had been founded back in 1985–1991. The new variety of Kyrgyz literature in the time of Perestroika reflected the key trends, newly emerging in the society, and in turn contributed to the transformation of the society. This literature was first to bring into a public space the themes of nation and state building and became a symbolic capital during perestroika.

Key words: the field of Kyrgyz literature, perestroika, the epic «Manas».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- 1 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 418–421.
- 2 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 25
- 3 Там же. С. 26.
- 4 Интервью с Ивановым А. И., главным редактором журнала «Литературный Кыргызстан» (1984–2020). Личный архив.
- 5 Там же.
- 6 Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 570.
- 7 Ries N. Russian Talk. Culture and Conversation during Perestroika. – Ithaca, London: Cornell University Press, 1997. P. 83–125. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goo.gl/3qL9i7> (дата обращения май 2013 г.).
- 8 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 424.
- 9 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 63.
- 10 Там же. С. 57–85.
- 11 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 26.
- 12 Горшков Н. М., Марченко Н. И. Ыссык-Кульский форум [Иссык-Кульский форум]. – Фрунзе: Кыргызстан, 1987. С. 61–64; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 463–467.
- 13 Константинова М. Ж. Перемены в русском литературном поле во время и после перестройки (1985–1995). 2009. С. 54–57. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hdl.handle.net/11245> (дата обращения апрель 2014 г.); Вахтель Э. Оставаясь актуальным после коммунизма: роль писателя в Восточной Европе. – Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2006. С. 33–39.
- 14 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 42–48; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 256–262.
- 15 Акматалиев А. А. Чингиз Айтматов: Человек и Вселенная. – Бишкек: Илим, 2013. С. 50–51.
- 16 Асаналиев К. А. Чингиз Айтматов: Кечез жана бүгүн (Кош тилдүү чыгармачылык жана көркөм ойлоо маселеси) [Чингиз Айтматов вчера и сегодня (Проблемы двуязычного творчества и художественного мышления)]. – Бишкек: Шам, 1995. С. 60–63; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 562–563.
- 17 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)]. – Фрунзе, 1998. С. 49.
- 18 Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 418–425.
- 19 Там же. С. 48–53.
- 20 Там же. С. 51; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 422.
- 21 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)]. – Фрунзе, 1998. С. 52; Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)]. – Бишкек, 2004. С. 557; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века. – Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 421.
- 22 Эркебаев А. Э. Малоизученные страницы истории киргизской литературы. – Бишкек: JEKA, 1999. С. 159.

- 23 Судьба эпоса «Манас после Октября. Сборник документов / Ред. Т. А. Абдыкадыров, С. С. Жумалиев.– Бишкек: Мурас, 1995. С. 6.
- 24 Дятленко П. И. Реабилитация репрессированных граждан в Кыргызстане (1954–1999).– Бишкек: Gold Print, 2010. С. 191–192; Ибраимов О. И. История кыргызской литературы XX века.– Бишкек: Издательство КРСУ, 2014. С. 421.
- 25 Артыкбаев К. А. Кайра куруу жана капитализмге өтүү мезгилиндеги кыргыз адабияты (XX кылымдын аягындагы адабият) [Кыргызская литература периода перестройки и перехода к капитализму. (Литература конца XX века)].– Бишкек, 2004. С. 557.
- 26 Акматов К. А. Окуялар, адамдар (Миң бир күн) [Истории и люди (Тысяча и один день)].– Фрунзе, 1998. С. 46.
- 27 Эркебаев А. Э. Малоизученные страницы истории киргизской литературы.– Бишкек: JEKA, 1999. С. 82–198.
- 28 Бурдые П. Поле литературы // Новое литературное обозрение. № 45. 2000. С. 40.
- 29 Кыргыз Китеби [Кыргызская книга]. Т. 82: Көркөм адабият [Фантастика. Литературоведение] / Ред. Г. Ж. Жумабекова, С. А. Жумакадырова, Т. Ж. Асанбекова.– Бишкек: Expres-Print, 2010. С. 515–610.
- 30 Мурас [Наследие] / Ред. М. К. Абдылдаев.– Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 444 с.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЙ ТАТАРСТАН»

Журнал «Научный Татарстан» ориентирован на публикацию научных статей по следующим научным направлениям: 07.00.00 (исторические науки), 10.00.00 (филологические науки), 22.00.00 (социологические науки). При подаче материала в редакцию вы должны учесть следующие требования:

1. Наличие сопроводительного письма автора на имя главного редактора (отдельным файлом), которое должно содержать просьбу автора о публикации, информацию о том, что текст предлагаемой статьи не направлялся в другие издания и проверен им лично на соблюдение этики научных публикаций.

2. Требования к оформлению публикации. Текст должен быть набран в Microsoft Office Word (редактор Microsoft Office Word 1995 – 2003, не использовать Word 2007, Word 2008, Word 2010) без каких-либо элементов форматирования, переносов, рамок, линеек и др. Шрифт «Times New Roman»; основной текст - кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля - 2,5 см; левое поле - 3 см; правое поле - 1,5 см; отступ (абзац) - 1,5 см; параметры абзацев устанавливать только автоматически с помощью опций меню «абзац»; не вводить нумерацию страниц текста; не пользоваться колонтитулами, линейками, рамками, ручными переносами и отступами; исключить лишние пробелы, обязательна проверка орфографии. Ссылки на источники и литературу должны быть концевыми, иметь автоматическую нумерацию арабскими цифрами. Они должны содержать ФИО автора работы, название, год и место издания, ссылку на страницы. В том случае, если ссылка на архивный источник, она должна содержать полное наименование архива (без сокращений), номер фонда, описи и листы дела. Текст статьи должен содержать УДК, аннотации и ключевые слова на русском и английском языках. Объем аннотации не менее 7-8 и не более 20 предложений. Ключевые слова должны включать 5-8 понятий. Перевод на английский язык с использованием автоматических интернет-переводчиков недопустим.

Общий объем материалов (включая текст статьи, примечания, аннотации и ключевые слова) - от 8 000 знаков с пробелами до 30 000 знаков с пробелами (до 0,8 авторского листа).

Аспиранты и докторанты, при желании, могут в комплекте со статьей присылать в редакцию электронные копии документов (в формате ПДФ или jpg), подтверждающие закрепление темы, сведения о научном руководителе (консультанте).

Статьи направлять на эл. адрес:

info-ite@mail.ru с пометкой «Научный Татарстан».